

Гиперборея

Юрий НИКИТИН

Ингвар и Ольга

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Ингвар и Ольга / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
1998 — (Гиперборея)

IX век новой эры. Эпоха великих завоеваний и переселений народов. В земли восточных славян вторглось жестокое племя русов. Среди них – Ингвар, сын Рюрика, лучший воевода киевского князя Олега Вещего. Ингвар и его возлюбленная, древлянская княгиня Ольга – главные герои романа Юрия Никитина.

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	70
Глава 13	75
Глава 14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юрий Никитин

Ингвар и Ольга

Часть I

Глава 1

Ингвар, укрывшись за ореховым кустом, напряженно наблюдал за древлянской крепостью. От земли тянуло прохладой, но на лбу и чисто выбритой по обычаю русов голове выступали капельки пота. Даже длинный чуб, что опускается с макушки за ухо, взмок, будто им ловили рыбу.

Крепость, как и почти все веси этого лесного племени, засела в излучине реки. По берегу, конечно же, огородилась от мира глубоким рвом и двойным частоколом из толстых бревен. По краям торчат на столбах массивные сторожевые башни. Да и туда древляне наверняка втащили запас камней, связки стрел, мотки запасных тетив. Река неглубока, можно перейти вброд, потому в дно – он голову дает наотрез – уже натканы острые колышки, славяне всегда так делают.

Лес вокруг крепости вырублен на полверсты, если не больше. Даже на той стороне реки голо. А кусты и траву свели начисто, чтобы лазутчик не подполз. Нахрапом не взять, это не типично, что пальцев на руке не сочтут. И не ратичи, те в трех соснах блудят. Судя по тому, как добротна поставлена охрана, воевода здесь умелый, в боях битый, так просто взять себя не даст.

Он все еще рассматривал крепость с опушки леса, ближе не подойти, когда неслышно подполз измазанный в раздавленной малине Павка, лучший лазутчик его войска. Задыхаясь от возбуждения, сообщил:

– Через западные ворота вышли бабы. С лукошками!

– Тебе бы только бабы, – проворчал Ингвар. В раздражении потербил серьгу в левом ухе. – Нас зачем сюда послали?

– Да я что, – обиделся Павка. – Ты ж сам велел обо всем сказывать!

Попятился, как барсук в нору, исчез в кустах так, что ни одна ветка не дрогнула. Ну вот и на парня нагырнул зря. Воевода не должен срывать зло на воинах. Вообще не должен распускаться как... местный. Иначе и свои правду говорить перестанут. А про баб подметил вовремя. С бабами бы ворваться в эту крепость! Как ее, Искоростень, стольный град древлянских племен. Все с лукошками, корзинками, а иные и с мешками. Малинники здесь богатые, на версты тянутся. Ветки под тяжестью ягод до земли гнутся. Сдуру да от жадности не захотят бросить мешки да корзинки, тут бы их и настигнуть.

Он проследил взглядом дорогу до ворот. Нет, даже если пустить коней вскачь, бабы успеют спрятаться за воротами. А сверху обрушатся камни, польется кипящая смола. Да и не проскочить с налету. Здесь на каждом шагу ямы, а где и колья торчат. Как только свой скот не калечат.

– Ничего не могу придумать, – сказал он с досадой. – Ехал бы сам, старый хрыч! Так нет же, занят! То молится, то новую державу творит... Аж сопит от усердия.

Он отполз на брюхе, стараясь не двигать ветками. За деревьями мирно щипали траву и листья с кустов оседланные кони. Спешенные дружинники сидели в тени. Шоломы сняли, и чисто выбритые головы одинаково блестели бисеринками пота. День был жаркий, кое-кто даже снял панцири.

Ингвар взглядом указал на коней. Воины поспешно вскакивали, они не простое войско, а дружина, птицами взлетали в седла. Еще не успев схватить повод, все готовы к бою. Ингвар двумя руками надел шлем, чувствуя, как тот накалился на солнце – дурень отрок оставил на открытом месте, – поправил перевязь, чтобы рукоять двуручного меча была над левым плечом.

– Попробуем отсечь от ворот, – велел он. – Не получится, будем говорить. Ходу!

Он вскочил в седло по-скифски, как научился от князя Олега, не коснувшись стремени, одними ногами повернул коня в сторону ворот и послал в галоп. Деревья расступились, он вылетел на простор. Земля бросилась под копыта и замелькала под брюхом коня. Ингвар взмолился всем богам, чтобы конь миновал ловушки древлян и к тому же не провалился в хомячьи норки.

Дружинники молча, как стая волков, выметнулись за воеводой. Копыта стучали глухо, земля оказалась мягкая, словно бы недавно раскорчеванная от леса. Ингвар с возрастающей надеждой увидел, что бабы все еще собирают ягоды, рвут орехи на опушке, конского топота не слышат. Вообще ни одна, беспечные дуры, еще не повернула голову в эту сторону!

Лес был полон ягод, кусты гнулись под их тяжестью, те свисали целыми гроздьями, малинник тянулся на версту, ягод уродилось столько, что даже медведи объедали только с краю. Тем более не забредали на сторону, что выходила на вырубленное место.

Ольха не услышала, не увидела, но учуяла беду. Вскрикнув, обернулась, дико глядя по сторонам. Далеко слева из леса выплескивались вооруженные всадники. Солнце блестело на их железном оружии. Передний был уже в сотне саженой от леса. Она ни разу не видела русов, злых пришельцев из-за моря, но сразу узнала по чужим доспехам и даже догадалась, кто их ведет. Впереди мчался самый ненавистный зверь, злой и беспощадный, к тому же изощренный в коварстве и предательстве. Его звали Ингвар, он был верным псом кровавого князя русов. А сам князь, его звали Олег, уже истребил лучших князей, залил кровью земли тернян, кривичей и твердичей.

– Атае! – закричала она по-скифски. – Беда! Бегом в крепость!

Бабы с визгом, криком, плачем ринулись к воротам. Но в спешке падали, путались в длинных сарафанах, роняли лукошки или цеплялись за кусты. Ворота открылись навстречу, но лишь трое подростков успели, остальным дорогу загородили храпящие кони.

Ингвар отгеснил баб от стен, оттуда уже полетели камни и стрелы, звякали по вскинутым щитам. Заржала ушибленная лошадь.

Ольха не бежала, сразу поняла, что не успевает. С гордо поднятой головой выступила вперед:

– Что вам нужно? Разве с кем-то воюем?

Впереди на огромном черном коне сидел рус. Рус по имени Ингвар, воевода, кровавый пес, чьим именем древляне пугали детей. Как и все русы, огромного роста, широкий, с длинными мускулистыми руками, бритым лицом. На нем блестела кольчуга с короткими рукавами, на солнце играли пластины доспехов, но мускулистые руки оставались голыми. Из-за плеча на Ольху смотрела рукоять самого исполинского меча, какой только видела.

Рус снял шолом, и у Ольхи глаза расширились от удивления. Голова ее врага выбрита до блеска, только с макушки свисает длинный черный клочок волос. Подбородок тоже выбрит до синевы. А в левом ухе блестит золотая серьга с крупным красным камнем!

Она не могла оторвать зачарованного взгляда от его лица. Оно было узкое, как лезвие боевого топора. Близко посаженные глаза удивительно синие, холодные, как лед. Ольхе показалось, что она смотрит не в лицо врага, а в зимнее морозное небо. Эти необычные глаза злобно глядят из-под выступающих надбровных дуг. Нос длинный, с хищно раздувающимися ноздрями. Под чистой от бороды и усов кожей играют мышцы. Ольха зачарованно смотрела, как изнутри проступают и пропадают рифленые, как боевые кастеты, желваки.

Безволосыми знала только лица подростков, мягкие и округлые, теперь заворуженно смотрела на мужское лицо, настоящее мужское – жесткое, хищное, с узко посаженными глазами, надменно выдвинутой вперед нижней челюстью. Подбородок раздвоен, из-за чего кажется еще шире, тяжелее.

Все еще не веря глазам, она перевела взор на всадников. У всех подбородки бесстыдно голые, как у женщин. Даже усы сбриты начисто. Но рукояти мечей торчат из-за плеча, не помещаются на поясе, как носят древляне. Людей с такими длинными мечами язык не поворачивается назвать слабыми или женственными, но все-таки – какой позор... оголить лицо!

Рус на черном коне весело оскалил зубы:

– Моего коня зовут Ракшан, а меня, если это кого-то интересует, Ингвар. Я – воевода великого князя киевского Олега. Мы не напали на вас, откуда такое взяли? Просто шуткуем.

Он говорил на полянском наречии, близком к древлянскому, но в его сильном голосе слышалось, что больше привык к другому языку. Ольга ощутила, что этот привкус чужого языка и заставляет вслушиваться особо внимательно.

Она вскинула брови:

– Уже великого?

– Не похоже? – ответил вопросом на вопрос воевода русов. – Он соединил уже два десятка племен в единое... гм... Впрочем, об этом я поговорю в крепости с хозяевами, милашка.

За его спиной кто-то из русов присвистнул. Ингвар поймал себя на том, что все еще не может отвести глаз от девушки. За все годы не встречал еще такую гордую красоту. Словно сама богиня лесов сошла на землю... нет, эта даже ярче, блистательнее. Светлые волосы крупными волнами падают на плечи, глаза серые, блистающие гневом. Ровная спина, из-за чего ее высокая грудь едва не прорывает тонкую ткань. Розовые пухлые губы, гордо очерченные высокие скулы, но глаза, глаза...

Ингвар вздрогнул, заставил себя отвести взор от колдовских глаз. Его прозвали кровавым псом великого князя, а кровавые псы войны не засматриваются на хорошеньких простолюдинок.

– Если тебя допустят к князю, – сказал он строго, – или кто там у вас правит, можешь послушать. А сейчас беги и передай, что мы прибыли с миром.

Она бросила быстрый взгляд на их мечи:

– Это называется с миром?

– Быстро, – велел Ингвар, – а то уши надеру.

По его знаку всадники подали коней в стороны. Перепуганные бабы с визгом и плачем, еще не веря в спасение, как овцы, ринулись в ворота. Гордая сероглазка с прямой спиной шла ровным шагом. В ней чувствовалось напряжение, но даже не косилась на грозного воеводу, чей огромный конь бухал по земле тяжелыми копытами, едва не наступая ей на ноги.

Ворота оставались открыты. Двое вооруженных древлян, крепких, как молодые дубки, с льняными волосами до плеч, бородатые, бросили на грозного воеводу озабоченные взгляды, тут же перевели взоры на девушку. Ингвар тоже знал, что его именем в славянских племенах пугают детей, но, будучи подозрительным, как и великий князь, почему-то подумал, что дурни скорее беспокоятся за эту сероглазую, чем страшатся его могучей дружины.

Они въехали во двор, широкий, вымощенный бревнами. Ворота за их спинами медленно затворились. Гридни неторопливо заложили в петли засовы. Ингвар видел, но лишь скривил губы в презрительной усмешке. С ним сильнейшая часть дружины. Самое трудное – проникнуть внутрь крепости, а здесь уже его люди знают, что делать. Да и ворота сумеют открыть для остального войска. Эти двое увальней... ну, пусть не увальней, им не помеха. Подумать только, воины в полотняных рубахах! А на ногах это страннейшее из всего, что только видел, – обувь, сплетенная из лыка! Лыко – это мягкая подкладка коры с дерева... Вот уж поистине древляне.

По двору ходили толстые куры, греблись в мусоре. Толстая, как бочка, свинья лежала в тени, а поросята суетливо пытались подрить венец крыльца. За оградой с гоготом шествовали гуси, дородные и важные, как бояре, переваливались с боку на бок, влажно шлепали по земле красными перепонками.

Слева от стремени проплыло, окруженное оградкой не выше колена, малое требище: широкий жертвенный камень с канавкой для стока крови, гладкий колышек среди камней помельче, но не заостренный, а с гладко отполированной головкой. Вокруг него застыла коричневая корка. Конь спугнул стаю крупных зеленых мух, те взвились со злобным жужжанием. Ингвар ощутил вражду и гадливость. Вокруг требища торчал заборчик, на оструганных досках были вырезаны лики древлянских, судя по всему, богов.

Впереди выросал добротный терем – с наличниками, коньками, узорными цветами на ставнях, но Ингвар сразу оценил его и как умело сделанный замок с узкими бойницами, крепкими дверьми, окованными железными полосами, с высоким крыльцом, на которое не вставишь таран. У полян маленькая крепостица внутри большой крепости зовется детинцем, вспомнил он. Именно здесь у славян, а значит, и у древлян обитают князья.

На крыльцо выбрел древний старик с серебряными волосами на плечах и бородой до пояса. Опираясь на палку, смотрел подслеповато на всадников. Двое молодых отроков – волосы до плеч, рубахи до коленей! – поддерживали под руки.

Ингвар крикнул звучно, презирая этот лапотный мир:

– Великий князь Олег приветствует древлян и заверяет в дружбе!

Старик тупо смотрел на Ингвара, а когда тот закончил, приложил руку к уху. Ингвар тихо выругался, заорал громче:

– Великий князь Олег прислал нас с заверениями в дружбе! Он предлагает покончить с распрями!

Сероглазая девушка вздохнула, Ингвар и ее держал краем глаза, неспешно пошла к крыльцу. Ингвар едва удержался от желания остановить ее. Можно бы взять откуп или продать кому – за такую гордую красоту огромные деньги дадут. За красивую женщину можно получить табун коней или стадо дойных коров. Впрочем, что спешить, все равно сейчас вся древлянская крепость будет в его власти.

– Слушай, старый пень, – сказал он, уже сердясь, затем закричал во весь голос: – Великий! князь! Олег! послал! нас! с миром!

Старик смотрел непонимающе. Голос был слабым, как у придушенного деревом зайца:

– Чо?

– Князь, говор-р-р-рю! – заорал Ингвар.

– Чо?

– Князь послал!

– Чо?.. Князь?

Ингвар едва не завизжал от ярости. Он подъехал ближе, заорал во всю мочь, выгибая грудь, как петух, срывая голос:

– Князь Олег!!!

Старик вздрогнул, пугливо огляделся, будто тень грозного князя, прозванного Вещим, уже встала за его плечами. Едва не упал, путаясь в бороде, отроки поддержали вовремя. Не обнаружив князя, старик снова непонимающе смотрел на грозного воеводу, потом на отроков. Один что-то начал шептать ему в ухо.

Ингвар заорал зло:

– Если эта трухлявая колода не слышит мой рев, то как услышит ваш шепот? Тряхните его, пусть проснется. Если это ваш вождь, то неужто он водит вас в битвы? Где тот, кто устроил засаду людям князя Олега весной?

Девушка поднялась на крыльцо. Ингвар не мог оторвать глаз от ее ровной спины и роскошной гривы волос. Солнце играло в ее прядях, стреляло в глаза острыми искорками.

На крыльце она обернулась. Волосы красивой волной улетели за спину и там заструились золотым водопадом. Среди дружинников кто-то в восторге присвистнул. Глаза ее были спокойные, но сказала строгим голосом:

– Не надо так орать на моего дедушку. Он воет как умеет. А воет он неплохо. Даже в этом возрасте.

Ингвар хотел заорать, но голос сорвался на сип. Девушка смотрела насмешливо, он боялся, что она тоже приложит ладонь к уху.

– Посмотрим, – просипел Ингвар, – как он защитит эту крепость.

– Он уже защитил, – ответила девушка. – Меня зовут Ольга Древлянская. Я – княгиня племени. Вы вторглись в мою крепость силой, вас никто не звал. Я предлагаю вам сложить оружие.

Глава 2

Ингвар подскочил в седле, словно оттуда внезапно вылезли острия стрел. Ольга Древлянская? Да, он слышал о ней часто. После гибели своего отца и дяди, оба полегли в сече с дрягвой, она умело защищала границы своего племени, устраивала засады, преграждала тропки и дороги лесными завалами, делала ложные тропы, что уводили в болота, откуда не было выхода, а на обессиленные отряды делала внезапные и очень успешные, надо признать, нападения. Но во всех рассказах это была огромная поляница, яростная и размахивающая боевым топором, женщина-берсерк, пьянеющая от вида крови, широкая в плечах и перевитая тугими мускулами воительница.

– Гм, – просипел он, ненавидя себя и ее за то, что его так одурачили, – в наше время право... подтверждается силой.

– Увы, – ответила она ровным голосом, – это так.

– Я не вижу, как вы сумеете защититься. Нас здесь два десятка умелых воинов. Даже если начнете созывать своих людей, мы успеем открыть ворота и впустить остальных. Ты думаешь, у меня с собой только двадцать человек?

Он рассерженно сорвал шлем с крюка на седле, напялил на голову. Тот еще больше накалился на солнце, припек брови. Ингвар выругался, забросил руку к плечу. Резная рукоять огромного двуручного меча сама скользнула в ладонь.

В серых глазах девушки насмешка стала ярче.

– А я слышала, что Ингвар – то, Ингвар – другое... Он даже воевать умеет, а не только выигрывать в кости. Правда, на конных скачках не играет, так как ему не удастся спрятать коня в рукав. Теперь вижу, что он за воин!

Ингвар проследил за ее взглядом и беззвучно выругался. Его русы с ним во главе, как овцы, сгрудились на середине открытого двора, а со всех крыш и стен в них целятся лучники. Их не меньше четырех десятков. Даже если половина промахнется, а с такого расстояния даже слепому промахнуться трудно, то седла коней сразу опустеют.

Старик разогнул спину, скомандовал холодным и совсем не старческим голосом:

– Лучники!

Ингвар услышал скрип натягиваемых луков. Это был жуткий звук. Ингвар слышал его не однажды, но сейчас мороз пробежал по коже. Они как на ладони, их будут бить, как гусей на выбор. А в ответ можно разве что попытаться добежать до крыльца и зарубить старика и эту сероглазую, что подвергла его такому унижению... Нет, даже это не удастся. В руках отроков, что вроде бы поддерживали старца, теперь появились щиты и мечи. И держат их умело. А юный возраст, как знал Ингвар по себе, не помеха воинскому умению.

– Мы сдаемся, – просипел он.

Видя, что стрелы вот-вот сорвутся с тетив, он взмахом руки согнал дружинников на землю. Угрюмые, злые, они с проклятиями покидали седла, стояли молча, держа коней в поводу. Теперь особенно было заметно, что каждый на полголовы, а то и на голову выше древлян, шире в плечах, массивнее, а лица у всех свирепые, в шрамах. На каждом столько железа, что хватило бы на дюжину древлянских воинов.

Старик смотрел зорко. Когда Ингвар наконец покинул седло, бросил резко:

– Мечи – на землю! Быстро, быстро! Отступить от оружия! Дальше!.. Нет, к воротам ни шагу. Кто шелохнется в ту сторону, проверит на себе, как бьют наши стрелы.

Ингвар сдавленно прошипел проклятия. Последняя надежда оказалась тщетной. Старый пень выиграл время, прикидываясь глухим, а теперь руководит умело, ошибок не делает.

– Напрасно так делаете, – сказал Ингвар в бессильном бешенстве.

Старик впервые усмехнулся, внезапно приложил ладонь к уху:

– Чо?.. Говори громче.

Ингвар хотел выругаться, но старик и так слышал уже и про трухлявого пня, и развалину, лучше такого гуся не дразнить. Олег учил: если львиная шкура не помогает, надевай лисью.

– Я говорю, – сказал он как можно громче, чувствуя, как в натруженном горле стало горячо и больно, но громче зазвучало едва ли, – мы прибыли с миром. Как вы слышали наверняка, князь Олег довершает дело, начатое Рюриком Буянским, или Рюриком Датским. Славянские племена объединятся... ну, пусть огнем и мечом, но это в последний раз. Потом, когда станут одним народом, не будет бесконечных войн: весь на весь, племя на племя. Сейчас под рукой Олега уже поляне, тиверцы, кривичи, типичи, тишковцы, дулебы... Сможете ли устоять против такой силы?

Он видел по мрачным лицам, что здесь хорошо знают о растущей мощи киевского князя. Возможно, уже прикидывали, как повернется война, если Олег пришлет сюда большие силы.

Ободренный, продолжал:

– Мы явились с миром. Не всех пришлось загонять в Новую Русь огнем и мечом! Типичи и сосновичи сами принесли свои мечи. Они и сейчас живут как жили. Но верховная власть киевского князя прежде всего в том, чтобы прекратить постоянные войны между племенами. У нас хватает внешних врагов. Вы не знаете, но славянские племена на Западе исчезают одно за другим. Их земли захватывают германцы, а славян либо истребляют, либо огерманивают. Это не ваши войны, когда пришли, побили, пограбили и ушли восвояси. Германцы если приходят, то остаются навсегда!

Их лица были непроницаемы, но по глазам он с некоторым удивлением понял, что ему верят. Нехотя, но верят. Возможно, даже готовы пойти на какой-то союз с Олегом, но только на какой-то. Такой, чтобы не задевал их вольностей. И не мешал драться с соседом. Именно с соседом, ибо ненавидишь и винишь во всем именно соседа, а не тех неведомых германцев, которые теснят неведомых славян. Они древляне, а не какие-то славяне!

Ольха сказала все тем же холодным тоном:

– Вы можете остаться гостями здесь... до утра. Коней ваших накормят и напоят. Как и вас.

– А наши мечи? – спросил Ингвар.

– Вернут за воротами, – ответила она.

Ее серые глаза очень внимательно следили за его таким странным лицом, голым, как у подростка, но с жесткими складками у губ, квадратным подбородком. У него хищное лицо, определила она для себя, злое и хищное, и если бы он не был врагом, мог бы вызвать симпатию. Это не сладкоголосые отроки или благоликие мужчины с приятными движениями. В нем чувствуется дикость лесного зверя, а лесных она любила больше домашних.

– Да? – спросил он. – Тогда я сейчас схожу за своим Переляком.

Она нахмурилась, голос ее стал выше:

– Вернут, когда будете уезжать!

Ингвар перевел дух, стараясь, чтобы сероглазая ведьма не заметила его неуверенности. Ладно, важно выбрать время. А потом сумеет стиснуть ее нежное горло, чтобы сладко хрустнули тонкие косточки!

Набежали парни, разобрали и увели коней. Двое чуть не подрались за право унести оружие русов. Все со страхом и восторгом смотрели на огромные двуручные мечи. Ни древляне, ни поляне, ни свирепые тиверцы не знают таких мечей. Даже двумя руками не просто вскинуть над головой! А русы, судя по их росту, бьются ими, как древляне акинаками.

Только тогда Ингвар услышал говор и движение на стенах. Лучники снимали тетивы, сматывали, прятали в мешочки. Некоторые уже исчезли, но осталось пятеро с самострелами.

Ингвар поежился. Глаза всех пятерых следят именно за ним. Его считают самым опасным, понятно. И сюда дошла его слава. Знают, кто он и каков он. Жаль, что слава не уберезет от страшных булатных стрел. Не от длинных стрел с булатными наконечниками, как у лучников, а от цельножелезных стрел самострела. Он носил под рубашкой кольчугу из тонких булатных колец, это спасало от простых стрел, хотя оставались кровоподтеки от ударов, но булатный болт, короткая стальная стрела из самострела, пробивает и кольчугу. А когда в тебя целятся пятеро, то не промахнутся даже в бабочку.

С крыльца сошел, сильно хромя, немолодой мужик с короткой бородой. Кивнул на левое крыло терема, жестом пригласил их за собой. Ингвар с натугой улынулся:

– Пошли, ребята. Утро вечера мудренее.

Челядин с размаха выплеснул в корыто помои, стараясь брызгами достать проходящих мимо русов. Свинья не повела и ухом, поросята подбежали с визгом, понюхали и разбежались. Хорошо живут древляне, подумал Ингвар. Зажиточно. Надо будет дань наложить покруче. А здоровых парней набрать во вспомогательное войско. Хорошо будут воевать, лучших возьмет в дружину.

Русов разместили в просторной палате, а ему, как воеводе, отвели отдельную комнату на самом верху. Светлица, вспомнил он славянское название. Окошки хоть и узкие, но свет попадает с двух сторон.

Со всех стен на него злобно смотрели угрюмые морды кабанов, лосей, туров. Рога самых крупных, величественных, были в золоте и серебре. Стол стоял у окна, затянутого тонкими пластинками слюды, а не пленкой бычьего пузыря, как ожидал Ингвар. Богато живут, негодяи. И дань надо покруче, и вообще сюда бы часть войска на прокорм.

Справа от стола, чтобы сразу можно лечь, высилось широкое ложе, покрытое медвежьими шкурами. Такая же медвежья шкура, почти невытертая, раскинула лапы на полу подле ложа.

Над столом по обе стороны окна – не окно, бойница! – торчат рогатинки с чашами светильников. Сейчас не горели, светло, но Ингвар уловил запах масла. Не бедно живут, не при факелах или лучинах, как в других древлянских племенах. Он уже бывал, знает.

Оставив шолом на ложе, осторожно пошел к двери. Без привычной тяжести на спине двуручного меча чувствовал себя голым. В коридоре стояли и прямо на полу сидели угрюмые настороженные древляне. Доспехи из толстой кожи, у многих еще и с костяными бляшками из копыт лосей, туров, коров, но ни одного в булатной кольчуге, что стоит целое состояние. Вооружены короткими мечами с узким лезвием, великий князь почему-то зовет такие акинаками. Смотрят враждебно, исподлобья, будто изготовились забодать рогами.

Его не останавливали, и он, стараясь не делать резких движений, спустился на поверх ниже. Возле двери в большую палату сидели и стояли древлянские воины. Здесь оказались как на подбор рослые, крепкие, отмеченные следами прошлых боев. Похоже, эту палату охраняют лучше, чем его светелку.

Нахмурившись, Ингвар толкнул дверь. Палата раза в четыре больше, беднее. Его дружинники сидели рядами на лавках. Павка стоял на плечах Окуня и Бояна, выглядывая в окошко. Все русы оставались в доспехах, даже шоломы не сняли. Воеводу встретили радостным гомом, глаза были тревожные.

– Они не тронут нас, – бросил Ингвар.

– Пошто так решил? – отозвался Павка.

– Чую, – ответил Ингвар.

Он не знал, откуда у него это чувство, но голову поставил бы на кон, что сероглазой княгине важнее победить вот так, чем если бы сейчас сюда ворвались древлянские воины и залили полтерема кровью русов. И своей, конечно.

Павка разочарованно хмыкнул. Ингвар согнал его, сам взобрался на крепкие плечи своих старших. Боян занял: он-де лишь поменялся с Павкой, а теперь его очередь зреть...

Огромные костры пылали по всему заднему двору. Гридни замедленно поворачивали исполинские вертела с тушами оленей, баранов, телят. Пахучий запах лез в ноздри, а тут еще явился волхв, щедро брызгал печеные туши квасом, чтобы мясо стало мягче, сочнее. Когда ветер донес оттуда струю воздуха, Павка за спиной Ингвара взвыл от сводящего с ума будоражащего запаха.

– Вояки хреновые, – сообщил он возбужденно, – но пожрать умеют!

– Погоди, – предостерег Ингвар, – ты еще не пробовал их стряпни.

Глаза Павки стали круглыми, как у морского окуня.

– Неужто отравят?

– Узнаем, – ответил Ингвар неопределенно. – Попробуем выйти. Что скажут?

Стражи на дверях лишь проводили их долгими взглядами. Ингвар почти физически чувствовал, как что-то острое вонзается в его спину, пробивает доспех, рвет плоть и ломает кости. Он зябко передернул плечами, ускорил шаг, благо их не останавливали.

Миновав сени, на крыльце тоже не напоролись на отточенные наконечники копий. Весь двор уже был пропитан запахами жареного мяса, горелого лука, гречневой каши со старым салом. Оленей, кабанов и даже битую птицу жарили в ароматных листьях, с душистыми травами, а вдоль забора в больших котлах бурлило варево. Ингвар уловил аромат густой ухи. Из речной рыбы уха всегда намного вкуснее, чем из морской, а эти древляне, судя по всему, сварив драгоценную рыбу, тут же выбрасывают свиньям, а в ту же воду кидают новую рыбу, и так еще и еще, чтобы уха стала как можно наваристее...

Они постояли на крыльце, давая привыкнуть к себе, сами осматриваясь. Ингвар невольно сглотнул слюну. В лесу поесть всласть некогда, три последних дня похода ели черствый хлеб, иной раз на скаку срывали, свесившись с седла, горсть ягод, вот и вся еда. Животы подвело и у самых терпеливых. А сейчас от нетерпения грызут подоконник, на слюнях поскальзываются. Перед лесными славянами себя роняют!

Отдельно на пылающих углях стояли три огромные жаровни, похожие на раскоряченных пауков. Три дюжих лохматых мужика, волосы на плечах, борода до пояса, широкими лопатками перемешивали крохотные, аппетитно пахнущие комочки. Ингвар старался разглядеть, а Павка сказал знающе:

– Кулики.

– Кулики? – не поверил Ингвар. – Да что в них есть? И вообще, кулики – это забава для детей. Еда для нищих.

– Или бекасы, – поправил себя Павка. – Хотя по запаху похоже на песочников, они в это время самые жирные... Я бы не отказался еще и от жареных жаворонков, только где их возьмут?

Он опять сглотнул слюну. Ингвар хмуро рассматривал подготовку к пиру. В сторонке группа детей торопливо ощипывала дроздов, там же опаливали крохотные тушки, обмывали, натирали тертым можжевельником и целыми дюжинами насаживали на палочки. Так и жарили, поливая маслом, чтобы лакомство не подгорело.

Павка за спиной сопел, мычал, шумно глотал слюни. К крыльцу подскакал на прутике мальчонка. Замер, вытаращив глаза на огромных страшных русов. Которые, как рассказывала бабушка, из моря вышли вместе со своим дядькой Черномордом, чешуей, как жар, горя, а теперь грабят и убивают в их лесу, а малых детей живьем едят...

Павка спросил доброжелательно:

– Ты чей? Из тебя лихой наездник будет! Прямо хазарин.

Тот застеснялся, опустил личико долу и начал ногой ковырять землю. В сторонке челядин угрюмо покосился на могучих русов, никто из мужчин не любит смотреть на мужика выше себя ростом, но ответил за мальчонку словоохотливо:

– Да Дубов он, выплодок Дуба, который в одиночку замостил гать! Да и все на том конце Дубичи. Их столько, что их целая дубрава! А молодняк уже будет и вовсе Дубровскими!.. Не род, а новое племя выйдет из леса!

Он захохотал, довольный, явно тоже был из рода Дуба, понес на коромысле тяжелые бадьи. Павка смотрел довольно, он и без политики великого князя старался подружиться с местными. Теперь и другие мальчишки, видя, что сына Дуба живьем не съели, начали опасливо приближаться, глядя на русов со страхом и восторгом.

Ингвар поманил пальцем самого смелого, что остановился прямо перед крыльцом:

– А тебя как зовут?

Тот высморкался по-древлянски, поочередно зажимая большими пальцами ноздри, вытер грязную ладонь о волосы, ответил независимо:

– А как и моего деда. У нас всегда называют в честь деда.

– Хороший обычай, – одобрил Ингвар. – А как звали твоего деда?

– А моего деда называли в память о его деде, – ответил мальчишка, уже удивленный такой тупостью руса.

Ингвар внезапно ощутил, что за ним наблюдают серые глаза. Именно серые, именно глаза дерзкой княгини, от одного имени которой у него от злости сердце начинает бухать, как молот, а перед глазами встает красная пелена.

– Ладно. Но как тебя зовут, когда пора обедать?

Мальчишка вытаращил глаза:

– Тю на тебя! Меня никогда звать не приходится. Я всегда за столом самый первый!

Павка расхохотался. Ингвар, чувствуя себя посрамленным, попятился в сени. Не видел, откуда за ним наблюдают, но чувство самосохранения подсказало, что лучше оказаться под прицелом десяти самострелов, чем этих серых глаз.

В ожидании ужина русы отдыхали, копили силы. Спокойные и немногословные, они выгодно отличались, на взгляд Ингвара, от суетливых и постоянно роняющих свое достоинство древлян... как и прочих славян, как бы по-разному ни звались.

Ингвар стоял у окошка, разглядывал двор, благо в его комнате оно было на уровне груди. Кур и свиней угнали, а то и переселили на вертела, суматохи не убавилось, но Ингвар чувствовал, что его взор снова и снова обращается к странному капищу. Из окна видел его только краешком, но при взгляде на этот колышек с затупленным концом всякий раз шерсть поднимается на загривке, а в горле нарастает рычание. Кровь, судя по всему, не убирают, ее слизывают собаки или лакают свиньи, а на остатках жирует целая стая раскормленных зеленых мух...

Его плечи передернулись. Олег приучил быть терпимым ко всем богам, потому капищ Ингвар не трогал, волхвов шадил, главных богов славян узнавал по их резным столбам, но именно этого припомнить не мог, а при взгляде на него чувствовал такую необъяснимую злость, что дыхание учащалось до свиста в груди, а перед глазами вставала кровавая пелена, как в момент, когда превращался в берсерка.

В коридоре послышались шаги. Ингвар резко повернулся, непроизвольно пошарил на поясе. Дверь открылась, за порогом стоял молодой и высокий по мерке древлян парень. Был он в полотняной рубахе до коленей, лаптях, от которых шел смолистый дух, но на веревочном поясе висел короткий меч. Парень смотрел с откровенной враждебностью. Когда заговорил, в голосе звучала неприкрытая ненависть:

– Княгиня велела передать. Уже можно опуститься на первый поверх.

– А что там?

– Обед готов.

– И на два десятка моих людей?

– Их девятнадцать, – поправил парень многозначительно. – Пока девятнадцать.

Ингвар не сомневался, что его людей не только посчитали, но и заметили, кто в кольчуге, кто в копытном панцире, кто выглядит умелым, а кто не очень.

– Когда будем уезжать, – сказал Ингвар, – нас будет больше.

Парень зыркнул исподлобья, не нашелся, что сказать, славяне задним умом крепки, про- бурчал:

– Там в нижней палате добавили на один стол больше.

И вышел, хрястнув дверью так, что с потолочных балок посыпалась труха.

Глава 3

Ингвар, чувствуя себя без оружия голым, медленно ступал по лестнице, стараясь что-то услышать и заметить как можно раньше, в этом преимущество воина, а на последней ступени остановился, осматриваясь. Отсюда нижняя палата была как на ладони.

Длинный стол, за которым уже сидели его дружинники, поставили ближе к огню. Только почетных гостей сажают к огню, ибо огонь – это бог, а к богу допускают лучших. Древляне явно скрипят зубами, но старые обычаи блюдут. Может быть, на этом и удастся поймать, ибо Олег не блюдет ни старых, ни новых. Он делает то, что нужно сейчас или понадобится в будущем, а не то, что велели предки. Брехня для дураков, что, мол, без знания прошлого нет постижения будущего. В прошлом не было тех задач, которые решают сейчас, и старым опытом воспользоваться нельзя.

За тремя столами сидели древляне. Сидели редко, Ингвар сдержал усмешку. Воинов здесь хватает, но ему решили показать только хорошо вооруженных, в кольчугах и в сапогах, а таких в любом племени можно перечесть по пальцам. Здесь их четыре десятка. Это все же побольше, чем русов за столом, но за стенами крепости еще пять сотен тяжеловооруженных русов, каждый из которых в полном воинском доспехе. Этого хватит, чтобы осадить древлян так, что муха не вылетит, мышь не выскользнет.

Он опустился на лавку во главе стола. На него посматривали ожидающе. Он был настоящим воеводой – умелым, опытным, всегда побеждающим. Первым бросался в бой, последним выходил. Дрался с обнаженной головой, щитом не пользовался: мечи держал в обеих руках. Его любили, ему доверяли. Но сейчас он чувствовал, что впервые инициатива ускользнула из рук.

Посреди стола взгромоздили огромное расписное блюдо с пахучим мясным супом из грудинки, рядом на широком подносе пузырились соком жареные поросята – молочные, с коричневой корочкой, с запахом, что сшибал с ног, нашпигованные чесноком и луком.

Принесли наконец уху, но Ингвар уже заметил блюдо с печеной рыбой. Назло древлянам, что из кожи лезут, дабы выказать богатство, он обеими руками подтянул к себе миску с рыбой.

Опрятные молодые отроки разложили по столу краяхи свежее испеченного хлеба. Запах пошел сильный, дразнящий. Ингвар протянул руку к хлебу: все ждут, воевода начинает первым не только бой, как вдруг по всей палате прошел едва слышный вздох.

Ингвар поднял глаза. По ступенькам из другого крыла терема гордо сходила Ольга. Ее сопровождали двое подростков. Ингвар в них безошибочно узнал ее младших братьев, похожи как две капли воды. Мальчишки одеты пышно, для древлян пышно, но глаза Ингвара, как и всех в палате, были прикованы к княгине.

Она была в длинном платье, зауженном в поясе. Ингвар невольно свел пальцы обеих рук, то ли хватая ее за горло, то ли примеряя, сойдутся ли пальцы, если сомкнуть их на ее поясе. Грудь ее была высока, но кисти рук тонкие, пальцы длинные и нежные. Такие меч не удержат, подумал Ингвар, стараясь настроить себя на злую струну. Ей бы вышивать на пятаках, подбирать изысканный узор из золотых нитей!

Волосы все так же свободно падали на спину, но теперь их перехватывали цветные ленты, украшенные перлами, речным жемчугом.

Древляне как один встали, склонились в поясном поклоне. Несколько воинов Ингвара тоже невольно поднялись, княгиня выглядела истинной повелительницей. Ингвар грохнул о стол кулаком так, что посуда подскочила. Русы поспешно сели.

Ольга бросила на него недобрый взгляд. К ней подскочил гридень, она бросила коротко несколько слов. Гридень поклонился, заспешил к Ингвару.

– Княгиня приглашает к ее столу. За обедом можно и поговорить о планах Олега.

– Князя Олега.

Гридень сказал нехотя:

– Князя Олега.

– Великого князя Олега, – сказал Ингвар с нажимом.

Его сердце колотилось, зашел далековато. Гридень заколебался, буркнул:

– Вашего великого князя Олега.

Ингвар сделал вид, что не заметил уточнения. Искушать судьбу чересчур глупо и опасно, и так видно, что войны здесь не желают. Он неспешно поднялся, расправил широкие плечи. Он чувствовал на себе взгляды всех в палате, как своих воинов, так и древлянских, и сам держался гордо и надменно, как должен вести себя посланец великого князя, заставившего платить ему дань самого императора Восточно-Римской империи. Да и приятно ощущать злые и завистливые взгляды мужичья, возомнившего себя воинами. На нем и доспехи булатные, табун коней купить можно, и одежда из незнаной здесь паволоки, и сам удался ростом и статью – пока не видит себе равных.

Ольха и ее братья сидели на резных стульях. Подлокотники и спинки были расписаны яркими цветами и диковинными птицами. По знаку княгини принесли еще один, с простой спинкой. Ингвар кивнул, принимая, он мог бы сесть и на лавке. Хорошо смеется тот, кто смеется позже других.

– Как я понимаю, – сказал он, злясь, что насадил горло и вместо его сильного голоса, привыкшего повелевать, выходит шипенье, как у старой большой гадюки, придавленной сапогом, – это твои братья. Старшего зовут Мстишей...

– Мстиславом, – поправила она.

Ее голос был безукоризненно чист и светел. В нем звенел хрустальный ручеек, переливались колокольчики. Ингвар сел, откинувшись на спинку, рассматривал ее в упор. Ее признают княгиней, судя по всему, за серые глаза да белое личико с безукоризненными чертами. Тонкие приподнятые брови, что придают лицу удивленное и даже надменное выражение, можно и так это понять, тонкий нос с красиво вырезанными ноздрями, гордо приподнятые скулы, пухлые губы, странный подбородок... Да, странный, если не уродливый вовсе. Красивым у женщин считается крохотный подбородок, на щечках милые ямочки, но у этой зверюки подбородок вылеплен четко, даже чуть выдвигается, выказывая характер.

Ингвар поймал себя на том, что усталился на ее подбородок, совсем не женственный, не понимая, почему не может оторвать от него глаз. Кто-то кашлянул, он опомнился, растянул губы в надменной усмешке:

– Мстиславом? Пусть Мстиславом. А младший, если не изменяет память... а она не изменяет – веду обидам точный счет, и уж за мной не пропадет, – Твердыта. Что за имя для такого милого нежного ребенка!

Мальчишка взглянул на него исподлобья. В глазах блеснули злые искорки. Он сказал звонким детским голоском:

– Скажи это еще раз и узнаешь, насколько я нежен!

Его детская ладошка упала на рукоять узенького кинжала, что висел справа на поясе. Ольга смотрела спокойно, даже горделиво. И ее бояре взирали как совы, надменно и сонно. Никто даже не пытался остановить ребенка.

Ингвар, чувствуя, как гнев бурлит уже близко к поверхности, выдавил кривую усмешку:

– Да, я вижу, насколько доблестны древляне. У них даже дети вынуждены братья за оружие.

Это было слабо скрытое оскорбление. Он кипел, глаза Ольги опасно потемнели. В палате запахло грозой. Кто-то с грохотом отодвинул лавку, руки древлянских воевод и дружинников потянулись к ножам. В обеденную палату запрещалось входить с оружием, но без ножа кусок мяса не отрежешь, да и хлеб ломать руками – богов гневить.

– У нас даже стены могут быть оружием, – выдавила наконец Ольга. – Отведай нашей трапезы, воевода. Хлеб можешь не есть, соль я велела на ваш стол не подавать.

Ингвар наклонил голову. Он понял. Она не желала, чтобы рус был связан узами гостеприимства. Мол, ел ваш хлеб-соль, обязан быть другом. Они враги, непримиримые противники. И таковыми останутся. Похоже, в ней тоже поднимается ярость при одном только виде русов. И так же, как он жаждет сломать ей шею, так и она в сладких мечтах распинаят его над костром или медленно сдирает кожу.

Перед ним поставили братину с хмельным медом. Ингвар поспешно зачерпнул, выпил полный ковш. Пить он не хотел, но эта болотная ведьма с серыми глазами заставляет чувствовать себя не в своей тарелке. Он даже тайком проверил, не расстегнулась ли ширинка, ведь мед развязывает не только языки, но и мышцы, стянутые в тугий узел.

Он знал, что, как бы его ни напоили, он не сболтнет лишнего. Ковшик меда показался крепким, даже слишком. Он не сразу понял, что здесь наверняка добавили какие-то травы. Проклятые колдуны, всех бы прибить клиньями к деревьям и оставить воронью!

Голова кружилась, он прилагал усилия, чтобы держаться ровно. Ольга следила за его лицом внимательно. На полных губах проскользнула усмешка. Голос был все так же чист и холоден:

– Надеюсь, наш мед пришелся по вкусу.

– Не только, – ответил Ингвар. – Искоростень так же хорош, как этот кабанчик.

Он оторвал жареную ногу, с наслаждением вонзил зубы. Во рту стало горячо, потек сладкий пахучий сок. Он обнаружил, что голоден до спазмов в желудке.

Ольга наблюдала, как он хищно хватает ломти мяса, запивает брагой, ест рыбу, едва выплевывая кости, половину кабанчика ухоякал он, а еще и съел почти всех раков на блюде, подливу вытер куском хлеба и съел тоже. Он не суверен, она знала. Сегодня будет есть хлеб-соль, завтра скрестит мечи. А то и ударит в спину.

Руки его были сильные, жилистые. Пальцы длинные, гибкие, но в них чувствуется мощь. Да и как ест, как двигается, как смотрит – в нем живет хищный зверь, полный сил, стремительный, опасный, но в то же время коварный и хитрый.

Странно, ей нравилось, как он ел. Готовила она сама, хотя ей помогала дюжина женщин. Надо только не проговориться, а то вовсе презирает княгиню-стряпуху. Только-только начал уважать, посматривает зло, она замечает и моменты растерянности, а во всех племенах слышали, что Ингвара, воеводу Вещего Олега, невозможно припереть к стене!

– Я слышал, – сказал Ингвар с набитым ртом, – что ваш сосед, Великий Войт дулебов, объявил сбор местных вождей?

Ольга ответила с некоторой заминкой, которую он заметил:

– Не... знаю. У древлянских племен свои сборы.

– Как вы отличаете одно племя от другого? – удивился Ингвар. – Язык один, лапти на всех одинаковы. А верно говорят, что дулебы готовятся сбросить иго гнусных, мерзких, отвратительных пришельцев, которые огнем дышат, младенцев едят на завтрак, девственниц – на обед, а на ужин гложут спелых женщин? Я говорю о русах, если вы не догадались.

– А что тут догадываться? – удивилась она. – Хоть вы и попытались облагородить свое племя, умолчав о самых гнусных привычках, но все же понятно... А дулебы, думаю, освободятся. Там мужики, а не тряпки. Вы вскидываете брови? Что-то не так? Или в вашем племени нет мужиков, чтобы понять наших?

Он швырнул кость под стол, засмеялся грохочуще:

– Нет, конечно! Мужики – это здесь, у вас. У дулебов и вообще – славян.

– А у вас? – спросила она язвительно, но несколько сбитая с толку.

– У нас – мужчины. А быть мужчиной – это... словом, это не просто мужиком. С мужчин спрашивается больше.

Она выглядела озадаченной, глаза слегка округлились. Шум и возгласы прервали их разговор. В палату ворвались пестро одетые скоморохи, ряженые с бубнами и гудками. Баба в тулупе с мехом наверх взобралась на спину толстого мужика, орала благим матом. Видимо, это было для веселья, древляне смеялись и что-то орали одобряющее.

Перед Ольхой поставили расписное блюдо с крохотными комочками, покрытыми коричневой корочкой. Запах распространился такой, что даже Ингвар, который уже насытился, снова ощутил желание почувствовать во рту эти нежнейшие тушки дроздов, зажаренные прямо с косточками.

Нет, сказал он себе, ее убивать нельзя. Конечно, вовсе не из-за доброго сердца. Вместо убитой древляне тут же изберут другую. Точнее, другого. Поэтому пленный княжеский род нужно истреблять целиком. Всю родню со стороны отца и матери, даже троюродных братьев и племянников. Пока Ольга жива, в древлянской земле нового князя не изберут!

Он перевел сумрачный взор на младших братьев. Несмотря на свою детскую отвагу и задор, оба заерзали на своих чересчур широких стульях, опустили голову. Горящий мрачным огнем взор руса был полон жестокости и, хуже того, предвещал беду.

Ингвар допил медовуху, откинулся на спинку стула. Взгляд его был по-прежнему острым, как у хищной птицы, но губы медленно растянул в усмешке.

– Ладно. День был нелегким. Нам пришлось пробираться через болота, растаскивать завалы, которые какие-то дурни навалили на дорогах... Удивляюсь, зачем? Прошу позволения удалиться со своими людьми.

Ольха величественно наклонила голову:

– Позволяю.

– Спасибо, – поклонился Ингвар так низко, что даже у пса под столом не было сомнения, что чужак намеревается оскорбить княгиню.

Пес оторвался от кости, выказывая неподкупность, зарычал, а Ольга замедленно кивнула.

– На здоровье, – сказала она ясным голосом, при звуках которого у него снова зачесались руки от жажды стиснуть пальцы на ее нежной шее, чтобы услышать хрип.

Он пошел на другой конец палаты к своим людям. Те уже закончили трапезу, неспешно и без охоты отхлебывали кислый квас, переговаривались тихими голосами. Ингвар ловил на себе их взгляды. Его малая дружина все еще ждала от него условного знака!

Рано, напомнил себе Ингвар. Не случайно ему не по себе. Похоже, опять его переиграли, но хуже всего, что не может понять, где и в чем. Только неясное ощущение поражения, смутная досада вперемешку с всплесками злости, когда встречался с ее ясным взглядом.

Дружинники с грохотом поднялись при его приближении. Крепкие, закаленные, с конца копья вскормленные, в шоломах взлелеянные. Самых надежных дал ему Олег, чуял, что придется непросто. Зря тогда обиделся на великого князя: я-де сам один поеду, все сделаю!

– Пора посмотреть, – сказал он громко, – что нам приготовили за постели. Сами живут в болотах, так что не знаю, не знаю...

Дружинники ответили сдержанными смешками. Ольга и даже ее малолетние братья сделали вид, что не услышали.

Когда русы покинули палату, ведомые гриднями, древляне с явным облегчением закончили трапезу и разошлись. Если для людей Ингвара был тяжелым день, то для них будет тяжелой и ночь. Стражу придется утроить, людям Олега доверять нельзя. А его воеводе Ингвару, самому коварному, нельзя доверять даже связанному и брошенному в подвал. Но в подвал бросить пока что нельзя, однако двери, где ночует его дружина, можно закрыть на засовы и даже подпереть бревнами.

Ольга испустила долгий вздох. Только сейчас уловила запах остывающих блюд, дразнящий аромат запеченных в подливе из ягод нежных куропаток. Сама готовила, но сейчас все показалось пресным. Словно вся соль и весь перец ушли с этим злым человеком.

– Что теперь? – спросил Павка, когда они оказались в их палате.

Ингвар покосился на дубовых гридней. Те, как обросшие плесенью столбы, стояли в коридоре, прислонившись к стенам. Даже голову не поворачивают вслед, только глазные яблоки едва не вылезают из орбит, словно все не могут надивиться на бритоголовых и безбородых мужчин. Уши их, по словам острого на язык Павки, за ночь вытянутся на две трети. А тому, кто в ночном храпе русов выловит что-то важное, княгиня даст пряник.

Павка понял взгляд воеводы, протяжно зевнул, потянулся, и Боян, который тоже понимал с полуслова, тут же захлопнул двери, очень вежливо пожелав стражам доброй ночи.

– Утро вечера мудренее, – повторил Ингвар поговорку русов. – Это мы здесь. Малая часть! А дружина в лесу. Я оставил за себя Влада.

Павка зябко передернул плечами:

– Не хотел бы я проснуться с перерезанным горлом.

– С перерезанным не проснешься.

– Верно! Тогда буду спать спокойно.

Боян, Окунь, остальные русы неторопливо и деловито снимали кольчуги, разоблачались, готовясь ко сну. Ничего не спрашивали, воевода сам скажет, когда придет время.

Ингвар придиричиво осмотрел толстые дубовые двери. Все сделано без единого гвоздика, на шипах да пазах. Как и столы, лавки, лежанки, стены, крыша, подпол... Все из дерева. Недаром же – древляне. Впрочем, в Киеве то же самое. Как и в других местных племенах. Если сжечь весь Искоростень, а это стольный град древлян, то отстроится за то же лето. Такой же в точности, а то и краше. Здесь топоры точат каждый день, топорами играют, с топорами спать ложатся. И сейчас вон даже в потемках топоры, как дятлы, стучат!

Сила древлян, подумал он сумрачно, что любой дом, как сарай, баню или конюшню, можно разобрать по бревнышку, перевезти в другое место, а там собрать. Да и легко заменять сгнившие бревна, подпорченные, погрызенные жуками и красными муравьями. А если бревна смолистые, проветриваются, скажем, под крышей, то износу им нет... Но в этом и слабость древлян.

Тяжело строить из каменных глыб, за лето не управишься, обычный дом-крепость строят лет по пять, а добротный замок – хорошо если в десяток лет управишься. Но каменные стены надежнее при защите. А в столь смутные времена что есть важнее? Деревянная крепость, сколь ни велика доблесть защитников, уязвима. А он, Ингвар, из тех воевод, которые уже умеют их брать на копье!

– Отдыхайте, – велел он строго. – Завтра нам предстоит долгий путь.

Лишь Павка рискнул спросить:

– Куда?

– Обрато в Киев, – бросил Ингвар. – Мы сделали даже больше, чем хотел князь Олег.

Ночь опустилась густая, как смола. Воздух был тяжелый, настоящий на ядовитых испарениях болот, сырой земли, гниющих стволов и прогнившего мха. Луна еще не взошла, а слабый свет звезд не мог осветить даже темное небо.

Ольга, не в состоянии заснуть, когда такие гости в ее крепости, набросила плащ и вышла из светлицы. Постель осталась неразобранной, а горстка ягод на блюде нетронутой.

Постояв, пока привыкнут глаза к темноте, постепенно уловила движение в двух саженях слева, гридень скреб ногтями спину, затем услышала запах старого сала сверху, там явно Вяз, большой любитель сала, а уже когда решила сойти с места, ее слуха коснулся шепот:

– Княгиня... если что... только шумни.

– Спасибо, – ответила шепотом, вздрогнув. – Почему не спишь, Корчак?

– Потому же, что и ты, княгиня.

– Спасибо. А на воротах как?

– Стража утроена. Но кроме явных, в потайных местах еще я поставил с самострелами. Ингвар носит кольчугу под рубашкой. Пусть только попробует что-нибудь.

– Хорошо бы попробовал, – сказала она с надеждой. – Боги нам не простят вероломства, а вот если бы он сам нарушил!

Глаза уже хорошо различали узкий проход. Верхушки дальних деревьев озарились слабым лунным светом. Скоро луна выйдет из-за леса и осветит гигантское поле с их крепостью. Это скорее поможет людям Ингвара, потому что древляне и в полной тьме знают каждую ямку и каждое бревнышко в ограде.

– Пусть особо следят за полем, – предупредила она. – Чтобы елочки не подошли слишком близко!

Два года назад одно из древлянских племен попало на этот крючок Ингвара. Ночью дозорные следили за лесом, высматривали конников русов или хотя бы множество ползущих людей с лестницами, но не обратили внимания на множество елочек, что отделились от леса, медленно переползали по вырубленному полю. Теперь это кажется диким, почему не заметили, все же ясно, но тогда, как выяснилось, многие видели эти елочки, дивились, как быстро выросли, некоторые даже намеревались днем срубить.

Та крепость была взята почти без боя. Ингвар сам пробрался под прикрытием елочки прямо к воротам, перелез, убил трех дозорных, открыл ворота, пока другие кололи, как кабанов, стражей на стенах. Ворвавшаяся дружина зарезала князей в постелях.

– Ни елочки, ни кочки, – услышала она голос, – ни летучая мышь! Их в лесу еще сотни две, а то и больше.

– Кто-нибудь их видел?

– Нет. Я посылал людей, но ни один не вернулся.

Неслышным шагом она пошла прочь. Старого воеводы так и не увидела, а его голос доносился то справа, то слева, то вроде бы даже сверху. Он умел выбирать места для стражей, умел строить оборону.

Обойдя терем, она поднялась по узким ступенькам на сторожевую башню. Сейчас там пусто, лучшие дозорные выдвинуты за стены крепости. Кто затаился, прижавшись к земле, слушает шумы, шорохи: в такую тихую ночь можно зачует ползущего человека за сотни сажень, другие пробрались к самому лесу, издали следят за дружиной. Ежели что, они первыми заспешат в крепость, упредят о нападении.

С башни было видно далеко, луна уже поднялась над вершинками дальнего леса. На вырубленных местах все тихо, чисто. Пней не больше, чем было. Дружина Ингвара еще в лесу, а что он затевает на самом деле, пока не ясно.

Она перебирала в памяти все, что слышала про этого легендарного воеводу. Лет двадцать тому в земли полян, соседей древлян, вторглись неведомые русы. Они походили на варягов, которые тоже военной рукой однажды захватили власть в Киеве и соседних племенах, но русы были ближе по языку, хотя в отличие от привычно длинноволосых варягов брили головы, оставляя клочок на макушке – знак тайного союза с их богом. Мол, когда мир будет погибать, бог вытащит их из огня и пламени. Для этого родяне, так они звали себя, оставляют на голове длинные чубы. Чтобы Роду было за что ухватить.

Варягов удалось побить и прогнать за море. Но русы оказались крепче варягов, удержались на захваченном клочке земли. Это было вблизи Ладоги, за Новгородом. Русы назвали ее Новой Русью, в память о старой, оставшейся на неведомых островах.

После гибели Рюрика, князя пришлых захватчиков, его русы служили верой и правдой Олегу, который пришел ниоткуда, чье прошлое овеяно тайной. Олег огнем и мечом начал расширять новое государство, убивая племенных князей, сжигая и разрушая крепости, стогняя племена с насиженных земель. По слухам, у него были два верных помощника, Асмунд и

Рудый, воеводы самого Рюрика, которым князь доверял целиком и полностью. Отлучаясь, Олег оставлял за себя Асмунда. Значит, доверял ему больше Рудого, но в последние годы вырос новый воевода, чья кровавая слава почти заставила замолчать о других воителях русов, – Ингвар! Похоже, князь Олег не доверяет Ингвару, если все время держит его в походах вдали от Киева? Впрочем, Ингвар, как верный пес, по-прежнему предан великому князю.

Его именем пугали детей, а сильнейшие богатыри бледнели и прятались за спины, когда перед началом любого сражения Ингвар выезжал вперед и предлагал поединок. Он не просто побеждал, он еще и глумился над противником во время боя, настолько превосходил в воинском деле. А лишь натешившись, сбивал наземь опозоренного, вязал и отдавал на продажу рахдонитам.

Даже Олег, говорят, чему Ольга не очень-то верила, не одобрял той жестокости, с которой Ингвар жег и побивал противников, разрушал, изгонял, казнил племенных князей, вождей, старейшин.

Она ощутила тепло рядом с собой. Рука сама дернулась к кинжалу на поясе, но сильные пальцы перехватили за кисть, а другая ладонь зажала ей рот.

Глава 4

Ольха попыталась сопротивляться, однако человек был силен, как дикий зверь. Она с ужасом поняла, что ее схватил как раз тот, о котором думала, которого боялась больше всего.

– Тихо, княгиня, – прошептал голос над ухом, – я не замыслил дурного. Просто не хотел, чтобы от неожиданности... ну, крик подняла. Или пустила лужу.

Его пальцы начали медленно разжиматься. Она сказала негромко, чувствуя твердые, покрытые мозолями пальцы на ее губах:

– Я не буду кричать.

– Быстрое решение, – сказал он уважительно.

Его пальцы уже не зажимали ей рот, как и вторая рука отпустила ее кинжал. Сердце Ольхи стучало, как у скачущего зайца, мысли роились в голове, но держаться себя заставила спокойно.

– Почему ты здесь?

– Я привык к запахам моря, – донеслось из темноты тихое. – В Киеве не сразу свыкся с рекой, пусть даже громадной, лесом. А здесь мне душно, тяжело. Поднялся на башню, чтобы подальше от сырой земли...

– А заодно рассмотреть всю крепость сверху, – в тон ему добавила она.

– О, княжна...

– Княгиня.

– Разве ты замужем? – удивился Ингвар.

– Нет, но я правлю племенем. Пока братья не подрастут.

– Ольга Древлянская, – сказал он отчетливо, – дочь князя Мирослава, внука Вязогоста, сестра Ключеслава.

Урожденная княгиня, добавил про себя с мрачной иронией. Как объяснял ему Олег, у славян, даже самых диких лесных, существует строжайшая иерархия имен. Есть имена княжеские, светлокняжеские, великокняжеские, а также отдельно для княжых детей, которым не суждено стать князьями, а предназначены в воеводы или знатные бояре. Когда-то вожди славянских племен вовсе стремились поставить себя вровень со своими богами, потому и принимали имена, куда непременно всобачивали имя бога. К примеру, поклоняющиеся богу Радогосту, брали имена вроде: Келогост, Терногост, Рубигост... А потом, если верить Олегу, который все знает, застеснялись, что ли, перешли от божественных имен к человеческим, но особым – княжеским. А княжеских имен-титолов у славян всего четыре. На севере взяли частицу «мир», откуда пошли всякие их лапотные Велимиры, Владимиры, Ратмиры, на западе придумали «слав», откуда пошли Святославы, Мирославы, на юге выбрали «мысл», откуда: Гостомысл, Дубомысл, Осмомысл, Земомысл, а на востоке прижилось «волод» – Володимир, Яроволод...

– Значит, – сказал он, – ты из древнего княжеского рода. Древнейшего!

– Да, – сказала она с вызовом. – И что же?

– И твой отец был не простым князем, – продолжал он медленно, – иначе назвали бы, скажем, Миролобом или Миробоем. Но в имени твоего отца составлены две частицы княжеского имени... Мол, князь над князьями. Он был не простым князем, а светлым?

Она вскинула гордо голову:

– Да. Он был верховным князем. Под его рукой были князья двенадцати древлянских племен. Но что тебе в имени моем, рус?

– Я просто хочу сказать, что понимаю обычаи земли, куда пришел, – ответил Ингвар. – А твой братишка, если назван не Твердиславом, а Твердятой, значит...

– Значит, – закончила она с неожиданной злостью, – что он не будет князем. Зато станет другой мой брат – Мстислав! А не Мстиша, как ты его назвал.

Ингвар кивнул. Твердыта мог рассчитывать только стать воеводой. Все понятно в простом мире древлян, как и других славян. Но он сказал неожиданно, вспомнив горящие благородным гневом глаза младшего братишки:

– Когда нет наследника... или с ним что-то случается, то и Твердыта в состоянии стать князем. Даже Твердытко!

Она смотрела вдаль, отвернувшись. Ингвар присмотрелся, заметил, что у гордой княгини подрагивает подбородок. Видимо, старший брат, который должен был стать князем, погиб недавно, рана еще свежа.

– А что значат ваши имена? – спросила она неожиданно.

Он пожал плечами:

– Для русов больше значат люди, чем их имена. Рюрик – значит могучий славой сокол, Олег – по-нашему святой, мое имя говорит о том, что я посвящен богу морей Инге. Но у нас могучий или мудрый властелин, пусть безродный, всегда будет выше наследника самых древних родов, даже если те идут от самих богов. Так что, когда твои братья подрастут, они по нашим обычаям могут стать князьями... Конечно, не древлянскими.

Она похолодела:

– Почему нет?

– Когда подрастут, этой крепости уже не... Кстати, княгиня, если бы ты видела столько укреплений, как я, удивилась бы, как люди думают одинаково во всех краях света! А крепости древлян вовсе как доски в заборе. Хошь, я расскажу, где тут склады с оружием, где кузница, где хранятся запасы муки на случай осады, укажу даже потайной ход, что выводит во-о-он в тот овраг, сейчас не видно за лесом!

Она похолодела. Ингвар знает чересчур много. Пальцы стиснулись вокруг рукояти кинжала. А он словно прочитал ее мысли, голос стал предостерегающим:

– Про этот потайной ход уже знают мои дружинники. Я его велел завалить, а еще и поставил охрану.

– Это ты называешь прибыть с миром?

– Это так, на всякий случай. Вдруг вы откажетесь от мира.

– Мир... на каких условиях?

Голос Ингвара стал неожиданно серьезен:

– На условиях выживания всех. Время мелких племен кончилось. На Востоке они давно слились в огромные государства, ты даже представить не можешь, как давно. И я, честно говоря, не могу, хотя Олег пытался мне вдолбить в голову. На Западе – недавно, но уже и Восток, и Запад теснят наши карликовые княжества, коим несть числа, захватывают, стирают с лица земли, забирают земли, а народ изгоняют или порабащают. Наш князь никого не порабащает, ничьи земли не забирает. Все остается по-прежнему, только отныне все мелкие племена входят в государство, названное Новой Русью. Платят налоги, по велению князя выставляют войско.

– И для этого надо брать крепости приступом, убивать князей и старейшин?

– Разве были убиты князья кривичей, полян, рашкинцев? Но мы не могли оставлять у себя в тылу непокорных князей. Им только дай ударить в спину! Жизнь кровава, но не в племенах, какие встали под руку Олега...

– Были покорены.

– Пусть были покорены. Но прекратились распри, драки, даже исчезли такие зверские обычаи, как умыкание невест...

Она нахмурилась: умыкание невест осталось только в древлянских племенах. Поляне парувались по согласию родителей, у тиверцев за невесту давали выкуп, только древляне держались старого Покона.

– Ты не знаешь наших обычаев. Возможно, нашим женщинам это нравится.

– Так ли?

В голосе Ингвара был яд. Сердясь на себя, чувствуя неправоту, она сказала с вызовом:

– Да. Ты не знаешь женщин.

– Так ли? Я знал их сотни.

– Девоч, но не настоящих.

В голосе Ингвара насмешка перешла в недоверие, сомнение:

– Не знаю. Является чужой, хватает тебя без твоего согласия... вовсе в темноте... накидывает мешок на голову или бросает поперек седла и увозит в чужое племя. И там ты вынуждена жить с ним, ибо даже не знаешь обратно дороги!

Она возразила, хватаясь за последний довод, стараясь, чтобы голос звучал непреклонно:

– Чтобы это понять, надо быть женщиной!

Она чувствовала его вражду, раздражение. Да, она воспользовалась нечестным приемом. И оба это понимали. Дыхание его приблизилось, внезапно сильные руки схватили ее, она увидела в лунном свете его хищное лицо. Выступающие высокие и мощные скулы, тяжелые надбровные дуги, злые глаза.

Его губы приблизились, она ударилась о его твердую грудь. Вскрикнуть не успела, его рот накрыл ее губы. Его губы были твердыми, грубыми, хищными. Он старается унижить ее, поняла она в страхе, оскорбить, втоптать в грязь, потому что иначе не одержать верх, а для мужчины не быть униженным женщиной важнее, чем победить в бою.

Ингвар в самом деле хотел унижить. Раз уж защищает такие обычаи, то испытай их на своей шкуре. Тем более от проклятого киевского воеводы, самого ненавистного для древлян. Но едва грубо впился в ее нежные губы, едва сжал так, что услышал хруст нежных косточек или хрящиков, как странная волна окатила с головой, затопила, даже пол под ним качнулся, будто внизу уже били тараном.

От ее губ по его телу прокатилось тепло. Он держал ее так крепко, что вжал всю в себя, мягкую и нежную, от нее пахло чисто и незащитно, губы были как разогретые на солнце спелые вишни. Она отталкивала его. Упершись в грудь, кулаки ее были твердые, но Ингвар не чувствовал ничего, кроме странного жара в сердце, во всем теле.

Ольха в первый момент испытала такой ужас, что не могла двигаться. Но когда его хищный рот накрыл ее губы, она отчаянно забарахталась в его сильных руках или хотела забарахтаться, потому что от его твердых горячих губ хлынула волна жара, прокатилась по спине, наполнила тело. Ноги ослабели, а кулаки сами собой разжались, она упиралась в грудь воеводы ладонями. Или держала их у него на груди.

Ингвар с огромным усилием, словно разрывая пудовые цепи, отстранился, дико взглянул в запрокинутое к нему лицо. В лунном свете оно было бледным, глаза темными, как лесные озера, а губы распухли и блестели. От нее пахло цветами, а воздух в этой проклятой древлянской долине был одуряющим.

Не сумев сразу же отодвинуться и уйти, он ощутил, как его руки, словно сами по себе, привлекли ее снова. Он наклонился и опять накрыл губами ее рот. На этот раз нежно, бережно, сам удивляясь себе и страшаясь повредить ее, такую хрупкую и нежную. Одной рукой он придерживал ей голову, словно ребенка при купании, его пальцы задели ленты, и водопад волос рухнул на ее плечи, накрыл другую руку, которой прижимал ее к себе за талию.

«Спаси меня боги, – мелькнуло у него в голове паническое. – Олег меня убьет, швырнет живьем в яму с голодными псами. Я все испортил в самом начале. Древлян можно было бы взять без крови, а сейчас на ее крик сбегутся стражи, начнется резня, безоружных дружинников перебьют прямо в постелях!»

Ольха застыла, страшаясь шевельнуться. Ноги подкашивались, в теле была такая приятная слабость, даже истома, словно плавала в теплой воде родного лесного озера. Сердце стучало часто, жар опускался в низ живота, ноги слабели еще больше. Он держал ее крепко, держал

насиленно, против ее воли, но она чувствовала, что ее некогда сильная воля испарилась, как капля росы в огне.

Ингвар сам горел в этом огне, который прижимал к своей широкой груди. Ее губы стали еще слаще и нежнее, он чувствовал ее упругую грудь, все ее теплое податливое тело. Она была как воск в его горячих ладонях, что с готовностью принимает ту форму, которую возжелают руки.

От земли шли пряные запахи. Воздух был теплый, насыщенный ароматами душистого сена, клевера. Голова Ольхи кружилась все сильнее, тело слабело. С последней искоркой воли она заставила себя ощутить собственные руки, уперлась Ингвару в грудь.

Ингвар уже не Ингвар, а что-то другое, пожирал ее запах, ее теплоту, ее сладость и нежность, но когда ощутил ее ладони, что слабо отталкивали, принудил себя опомниться, вынырнуть на поверхность. Он стоял на сторожевой башне древлянской крепости и держал в объятиях злейшего врага объединения Новой Руси. А внизу справа и слева дожидались ее возвращения стражи крепости. А он был дурак и преступник.

Медленно освобождая ее из объятий, он судорожно пытался отыскать какие-то спасительные слова, но на языке вертелось такое, что лучше молчать вовсе.

Ольха отстранилась наконец, ее темные без зрачков глаза обыскивали его угловатое лицо с горящими глазами. Ингвар отыскал свой голос, проговорил неуклюже:

– Как видишь, княгиня... это нехорошо, когда умыкают.

Она взглянула дико, повернулась и пропала в тени. Ингвар слышал лишь частый скрип ступенек. Наконец затихло, вдали послышался мужской голос, затем голос древлянской княгини.

Ингвар замер, чувствуя свое полнейшее бессилие. Сейчас самое время выместить ненависть к людям киевского князя.

Он стоял, прислонившись к столбу, ждал. Ночь была тихая, теплая, над головой шелестели огромные, как совы, летучие мыши. Не дождавшись тревоги, потащил свое тело, из которого словно вынули все кости, вниз с башни. Во всем теле была слабость, а мысли серыми и мертвыми.

Только одно было живым: воспоминание о ее сладких податливых губах, ее запах. А пальцы подрагивали, все еще чувствуя ее нежное тело.

Почему он полагал, что она сплошь из тугих мускулов?

Утром воины древлян бродили с угрюмыми злыми лицами. Не выспались даже свободные от стражи, все чего-то ждали всю ночь, спали вполглаза. Русы, хоть и безоружные, держались увереннее. Бродили группками, громко смеялись. Пережив ночь, уже чувствовали себя победителями. Древляне скрипели зубами, воеводы едва удерживали их от стычек с пришельцами.

Когда запахи ухи, жареного мяса и птицы заполнили весь двор, гридни позвали на трапезу. Русичи отправились по-хозяйски. Кремень придержал самых горячих из древлян, велел оставаться снаружи. Драки ни к чему, довольно одной искры для кровавого пира, но парням объяснил, что им доверено важнейшее дело. Надо присмотреть за стенами и воротами, для оставшихся в лесу самое время пойти на приступ.

Ольха, стоя за косяком, наблюдала за русами. Хорошо вооруженные, крепкие, как на подбор, каждый справится с двумя древлянскими воинами. Даже без оружия выглядят чересчур опасными. Нужно избавиться от них сегодня же. Самое позднее – накормить обедом и отправить. Вторая ночь, чует ее сердце, не пройдет так мирно. Да и воеводы предупреждают, что молодежь старается вызвать русов на ссору.

Среди чужаков, как прирожденный вожак, показался Ингвар. Прищурился от солнца, быстро оглядел двор, метнул огненный взор на второй поверх терема. Ольга едва удержалась от желания шарахнуть в тень, хотя и так знала, ее не узреть со двора.

Воевода русов выглядел особенно злым, ругался и пинал своих дружинников. Накричал на одного так, что тот убежал, не разбирая дороги.

Младший братик, Твердыта, осторожно дернул ее сзади за платье:

– Ты их всех убьешь?

Она вздрогнула:

– Почему?

– Они все враги.

Личико его было не по годам серьезным. Серые, как у сестры, глаза смотрели пытливо, печально.

– Враги, – подтвердила Ольга. – Но мы не можем нападать на гостей.

– Тогда убей хотя бы этого... с хохлом на голове. Или разохни его на стене терема. Чтобы все видели.

Дрожь прошла по ее телу.

– Почему?

– Сестрица, разве не видишь? Он говорит одно, а делает другое. У него злое лицо. Я слышал, он никогда не держит слово.

Она присела и обняла брата. Что за жизнь, подумала отчаянно. Даже малые дети говорят про убийства и пытки так просто, будто рвут цветы или ловят бабочек.

– Что он хочет? – спросил он серьезно.

– Говорит о мире. Но для этого мы должны встать на колени перед киевским князем. И отдать свои земли.

Мальчик гордо выпрямился. Детские глазенки блеснули, как у лесного зверька.

– Мы ни перед кем не встанем на колени!

– Ни перед кем, – подтвердила Ольга. – А теперь иди. Тебе нужно много заниматься. Видишь, какие они громадные? Чтобы воевать с русами, надо быть сильным.

Глава 5

Ольха отдавала последние распоряжения в обеденной палате, когда сзади послышались шаги. Она безошибочно узнала поступь кровавого пса киевского князя. Кое-как закончила наставление, хотя сама не слышала своего голоса и не смогла бы вспомнить, что говорила.

Ингвар, нахмуренный и с осунувшимся лицом, вошел с таким видом, словно искал, кого бы разорвать на части. Вынужденно остановился, коротко поклонился княгине. Она потупила глазки и улыбнулась. Шея ее была тонкая, белая, он снова ощутил желание стиснуть на ней пальцы.

– Хорошо почивал, воевода киевский?

– Отвратительно, – буркнул он. – В этих болотах комары как лошади с крыльями.

– У нас леса, а не болота, – напомнила она.

– Все равно, – буркнул он.

– Тогда ты еще не знавал дряговичей, – сказала она ехидно.

– Те, что в болотах?

– Да.

– Сапоги пачкать в грязи неохота. А потом примучим и болотников. Долго ли там просидят, если на берег выпускать не будем?

– Надо было спать в палате, – сказала она негромко. – Комары боятся наших светильников.

Он снова поклонился, чувствуя, что опять его щелкнули по носу. Обычно быстрый на острый ответ, сейчас не находил нужных слов. От этого желание сломать ей шею стало столь сильным, что пальцы сами сжались в кулаки с такой силой, что кожа заскрипела.

– Чем ваши светильники лучше? – буркнул он.

– Мы добавляем в масло... нужные травы.

Он быстро пошел к своим людям. За ним следило множество глаз, как его людей, так и древлян. Однако он чувствовал на себе и прикосновение ее взгляда, странно тревожащего, от чего ему хотелось украдкой оглядеть себя, все ли у него на месте. Хмурясь, переступил через лавку, скованно опустился за накрытый белой скатертью стол.

Отроки и молодые девки начали вносить блюда. Вечером девок не было, заметил Ингвар с насмешкой. Побаиваются буйства русов. Хотя у них по сорок воинов на каждого его дружинника... Или избегают стычек с его людьми, что вернее. Если перебить русов, то рассвирепеет князь пришельцев с Севера, таинственный Олег. А так авось пронесет нелегкая. Отсидаются в дремучих лесах, а русы то ли сгинут сами, аки обры, то ли их кто-нибудь сгинет.

На стол поставили жареных поросят. Скромнее, чем вчера, но все же чересчур обильно для простой утренней трапезы. Вчера был пир. Не столько для гостей – кто им рад? – сколько молча показывают, что не бедствуют, а раз так, то могут и защищаться. Бедных легче покорить, чем богатых... Но богатство, что древляне не учли, еще больше разжигает жадность. Богатых русы могут не только грабить, но и успешно доить! Если, конечно, удастся в этих землях зацепиться хотя бы зубами.

За огромным столом, где пировали русы, царило веселье, шутки, смех, слышались веселые крики. Русы наперебой поднимали кубки с брагой и хмельным медом, провозглашали громкогласно здравицу великому князю. Обглоданные кости швыряли кто под стол, там псы рычали и дрались за мослы, а кто и бросал через плечо, не глядя, куда упадет.

Древляне смотрели ненавидяще, бессильно сжимали кулаки. Еда в рот не шла, чужаки веселятся чересчур явно, чересчур нагло. А кости швыряют в их сторону, иной раз почти доставая до их стола.

Воевода Корчак сказал своим громко:

- Счастливы, что уцелели. Надо было, аки курей, в постелях подушить!
- Да уж зазря корм тратим, – слышались голоса.
- Побили бы, и все дела...
- Чо терпим надругательство?
- Они и на наших женок смотрят, аки псы!
- Воевода, только кивни.
- А княгиня простит.
- Да, они ж сами...

В палату вошел в сопровождении троих воинов молодой великан. Он был в копытном доспехе, на поясе висел кинжал. Лапти щегольские, с подошвой из кожи. Тонкие ремешки обвивали голени до коленей. Русые волосы красиво падали на плечи, борода короткая, курчавая.

Ингвар заметил его в тот же миг, когда парень возник на пороге. И теперь рассматривал исподлобья, чувствуя угрозу. Парень не по-древлянски рослый, плечи округлые, как скалы, грудь широка. На доспехе копыта наложены умело, внахлест, меч скользнет... Если он не двуручный, конечно. Двуручным можно рассечь даже наковальню.

Лапти подшиты кожей из задних ног тура, продолжал отмечать Ингвар. На широком поясе нож с рукоятью, инкрустированной ракушками, что-то совсем не древлянское. Но такая рукоять не скользнет даже в потной ладони, это понятно любому воину.

Бог создавал его в хороший день, потому дал рост, силу, мужественное лицо и прямой взгляд синих, как небо, глаз, а тяжелый подбородок по-мужски выпирает вперед. Мощные челюсти выдают себя рифлеными желваками. Но бог куда-то торопился, не стал подравнивать, подтесывать, сглаживать, потому парень остался с суровыми, грубыми чертами лица, узловатыми руками. И этим он бы понравился Ингвару, если бы не был древлянином. Опасным древлянином.

– Ясень! – вскрикнула Ольга с княжеского места.

На этот раз она трапезовала в окружении древлянских воевод, а воевода русов, хмурый как сыч, сидел со своими воинами. Он ел нехотя, взгляд был отсутствующим. Ольга тоже по большей части старалась смотреть в миску, а Ясень увидела потому лишь, что по всей палате сразу прошла волна веселого оживления.

Ясень, счастливо улыбаясь, пошел к Ольге Древлянской, светлой княгине двенадцати древлянских племен. Шаги его были широкими, он весь был широким, но в движениях ясно проступали сила и молодость.

– Ольга, – сказал он преданно, голос его был по-юношески звонким, но сильным и могучим, словно шел из боевого рога, – мы услышали, что к вам подступили русы. Пока войско собирается, я взял свою дружину и примчался. Мои люди встали с твоими у ворот и башен. Если что надо, только свистни!

Вбежали мальчишки, княжичи, с радостным визгом повисли у молодого богатыря на руках.

– Дядя Ясень! – закричал Твердыта. – К нам вторглись русы! Ты убьешь их всех?

– С готовностью, – ответил Ясень. Он обратил яростное лицо к сидящим за столами русам: – С готовностью.

На него посматривали искоса, оценивающе. Выше самого рослого из древлян, широк в плечах, с могучей грудью и длинными руками, перевитыми толстыми жилами. Двигается легко и точно, как большой кот. В движениях видна хищность и готовность бить и принимать удары, но опытный глаз замечал еще и то, что, несмотря на молодость, у парня уже поступь опытного бойца. А из-за его плеча недобро глядит рукоять длинного двуручного меча, что совсем неслыханно как для древлянина, так и вообще для славянина.

Ольха видела, как волна тяжелой крови бросилась в лицо киевского воеводы. Его широкая ладонь хлопнула по бедру, но на поясе было пусто. Налитые кровью глаза побежали по комнате в поисках оружия.

– Спасибо, Ясень, – сказала Ольга торопливо, – мы счастливы, что ты прибыл так спешно. Мои братья будут рады, если останешься на ночь... Или по крайней мере пробудешь, пока я провожу посланцев киевского князя.

Ингвар поднялся, сказал громко, бешенство сквозило в каждом слове, он почти давился, став еще больше похожим на разъяренного пса:

– Если мне понадобилось бы взять этот холм с деревяшками, я взял бы этой ночью. Но я могу взять и прямо сейчас!

Ясень повернулся к нему, одной рукой потянул из-за плеча меч. За столами ахнули. Двуручный меч был еще длиннее, чем все ожидали, а вращал им молодой витязь с такой легкостью, словно это была хворостина.

Улыбка его была жестокая, словно улыбалась сама смерть.

– Попробуй!

Ольга вскрикнула:

– Прекратите! Воевода, ты же знаешь, как охраняются ворота и стены! А теперь еще с двойной стражей!

Ингвар смотрел сквозь красный туман в глазах. Сердце стучало часто, его трясло, как медведь грушу. С огромным усилием заставил себя опуститься на лавку. Олег не простит, мелькнуло в голове. Что это нашло, что стал подобен дикому зверю? Он всегда умел с легкостью заставить себя делать то, что нужно, а сейчас трясется от бешенства, исходит слюной, и все почему? Не потому ли, что появился этот сопляк, которого он, несмотря на его широкие плечи и длинный меч, перешибет как соплю?

Недоставало, мелькнуло в голове злое, чтобы еще приревновал. К этой хитрой и коварной женщине, что умеет пользоваться даже своим смазливym личиком. Еще как умеет! И может прикинуться невинной овечкой, когда это потребуетя.

– Двойная стража – это хорошо, – сказал он хрипло. – Это очень умно. Значит, я имею дело с воинами.

Он резко поднялся из-за стола, едва не опрокинув. С отвращением взглянул на еду, повернулся, пошел к выходу из терема. Даже русы проводили его озадаченными взглядами. Перемена в поведении воеводы была настолько крутой, что и самые близкие к нему Павка и Боян переглянулись, пожали плечами.

Ольга ощутила, как ее всю осыпало морозом, будто на голое тело стряхнули снег с зимней ветки. Холодный тон воеводы пугал больше, чем прямая угроза.

А за столом русов поднялся крепкоплечий дружинник с озорными глазами, крикнул весело:

– Кончай жевать!.. Пора седлать коней. Впереди – Киев!

Корчак неслышно подошел сзади, когда она наблюдала со своего поверха за двором. Дружинники Ингвара седлали коней, укладывали вьючные мешки. Ольга распорядилась снабдить уходящих врагов припасами на три дня. Гривны и стражи древлян угрюмо наблюдали за русами. Мечи и копья конечно же наготове, но все-таки какое облегчение, когда эти страшные люди уйдут!

– Зверь, не человек, – проговорил Корчак. – Не зря его страшатся даже в Киеве.

Ольга вздрогнула:

– Ты о Ингваре?

– Княгиня... Ты тоже смотришь только на него. И ты права. Он – ключ ко всему. Мы слишком честны и просты, а он повидал мир, пришел из-за моря. Ты знаешь, что это такое? Даже я не знаю.

– А зачем мне знать? – сказала она, защищаясь. – Это моя родная земля, мой родной лес. Это весь мир, мне не надо другого.

Она чувствовала по скрипу кожаного доспеха, как он замедленно пожал плечами.

– Наверное, так... Но мужчин всегда влечет даль, я сам стремился выйти из леса. Увидеть хотя бы Степь, о которой говорят кощунники. Море, может быть, просто выдумка, трудно вообразить воды больше, чем в нашей речке, но Степь – это вырубленный лес, как мы сделали вокруг крепости... Правда, приходится каждую весну рубить молодняк, иначе лес снова отвоюет землю, а в Степи сколько же надо народу держать, чтобы всякий раз вырубывать молодой лесок? Он же прет из земли неудержимо! Все-таки я верю, хочу верить, что есть и Степь, есть и Море, есть и непохожие на нас племена... Ингвар – порождение другого мира. Он разнообразнее, так как видел разное, учился разному. Я боюсь, что нам с ним не справиться. Это великое облегчение, что он покидает нас.

Она зябко передернула плечами. Великое облегчение! Старый воевода даже не представляет, какое это облегчение для нее. Она всегда была хозяйкой себе, другим, всему граду и племени. Но в его руках едва не потеряла себя. Конечно, он застал ее врасплох, она была не готова, другого такого случая не повторится, но все же...

– Мне не надо перемен, – заявила она твердо, даже слишком твердо. – Когда женщине требуются перемены, она двигает мебель.

– Но зачем они приезжали?

– Устрашить, – предположила она тревожно. – У них, как ты сам видел, намного больше войска. Вооружено лучше. У нас одна надежда на поддержку соседей! Если будем помогать друг другу, мы не наденем ярмо ненавистных киевлян.

– Русов.

– Да, теперь они все русские рабы. Даже свободные кривичи и уличи просто рабы. Но, я думаю, когда сюда прибыл Ясень с его дружиной, Ингвар усомнился, что нас просто взять... Он попытает счастья с другими.

В глазах старого воеводы было сомнение.

– Не попытавшись взять нас?

– Он потеряет половину войска, – отрезала Ольга. – А достанутся горящие развалины. Конечно, это лучше, чем враждебное племя, но вот так, подъезжая и пугая своим видом, можно добиться покорности иных племен... даже не теряя людей.

Корчак покачал головой:

– Да, киевский князь мягко стелет. Кто-то, устранившись, поджимает хвост. Сила киевского князя растет. Сила русов, гореть им в вечном огне!

Трое дружинников-русов рассорились из-за заводного коня. Сперва друг с другом, потом заспорили с местным конюхом. Они оставили древлянам двух охромевших, взамен получили одного. Правда, здорового, но хромота за неделю пройдет. Два за одного – это грабеж. Гостей грабить – последнее дело!

Древляне, и без того раздраженные, заспорили. Некоторые схватились за ножи, другие явились с кольями. Ольга нахмурилась, поспешно побежала вниз по ступенькам. Отдавать второго коня – позорно, вроде бы устрашились русов, не отдать – неизвестно, чем закончится эта ссора.

Сбежав во двор, почти наткнулась на Ингвара. Воевода, уже в полном доспехе, но с непокрытой головой, сам седлал огромного черного жеребца. Жеребец был такой же масти, как и воевода, даже в движениях, яростно-диковатых, напоминал хозяина.

– Воевода! – вскрикнула она. – Останови этот нелепый спор!

Он оглянулся лениво, в глазах была насмешка. Голос был полон яда:

– Как?

– Когда оставляли коней, как-то договаривались? Назад слово не берут!

Ингвар пожал плечами:

– Рабы не берут. А если кто своему слову хозяин, то сегодня дает, завтра берет обратно.

Она не сразу сообразила, что воевода русов просто насмехается. Ей, выросшей в лесу, в самом деле не тягаться с подлым, изощренным в коварстве умом захватчиков из-за моря!

– Прекратите! – Она топнула ногой.

Он оглядел ее с головы до ног. Насмешка в его наглых глазах стала явной. С издевкой сказал:

– Не все ли равно тебе, княгиня? В гостях у великого князя, я говорю об Олеге Вещем, ты скоро забудешь этот мышинный холмик.

Она похолодела. Глаза Ингвара смеялись, но это был жестокий смех победителя.

– В гостях...

– Да. Ты едешь с нами.

Она прошептала мертвеющими губами:

– За... чем?

– Великий князь решил укрепить связи с племенами. Где берет заложников, где меняет князей, а в твоём случае... пожалуй, лучше всего привезти в Киев и выдать замуж за верного человека. Родственные чувства у диких людей – великая сила! Дурость – не попользоваться.

Ее рука упала на кинжал на поясе. Во всю мочь вскрикнула:

– Стража! Измена!

И тут же страшный голос киевского воеводы легко прорезал гвалт и крики, как нож прорезает теплое масло:

– Всем стоять! Никому не двигаться! На стенах – товсь!

Она в страхе вскинула голову, будто ее ударили снизу в подбородок. На стенах блестели доспехами дружинники Ингвара. Все целились из луков в собравшихся, как овцы, толпой древлян, а было этих овец столько, что половина поляжет сразу. Ольга с болью увидела кровь и свесившиеся тела ее стражей со стены. Расслабились, видя уход ненавистных русов, а тут еще ссора из-за коня, засмотрелись... Значит, и ссора была предусмотрена коварным воеводой!

Раздался треск, грохот. Створки ворот распахнулись, и, топча тела неподвижных стражей, галопом ворвались закованные в доспехи, блещущие железом русы. Быстро и умело окружили скучившихся древлян, несколько русов сразу ринулись в княжеский терем. Там послышались крики, хрип, по ступенькам скатился человек с окровавленной головой, потом второй, а третий выбежал, явно от кого-то спасаясь.

Вожак ворвавшихся русов, молодой крепкоплечий парень, подбежал к Ингвару. Ольга с изумлением увидела кудрявую русую бородку славянина.

– Воевода! Все ворота – наши!

– Молодец, Влад. Действуй дальше.

Влад, вспыхнув от гордости, звонким страшным голосом отдавал приказы, посылал своих людей в конюшню, кузницу, оружейную. Быстро, умело, будто знал, где и как лучше всего схватить древлян за горло. Когда он повернулся, Ольга увидела, как из-под шлема выбиваются густые русые волосы!

На крыльцо с боевым кличем выпрыгнул Ясень. Одной рукой он держал страшный меч, едва ли короче оглобли, вращал им с легкостью, от него пятились, отпрыгивали. Другой рукой он прикрывался круглым щитом, в который уже со стуком вонзились три стрелы, а когда пересекал двор, еще две.

Ингвар свирепо оскалил зубы:

– Всем стоять! Он мой.

Влад бросил ему свой меч. Ингвар повелительно вскинул левую руку, второй дружинник швырнул ему другой. Ингвар хищно повернулся, злой, оскаленный, с двумя мечами.

В толпе древлян затаили дыхание. До них доходили слухи о страшных воинах, их зовут оберуками, но это было в кошунах!

Глаза Ясеня заблестели.

– Ты не уйдешь от смерти, проклятый!

– Мы все не уйдем, – ответил Ингвар.

– Не беги, прими бой!

– Кто сказал, что я бегу?

Ясень бросился на него с криком:

– Умри, убийца! Умри, кровавый пес!

– Сколько воплей, – поморщился Ингвар. – А где же дело?

Меч Ясеня упал с такой силой, что должен был рассечь киевского воеводу пополам. Все ожидали, что воевода уклонится, отступит, но тот лишь вскинул мечи, поймал падающий двуручный меч в перекрестье своих мечей.

Все-таки удар был так страшен, что лезвие остановилось на два пальца от голой головы воеводы. Все еще держа мечи, он сказал громко, могучим голосом, полным ярости:

– Клянусь, и эта клятва нерушима! Если этот увалень побьет меня в поединке, то все русы уйдут. Древлянам останутся их вольности!

Ольха задержала дыхание. Крепость уже в руках киевлян, воевода чересчур уверен в себе. Явно какая-то хитрость, успеть бы ее понять и обезвредить. Не станет же в самом деле так рисковать?.. Ясень, несмотря на молодость, заслужил славу сильнейшего бойца. Он свирепеет в битве, бьется люто, но головы не теряет, его страшатся и избегают даже опытные бойцы.

Круг был широк, древляне перемешались с русами. Все жадно смотрели на бой. Сошлись сильнейшие, это знали все, а теперь и видели.

Ингвар хладнокровно отражал страшные удары древлянского богатыря, ни на шаг не отступал. Двор наполнился лязгом, грохотом.

Древляне кричали, подбадривали Ясеня. Русы молчали, но следили возбужденно, изредка вскрикивали, толкали друг друга. Ингвар все еще парировал удары противника, попеременно подставлял то один меч, то другой, и все видели, что одинаково владеет обеими руками.

Сердце Ольхи наполнило нехорошее предчувствие. На лице Ингвара были хищный оскал, откровенная ненависть. Он не просто старается убить, внезапно поняла она со страхом. Он стремится искалечить молодого парня. Или ранить так, чтобы тот умирал долго и в муках!

Внезапно Ингвар сделал выпад. Ясень защититься не успел, двигался киевский воевода, как скользкая молния. Острие чужого меча блеснуло возле горла древлянина, а руку его отшвырнуло с такой силой, что едва не вывернуло из плеча. Ясень остановившимися глазами проводил свой тяжелый меч. Тот трижды перевернулся в воздухе, с лязгом ударился оземь.

Подпрыгнуть он не успел. Сапог киевского воеводы прижал к земле. Острие меча все еще смотрело в грудь древлянина. Мгновение Ингвар смотрел в побледневшее лицо противника, отступил на шаг:

– Да, сопливый, тут скользко. Ладно, это не в счет.

Ясень, еще не веря, медленно нагнулся, протянул руку к мечу. В толпе стояла мертвая тишина. Ольга быстро бросила взгляд на киевских дружинников. На их лицах были жестокие усмешки. Ждут, что их воевода сейчас обрушит удар второго меча и голова древлянина покажется в пыли?

Ингвар отступил еще, выждал, пока Ясень подберет меч. Древлянин смотрел исподлобья, дышал тяжело. Его руки начали опускаться, словно он терял силы, внезапно с диким криком, от которого стыла кровь, прыгнул вперед.

Киевлянин не сдвинулся с места. Два меча заблестали, словно их было две дюжины. Ясень встретил град ударов. В толпу полетели щепки от изрубленного щита. Через мгновение Ясень сжимал лишь ремень, на котором висел обломок доски с медной полоской.

Древлянин в ярости и растерянности смотрел на то, что осталось от щита. В толпе сочувствующе и растерянно кричали, подавали советы. Он резко отшвырнул щит, схватил меч обеими руками и пошел наносить страшные удары. Двигался он быстро, несмотря на свой рост и огромные мышцы, но киевский воевода всякий раз парировал удар или пропускал мимо себя.

Звякнуло, и снова меч вырвало из рук древлянина. Упал на землю между поединщиками. Снова на лице Ингвара играла злая усмешка, но голос был полон сочувствия:

– Да, когда в соплях путаешься, драться трудно. И этот раз не в счет!

Ясень тяжело дышал, по лицу бежали крупные градины пота. Он прохрипел, глядя налившимися кровью глазами:

– Я... не пощажу...

– Спасибо, что предупредил, – откликнулся Ингвар. Он чуть покраснелся, но оставался сухим. – Я тоже. У вас, славян, прощают до трех раз? Тогда это – третий, последний.

Его быстрые глаза поймали отчаянный взгляд Ольхи. По-волчьи улыбнулся, показав острые белые зубы, подмигнул. Тут же подставил мечи, напрягся, выдерживая натиск. Ясень, чувствуя себя опозоренным, все же наступал расчетливее, бил сильно, но старался угадать следующее движение противника. В глазах древлянина горела жажда убийства.

В толпе кричали, орали, свистели. Внезапно Ингвар словно взорвался. Его мечи слились в нескончаемые сверкающие полосы. Ясень зашатался под градом ударов. Шлем слетел со звоном, светлые волосы заблестали под солнцем. От железных пластин на плечах, на груди летели искры.

Улыбка Ингвара стала шире. Ясень шатнулся, булатная пластина на его плече звякнула, рассыпая искры, меч Ингвара отлетел со звоном. Крупные капли крови брызнули на плечо, пробежали цепочкой по выпуклой груди.

– А-а-ах! – раздалось в толпе.

На землю упало ухо, покатилося, за ним осталась цепочка красных капель.

Ингвар предложил:

– Закончим? Будешь взрослым, сойдемся еще раз.

Ясень растерянно потрогал голову, поднес к лицу окровавленную ладонь. Медленно лизнул, прислушался к вкусу собственной крови. Поднял глаза на Ингвара. Во взгляде появилось и разрослось бешенство берсерка.

Он затрясся, изо рта пошла пена. С жутким воплем ринулся на смертельного врага. Ингвар впервые попятился, отступал, горбился под страшными ударами. Ясень бил с такой яростью и так быстро, что теперь уже его меч казался сплошной полосой блистающего булата.

Ингвар отступал, пока не почувствовал, как спина уперлась в толпу, что не успела податься в стороны. Он ускользнул в сторону, вывернулся из-за спины и ударил сзади коротко и сильно.

Ольха вскрикнула. Ясень рухнул во весь рост, земля дрогнула от удара. Ингвар дышал тяжело, вытер лоб.

– Давно такого бугая не встречал... Уже недели две, а то и три. Эй вы, лапотники! Уберите дурня да заприте. Когда проспится да повзрослеет, авось толк из него и выйдет. Хотя не понимаю, что хорошего, когда останется одна бестолочь?

Только теперь Ольга поняла, что Ясень жив. Воевода русов ударил его мечом по затылку плашмя. Древляне молчали, но в их лицах Ольга читала смятение. Отвага и воинское умение

ценится везде, но Ингвар сумел удержаться от убийства даже в честном поединке. Обезоружив смертельного врага, он оставляет его за спиной. Дурость, безрассудство или что-то другое?

Ингвар бросил мечи дружинникам. Его глаза блистали торжеством. К Ольхе подошел, выпячивая грудь и раздвигая и без того широкие плечи:

– Если выступим сейчас, к вечеру достигнем кривичей. Поторопись, княгиня! А если что-то задумала, взгляни по сторонам.

На стенах закованные в булат русы приготовили стрелы с паклей. Несколько человек стояли с факелами. На крыльцо терема дружинники вытащили старого Корчака, лицо его было залито кровью, а следом – у нее оборвалось сердце – Мстислава и Твердика. Оба тщетно пытались вырваться. Твердята кусался и бил ногами. Дружинники вытащили ножи.

Ольха жалобно вскрикнула, когда детей грубо ухватили сзади за волосы. Одной рукой русы умело запрокидывали детские личики к небу, другой приставляли острые лезвия к нежным горлышкам.

– Нет! – закричала Ольга. – Хоть их не трогайте!

– Что?

– Не трогайте детей!

– Это не то, что я хочу услышать, – сказал Ингвар холодно.

Она бросила отчаянный взгляд на Ясеня. Тот лежал рядом с крыльцом, над ним хлопотали двое, дули в ноздри, в уши, трясли. Ольга обреченно отвела взор. Ее губы прошептали раздавленно:

– Я еду с тобой пленницей.

Ингвар холодно усмехнулся:

– Гостьей. Только гостьей великого князя киевского. Братья твои едут тоже.

– Они тоже... заложники?

– Гости, – повторил Ингвар с угрюмым торжеством. Он кивнул обоим дружинникам: – Проводите княгиню в ее комнату. Пусть соберет вещи. Но не больше узла! Кони не славяне, их жалеть надобно.

Глава 6

Чувствуя себя богом, Ингвар неспешно сел на коня. Сердце бухало часто, он чувствовал щенячью радость. Грозный воевода, но хотелось завизжать от счастья либо выкинуть что-то еще глупее: кувыркнуть, как славянский скоморох, а то и просто заорать: какой он замечательный и как все у него удачно!

Во дворе гремели уверенные голоса русов, наглый смех. Особенно громкий и вызывающий после того унижения, когда без оружия провели вечер и ночь в чужом граде. И теперь ходили, с надеждой поводя по сторонам налитыми злобой глазами. Только бы взглянул кто недобро, только бы пикнул, только бы...

Однако древляне забились по щелям. Корчак знал, какому страшному разгрому подвергают русы захваченные селения, потому загнал самых смелых в оружейную, кузню, подвалы, где и запер, а несмелые попрятались сами.

Взгляд Ингвара упал на капище. Не только залитый кровью деревянный столбик был темно-зеленым от обсевших навозных мух. Даже на заборчике темнели загустевшие потеки крови. Только теперь он рассмотрел неумело вырезанные на деревяшках вытарашенные, как у лягушек, глаза, широкие рты. Все было старательно вымазано кровью. Пахло гадостно, кровь разложилась, а между камнями копошились белесые трупные черви. Ингвар ощутил тошноту.

– Сжечь!

Павка зябко повел плечами:

– Надо ли? С богами ссориться не с руки. Они нас не трогают, мы их.

– Этого божка нет среди богов русов и полян. Мы строим единую державу. Там уже достаточно богов. Ты хоть знаешь, что это за урод?

Павка распахнул невинные глаза:

– Это их главный... или почти главный бог!

– Не может быть, – не поверил Ингвар. – Главных я запомнил.

– Клянусь Ингой!

– Кто это?

– Ярило. Бог ярой мужской силы. Ему по весне праздники учиняют. Через костры в лесу скачут, а потом кто кого сгреб, тот того и... Только у полян его лик режут на больших столбах, у кривичей – на досках, а здесь вытесали в том виде, в каком им нужен для их ритуалов.

Ингвар смотрел недоверчиво:

– Откуда ты все вызнал?

Павка скромно опустил глаза:

– Да я ж помню, что я – лазутчик. Всегда на работе, всегда на службе ратной. Если поглядеть, то это тоже ратная... Вы отсыпались, а я все в работе, в тяжком труде! Словом, слазил к одной. Она рассказала всякое. И про это капище. Здесь и она рассталась с невинностью. Я еще проверил на всякий случай, еще к одной слазутничал. Та тоже перед замужеством принесла этому Яриле свое девичество. Я решил перепроверить, ты ж сам настаиваешь на перепроверках, на обратном пути забрел к санным девкам, малость их потешил... ну, и сам чтоб не сильно остаться внакладе... они подтвердили, что до меня их поимел этот Ярило в облике этого самого, на что ты как на гадоку смотришь. Он у них у всех был первым!

Челюсть Ингвара отвисла.

– Ты не тронулся?

– Я ж говорю, проверил и перепроверил. Ты мне должен доплатить за старания. Я ж ночь не спал, а вы все дрыхли. Понимаешь, перед замужеством каждую приводят туда. Они раскорячиваются, садятся на этот кол, а волхвы следят! Их собирается как муравьев на дохлого

жука... Следят, чтобы и кровь была, и девка наплакалась. Мол, право первой брачной ночи принадлежит только богу!

Ингвар, оскалив зубы, выхватил меч, пустил коня шагом. Примерился, опустил руку, нагнетая кровь для удара. Павка покачал головой:

– Надо ли? Одним богом больше, одним меньше. Правда, меня тоже завидки берут.

Ингвар коротко взмахнул мечом. Послышался сухой треск. На месте кола остался пенек высотой в два пальца. Мухи, блистая зелеными крыльями, взвились злобно гудящей тучей. Павка отшатнулся, замахал руками. Роба была хитрая. Уже придумал, как преподнести веселую историю дружинникам на привале. Как воззавидовавший воевода воевал с самим богом! А там и сказители подхватят, кощуну сложат. И будут петь о герое-богоборце.

– Что струсили? – гаркнул Ингвар злобно. – Что это за бог? Разве мы не беремся сделать его работу? Да еще с охоткой?

Дружинники неуверенно посмеивались. Ингвар властно протянул руку, Влад сбегал за факелом, протянул воеводе. Все в молчании смотрели, как воевода поджигает деревянную оградку капища. Огонь не разгорался долго, наконец робкие язычки пламени пошли лизать сухие колья. Ингвар швырнул факел вовнутрь, прямо на обрубок Ярилиной мощи.

И все-таки древляне сквозь щели в ставнях видели, что русы подавленно затихли. Похоже, Ингвар так раньше не делал. Говорят же, что в захваченном русами Киеве капища полян остались нетронутыми. Более того, захватчики добавляют в храмы и новых богов, когда примучивают то или иное племя.

Пламя наконец взметнулось жаркое, слепящее. Все попятнулись, закрываясь руками от жара. Высохшие на солнце березовые колья полыхали, как гигантская корона на голове великана.

Ингвар с каменным лицом смотрел, как пламя выгрызает колышки из земли, спарывает коричневую корку, оставляя чадный дым, игривыми огоньками прыгает по жертвенному камню. Он чувствовал, что переборщил, совершил святотатство, не стоило так жестоко, но иначе взорвался бы от злости, как надуваемая через соломинку жаба. Да, он победил. Полно и сокрушающе! Но эта сероглазая змея не обливается слезами, как случилось бы с любой женщиной, не молит о пощаде, не падает на колени. А чего стоит любая победа, если ее не признает женщина?

В последний раз взметнулись жаркие жалящие искры. Багровые угольки с треском лопались, раздуваемые ветром. По двору полетели хлопья серого пепла.

Внезапно страшный крик как ножом распорол пространство двора. Отпихнув доброжелателей, Ясень поднялся, бледный, мокрый, с залитым кровью лицом. Вытаращенные глаза смотрели с ужасом, будто зрел неведомое, лежащее за пределами привычного мира. Затем его лицо исказилось в свирепой гримасе.

– Ярило! Ты удостоил меня зреть... Да, теперь я вижу твою мощь!

Его подхватывали под руки, он должен шататься от слабости, но Ясень стоял нерушимо, словно врос в землю. Горящие глаза пробежали по толпе, остановились на Ингваре. Свирепая гримаса перешла в гримасу лютой радости.

– Ты!.. Думал унижить бога? Я зрел грядущее!

Ингвар ощутил холодок по всему телу. Ясень словно стал выше ростом, в нем чувствовалось присутствие силы большей, чем человеческая. И раны будто затянулись, он выглядит сильным, ярым и просветленным, будто из его черепа сквозь блестящие восторгом глаза смотрит сам славянский бог. Даже голос стал нечеловечески мощным, громадным.

– И что же ты узрел?

Ингвар старался держать голос насмешливым, но тот все равно дрогнул. Хуже того, его замешательство заметили дружинники.

Ясень выкрикнул так, что его услышали даже за городскими воротами:

– Ты... Широкая поляна... два высоких дерева с разных сторон пригнуты вершинками к земле... Тебя за ноги, а веревки крепкие... И-и-и-и-ых!!!

Лицо исказилось судорогой восторга. Кулаки сжались, он дергался, рубил веревки, пригибающие вершинки деревьев к земле, задирает голову, видел, как взметываются, унося ввысь привязанного за ноги человека, одну ногу в одной вершинке, другую – в другой. Дернулся, подпрыгнул, высунув язык, ловил падающие сверху струи крови.

– Я буду жить, – сказал он вдруг ясным голосом. – Мне стоит жить.

Он повернулся и пошел в терем, переступая через павших. В дверном проеме повернулся. Глаза его полыхали, как две утренние звезды.

– Потому что я зрел того, кто привяжет тебя! – И в страшном молчании добавил: – Это был я.

Совершенно раздавленная, она поднималась в свою светлицу. На лестнице и в коридоре были брызги крови, следы схватки, перевернутая и порубленная мебель, но больше всего крови осталось внизу, где Ясень встретил напавших.

У дверей своей комнаты она повернулась к дружинникам:

– Мне надо переодеться.

Воины переглянулись. Один пожал плечами:

– Воевода велел только взять узел.

– Но я... в этом платье меня везти труднее, – сказала она с трудом. – Вам же придется возвращаться дольше.

Они опять переглянулись. Старший сдался:

– Только быстро.

Он хотел было зайти следом, Ольга вздрогнула, сказала умоляюще:

– Надо ли меня так позорить? Я переоденусь и сразу выйду.

– Пусть, – сказал другой воин. Ольга помнила, что воевода называл его Бояном. – Куда она денется!

– А вдруг?

– Окунь, ты в самом деле веришь, что здешние бабы могут перекидываться кошками? Брехня это. Они не могут.

Окунь с сомнением посмотрел на плененную княгиню, она выглядела жалкой и запуганной, губы трясутся, глаз поднять не может, от страха вот-вот пустит лужу.

– Только недолго, – предупредил он. – И не бери ничего лишнего. Мы обозов за собой не таскаем.

– Только один узел, – повторила она слабым голосом. – Я помню.

Она закрыла дверь, отошла, громко топая, вернулась на цыпочках и бесшумно вложила толстый засов в петли. Она княгиня, должна заранее просчитывать разные случаи, даже такие. Рано оставшись без родителей, вынужденно занималась совсем не детскими делами. И сейчас быстро, словно не первый раз убегала от врагов, сменила княжескую одежду на простой наряд своей челядницы, сдернула со стены веревку, завязала конец за ножку ложа, а весь моток выбросила в окно.

Спустилась легко, хотя последний раз так лазила тайком от родителей лет пять тому. Ветер развевал ее юбку, на миг коснулась стыдливая мысль, что, ежели увидят мужчины, застыдят, но тут же холодящий страх высоты стер все лишние мысли.

Руки застонали от напряжения, она спускалась и спускалась по бревенчатой стене, наконец ноги коснулись земли. Она была за глухой стеной терема, окна только на третьем поверхе. До крепостной стены оставалось сажень десять, но здесь скакали всадники с обнаженным оружием, бегали голосящие бабы. Похоже, кого-то все же грабили или насильничали, как в любом захваченном городе.

Опустив голову и сгорбившись, она пошла, слегка подволакивая ногу, к воротам. Створки не закрывались, убитых уже оттащили на обочину. Конники русов стояли в проеме, придирчиво осматривали выходящих. Бегству, как она поняла, не препятствовали.

Ольха, надвинув платок, боком пошла к воротам. Сердце едва не выпрыгивало, сил едва хватало держать лицо тупым, с глупо раскрытым ртом.

– Эй, девка! – крикнул один. – Куда собралась?

Она буркнула хриплым злым голосом:

– А коров ты мне загонишь?

Второй бросил с неудовольствием:

– Что ты трогаешь убогую? Грех обижать тех, кого обидели боги. Иди, девка. Как же ты, хроменькая, гоняешь-то скот?

– Больше некому, – буркнула она и прошла мимо.

Второй крикнул вдогонку:

– Я могу поправить ногу... ха-ха!.. и спину выпрямить!

Ольха отсчитывала шаги, чувствуя их взгляды. Спину старалась держать такой же согнутой, правое плечо выше левого, а ногу подволакивала. Скорее всего, о ней забыли раньше, чем миновала ворота, но она все шла и шла, загребая придорожную пыль.

Лишь смешавшись с растерянной толпой, – немало народу на всякий случай убежало через ворота, теперь не знали, куда идти дальше, – она ускорила шаг. Деревянная стена тянулась и тянулась, но вот спасительный угол, два шага вправо, теперь от ворот ее не видно.

Впереди темнела далекая стена деревьев. Родных, надежных, где знакома каждая тропка. Оглянувшись, Ольга со всех ног побежала к лесу.

Ингвар дважды слезал с седла, вскакивал, ерзал, потел, наконец заорал в бешенстве:

– Да где же эти дурни, что с дуба рухнули? Сколько можно собираться?

Влад бросил весело:

– Бабы сборы – гусиный век.

– Я велел быстро!

Влад засмеялся:

– Как такое можно велеть? Разве что самому собрать.

– Это мысль, – бросил Ингвар свирепо.

Он спрыгнул, бегом кинулся через двор в терем. Когда несся вверх, перепрыгивая по три ступеньки, навстречу уже грохотал сапогами растерянный Боян:

– Воевода! Она заперлась!

Ингвар рявкнул с веселой злостью:

– Прекрасно! Выбить дверь. Да так, чтобы вместе с косяком и притолокой. Можно и стену завалить к чертям собачьим.

Он заспешил наверх, а Боян кричал в спину:

– Окунь уже ломает!

Когда Ингвар взлетел как птица на поверх, Окунь тупо бросался на дверь, отступал и снова кидался. Массивная дверь трещала, выгибалась. Окунь глухо взревывал, дышал как загнанный зверь. Вдвоем с Ингваром ударились о дверь, как брошенный катапультой обломок скалы. Боль стегнула в плечо Ингвара, но в следующее мгновение оба влетели в светлицу вместе с сорванной с петель дверью, притолокой и дверным косяком.

Окунь еще лежал, распластавшись, как толстая жаба, а Ингвар, перекувыркнувшись через голову, в два прыжка оказался у окна.

– Убежала!

В вопле было столько ярости, что Окунь поспешно втянул голову в плечи. Никогда еще не видел Ингвара таким взбешенным и пристыженным. Словно в бою обвели вокруг пальца, разбили дружину, а его самого повели с веревкой на шее на потеху победителю.

– Куда?.. Где?

– Вставай, лодырь, – рявкнул Ингвар. – Разлежался!

Он высунул голову из окна, быстро осмотрелся. Если древлянка не последняя дура, а она вовсе не показалась дурой, то сейчас как раз добегают до леса. А там деревья укроют... По крайней мере, так она надеется.

Подобно камнепаду с горы, он сбежал по лестнице. Его люди уже ждали в седлах. Мальчишек тоже посадили на коней. Их сторожил цепкий и все примечающий Влад. Ему Ингвар доверял больше, чем олухам, упустившим Ольху.

– Прапор вперед! – велел он. – Выступаем немедленно. По двое... пошли!

Влад сказал полуутвердительно:

– В Киев, как и собирались?

Ингвар оскалил зубы в злой усмешке:

– Пока нет, пока нет. Сперва должны решить одно дело. Ты знаешь эти леса. Здешняя княгиня провела нас как последних деревенских дурачков. Сбежала! Не думаю, что уйдет далеко. Где-то спрячется в оврагах. Ждет, пока уйдем.

Влад смотрел внимательно. Когда после паузы заговорил, Ингвар почувствовал странную нотку, то ли сочувствие, то ли скрытую насмешку:

– Искать будет трудно. Не проще ли плюнуть да идти сразу в Киев? Ведь мы сделали все, что велел князь Олег. Почти все. Покорили дрябичей, побили типичей, добром присоединили сосновичей. А эта сбежала... Ну и боги с нею. Велика беда!

– Велика, – отрезал Ингвар. – Это одно из сильнейших племен. К тому же закрывает нам реку. Оставить такое за спиной? Сбежала, рассчитывая, что махнем рукой и уйдем, а мы... отыщем, чего бы это ни стоило!

– Все пойдем?

– Нет. Ты остаешься за меня. Бери все войско, веди в Киев. И этих двух змеенышей доставь великому князю. А я с дюжиной воинов пойду по следу.

Влад долго молчал. Ингвар видел, как в душе молодого воина борется и тщеславие – доверено вести огромное войско, к тому же первым сообщит Олегу и всем русам в Киеве о новых победах, – и трезвый расчет, столь редкий в таком нематером возрасте.

– Не мало будет? – сказал Влад наконец с сильнейшим сомнением в голосе. – Конечно, я благодарю за честь, но тебе опасно с дюжиной воинов идти в чужой лес. К тому же, не обессуди, но мне все это кажется глупо... У нас в кулаке ее младшие братья. Разве это не залог? Тебе лучше махнуть на нее рукой, сесть на своего Ракшана и, с развернутым прапором, вести войско к Киеву!

Ингвар птицей взлетел в седло. За ним уже выстроились, горяча коней для бешеной скачки, Павка, виноватые Боян и Окунь, вся его отборная дюжина самых умелых и преданных.

– Я догоню ее в этом же лесу!

В его голосе было столько бешенства, что Влад только удивленно покосился на воеводу, но смолчал. Таким воеводу еще никто не видел. Он бывал в ярости, но не из-за женщин.

Ингвар и сам не понимал, почему ее бегство вызвало такую бурю в его мохнатой волчьей душе. Влад конечно же был прав, тысячу раз прав. Умнее всего было бы оставить ее, вернуться в Киев. Он выполнил почти все, что велел князь Олег. Даже больше. Он покорил еще три племена, уж очень удачный случай подвернулся. А Ингвар умел пользоваться удобным случаем. А когда не оказывалось, умел создавать. Племя древлян просуществует само по себе на год-другой дольше. Только и всего.

Олег ему не раз говорил, а Ингвар теперь и сам видел, что время мелких племен прошло. Если не сольются в одно, вольно или невольно, то их сожрут взматеревшие соседи. А тогда уж точно уцелевшим после резни придется кланяться чужим богам и говорить на чужом языке.

Он даже не стал дожидаться, когда Влад и дружина покинут Искоростень. Влад бесчинств не допустит, его уважают как русы, так и славяне, которых в его дружине уже немало.

Вломившись в лес, он сразу пустил свой маленький отряд широкой цепью. Павка с Бояном искали следы, каждый дружинник двигался сам по себе. Сам Ингвар взял с собой самых быстрых, бросился в чащу первым. Он выбрал не самый трудный и не самый легкий путь, но так, как ему казалось, должна пойти она. Это своим подвойским сказал, что беглянка прячется где-то в лесу, в оврагах, на самом же деле, если ее как-то понимал, она в одиночку бросится к ближайшим древлянам.

Маленькая, но злая, подумал люто. Это ж два-три дня пробираться через лес, полный диких зверей! И наверняка не успела взять еды. Мужчиной бы родиться, лучше не было бы воина. Неукротимый дух в женском теле. Что ж, жеребец под ним тоже был зверем, к которому боялись подойти. Тем достойнее сломить и заставить выполнять волю хозяина!

Кони галопом миновали широкую поляну, целое племя можно разместить, снова ворвались в лес, сперва редкий, вырубленный, с широкими полянами, потом деревья сдвинулись, пошли валежины, завалы.

Окунь ехал поблизости, посматривал искоса. С расспросами не приставал, но Ингвар чувствовал, что это не беспечный Павка или лихой Боян. Окуню, самому вдумчивому из старшей дружины, придется как-то объяснить свое странное решение.

Они ехали по ее следам целый день, а когда наступил вечер, все были уверены, что поиск закончился. След был утерян, к тому же за ночь можно и уйти далеко, и следы замести. Но после ночевки Ингвар сам пошел со следопытами, отыскал следы беглянки, и снова маленький отряд ринулся в погоню.

Однажды даже увидели ее светлое платье, мелькнуло и пропало. Ингвар пришпорил коня, все радостно заверещали. Однако сразу же пошли такие завалы, валежины, что даже неунывающий Павка возопил:

- Ингвар! Либо коней придется бросать... лешим на потеху, либо вертаться!
- Мы пройдем, – рявкнул Ингвар.
- Коней на руках понесем?
- На шее.
- Я ж не ты и не Манфред. Мне и свой зад носить тяжело.

Когда пробились, где растаскивая завалы, где объезжая по широкой дуге, беглянка исчезла. Даже след ее нашли только к полудню, когда даже Ингвар собирался поворачивать коней.

Окунь подъехал, зыркнул сердито:

- Дальше земли дулебов.
- Ну и что? Они платят нам дань.
- Да, но... за данью являемся зимой. На полюдьё. Как бы не осерчали.

Ингвар зло огрызнулся:

- Наши данники?

Но сам понимал, что Окунь прав. На полюдьё ходят только зимой. Не потому, что легче вывозить дань, а затем, что летом любой данник возьмет да и уйдет от прибывших русов. Даже беззащитная девка может схорониться в кустах, питайся себе птичьими яйцами, рыбой из ручья, малиной да ягодами, спи хоть под кустом, хоть на дерево залезь, а вот зимой в снегу долго не усидит никто. А русы приезжают надолго, с неделю гостят, бесчинствуют, девок портят, замужних жен бесчестят, и никуда от них не спрячешься.

Затем, собрав дань, натешившись силой и властью, уезжают, забрав молодых парней на разные работы. А война если, то и в передние ряды войска.

Только раз в год наезжают русы, а остальное время разгромленные веси зализывают раны, с ужасом и безнадежностью ждут нового приезда. А явиться на полгода раньше, так можно даже мирную мерю довести до того, что схватятся за топоры.

– Дулебы, – напомнил Окунь предостерегающе. – Те самые дулебы.

– Знаю, – огрызнулся Ингвар.

Окунь был прав, это злило. Как внятно объяснить, почему так важно захватить беглянку? И при этом сохранить ее живой. Ибо пока она жива, древляне остаются без княгини. Если же погибнет, то тут же выберут другую... или другого. Посадят того же Мстиславика и от его имени учинят кровавую распрю. Если уж уничтожить княжеский род, то до последнего человека, до дальних родственников, вырезать троюродных племянников и четвероюродных дядей!

С дулебами битва за примучивание была особенно жестокой и кровавой. Но они живут слишком близко от Киева, Олег просто должен был подчинить их в числе первых. Однако дулебы были совсем не те, которых когда-то истязали обры, а на их женщинах ездили друг к другу в гости. Перебив жестоко обров, дулебы возгордились силой и не давали спуску тем, кто осмеливался ступить на их землю. Да, Олег их подчинил, но дани почти не получал. А на второй поход у него, честно говоря, нет ни времени, ни сил!

Глава 7

Мохнатые фигуры в звериных шкурах они увидели одновременно. Те стояли за два десятка шагов, загораживая дорогу. Шкуры мехом наружу, даже звериные личины сохранились. Устрашение, отметил Ингвар невольно. На него и русов свирепо смотрели оскаленные медвежьи морды, волчьи хари, кабаньи рыла. Человечьи лица прятались за звериными.

На два шага вперед выдвинулся коренастый мужик. Настолько широкий в плечах, что Ингвар не сразу сообразил, что тот с него ростом, если не выше. Мужик был в наброшенной на плечи медвежьей шкуре, морда зверя скрывала верхнюю часть лица. Нижняя тяжела, как у коня, массивная, надменно выдвинута вперед.

Ингвар, чувствуя, как по всему телу пробежал холодок страха, рассматривал человека на дороге. В руках у того исполинская дубина, обожженная для крепости, в щели вбиты осколки кремня. Крепок, силен, намеренно дик. Если и другие такие же...

За ним недвижимо застыли коренастые лохматые и бородатые люди. Тоже в звериных шкурах, все с дубинами, палицами. Шкуры мехом наружу, отчего все выглядят вставшими на дыбы грязными медведями. Косматые неопрятные волосы и такие же свалывшиеся бороды прячут шеи. Казалось, голова сидит прямо на плечах.

Ингвар ощутил холодок страха. Русов всего дюжина, а дулебов не меньше трех-четыре десятков. Перегородили дорогу, по обе стороны в кустах наверняка затаились лучники. Истыкают стрелами так, что станешь похож на большого ежа. Или закидают дротиками.

Он остановил коня. Самое время сменить львиную шкуру на лисью. Он вскинул руку в небрежном приветствии:

– Мы с миром! Едем по своим делам. К дулебам нам дела нет.

Мужик проревел сильным злым голосом:

– Ты идешь по нашей земле.

– У нас сбежала пленница, – ответил Ингвар как можно спокойнее. – Похоже, она прошла в этом направлении.

Мужик рассматривал его, как грязного жука.

– Сколько вас?

– Тебе это важно? – спросил Ингвар.

– Мы берем мзду за топтание земли дулебской, – ответил мужик. Он посмотрел мимо Ингвара на русов. – С рыла по гривне. Сколько вас?

– Подсчитываешь, сколько взять? – спросил Ингвар с улыбкой, но в небрежном голосе с каждым словом стала нарастать жестокая нотка. – Нас восемь племен в одном могучем кулаке. Кулаке великого князя Олега. Десять тысяч мечей, тридцать тысяч топоров, сорок тысяч лучников и пятьдесят тысяч тяжелой дружины на конях. Неплохая может быть плата, если мы придем! Хочешь, чтобы явились?

Говорил он громко, уверенно, с жестокостью в голосе и взоре. Пусть слышат и те, кто целится в него из зеленых зарослей. Дулебы гордятся силой и яростью, но и они не будут биться головой о стену. Их полегло две трети племени всего двадцать лет тому, когда впервые соприкоснулись с кулаком Олега.

Мужик несколько мгновений прожигал его свирепым взглядом. Ингвар застыл, чувствовал, как подрагивают стрелы на натянутых тетивах в кустах. Наконец мужик проревел тем же злым голосом:

– Я сотник Снег. Мы охраняем наши земли.

– Я Ингвар, воевода киевский.

– Мы не видели вашей пленницы, – сказал Снег с усилием. – Но вы можете пройти через нашу землю.

– Спасибо, – сказал Ингвар иронически.

– Только без захода в веси и города, – добавил Снег угрюмо.

Было видно, как тяжело далось ему разрешение на проход русов. За его спиной мужики заволновались, зароптали. Ингвар страшился, что у кого-нибудь из лучников дрогнут пальцы. Конь под ним переступил с ноги на ногу, осторожно шагнул вперед. Снег нехотя сдвинулся в сторону.

Как же, сказал Ингвар про себя. Не заходить в веси! Если ее выведут к нему с веревкой на шее, он и шагу не сделает к ихним вонючим хаткам. А так сами боги не остановят!

В излучине реки за высоким частоколом из бревен ютилось десяток бревенчатых избушек. Ингвар подумал хмуро, что, будь их две или три, дулебы их все равно бы окружили высоким забором. Даже две сторожевые башенки, совершенно бесполезные здесь, подняли на высокие столбы. Вон отсюда видны лохматые головы стражей. От кого берегутся? Или уж очень повоевать хочется?

Снег отправил с ними двух провожатых. Ингвар повернул коня в весь, Ольга ее не могла миновать. И то невероятно, что сумела убежать так далеко! Провожатые хмуро шли по бокам. Ни они, ни Ингвар больше не вспоминали о запрете заходить в веси и города.

Запах свежeproлитой крови встретил их прямо в воротах. Чуть погодя пробивались сквозь тучу жирных зеленых мух, Ингвар сразу начал искать налитыми кровью глазами жертвенник Ярилы. Нет, здесь у дулебов больше чтили Перуна. Его столб был вымазан свежей кровью, на жертвенном камне лежали еще теплые внутренности, по отесанным стенкам сползали потеки слизи, в коричневой жирной земле копошились белые толстые черви.

Ингвар зябко передернул плечами. Судя по внутренностям, на жертвенном камне располосовали, подобно большой рыбе, взрослого сильного человека. Скорее всего, пленного. А вон на кольях насажены сердце и печень – так жертвуют Перуну, богу дружинников. Хотя в это время во всех племенах благодарят Велеса за добычу, урожай, лесные ягоды!

Их провожали десятки враждебных глаз. Ингвар чувствовал, как на загривке начинают шевелиться волосы. Здесь все было пропитано враждой. Женщины все до единой с закутанными платками головами, скрывая волосы. Похоже, это от дулебов пошло слово «опростоволоситься», открыть свои волосы. Даже мужчины по большей части в шапках, а то и повязанные платками, будто прячут волосы от солнца!

Вождь дулебов, приземистый мужик с бычьей шеей, длинноволосый и с бородой до пояса, восседал на широкой лавке с высокой спинкой. Лицо в шрамах, к тому же разрисовано цветной глиной и охрой. На голой груди, необъятной, как Рипейские горы, пестрят нарисованные той же охрой и красной краской когти, зубы, стрелы. На шее ожерелье из кабаньих клыков. Руки как бревна, толстые жилы вздуваются подобно сытым змеям. Глаза сидят глубоко в прорезях черепа, массивного, как гранитный валун, обкатанный морскими волнами. Нижняя челюсть как у дикого жеребца, тяжелая и недобрая, а выступает вперед так, что видны зубы, острые, как у волка.

Рядом никто сесть не осмеливался. Даже воины-богатыри теснились под другой стеной. Ему же не больше тридцати, подумал Ингвар с отвращением. А борода как у дряхлого старца. Или здесь чем длиннее борода, тем выше почет? Тогда взяли бы вождем козла...

Он усмехнулся, представив себе на месте вождя козла с длинной бородой. Вождь люто сверкнул глазами. Похоже, привык, что перед его ужасающим обликом трепещут и самые смелые. И похоже, подумал Ингвар вдогонку, что у дулебов в вожди избирают все еще не за умение воевать и править, а за крепость мышц и лютый нрав.

– Кто вы, посмевающие войти в наши земли?

Голос его прогремел, как раскаты грома над вершинами деревьев. В напряженной тишине слышно было, как Ингвар без нужды почесался, бросил с небрежностью:

– Я воевода великого князя Олега Вещего. Послан с передовым отрядом.

Вождь свирепо зыркал из-под массивных надбровных дуг. В помещении стояла мертвая тишина. Наконец вождь проревел еще более страшным голосом:

– По какому делу?

– Не тебе спрашивать, – ответил Ингвар холодно.

Он слышал, как ахнули воины дулебов, а его дружинники задержали дыхание. Воевода, по их мнению, дразнит зверя без всякой нужды. А зверюка тут лютый, только покажи палец – руку отхватит. Одно дело сойтись в славном бою, другое – когда тебя насадят, как шуку, на копьё.

Вождь сделал знак своим воинам. Мгновенно два десятка пик опустились, уперлись в грудь Ингвара. Он все так же холодно усмехнулся:

– Войско Олега Вещего будет здесь через три дня. Ну же, раб! Наверно, умеешь превращаться в птичку? Но и тогда великий князь изловит, ибо превращается в орла. Или знаешь, как, подобно мышши, зарыться в землю? И все твоё племя зароеется вместе с тобой? И сумеешь увести всех женщин и детей?

Опять он слышал по наступившей тиши, как разом его люди затаили дыхание. Если вождь сделает знак, то русы под их мечами и копьями падут все. Дулебов в десятки раз больше. А после унижения под властью обрив из самого покорного племени превратились в озверевших, где даже дети жаждут убивать чужаков.

Вождь скрипнул зубами так, что мороз пробежал по спинам многих воинов.

– Что здесь ищет... Олег?

– Великий князь, – напомнил Ингвар тем же ледяным тоном. – Он собирается наказать одно непокорное племя. Ты, наверное, понимаешь, что, если Олег хочет наказать, он накажет. И, как ты знаешь, он может по дороге истребить и пару других племен. Как кабан, который раздавит улитку, даже не заметив.

Вождь впился взглядом в надменного воеводу. Русы храбры, сильны и свирепы, что больше всего чтимо в мужчинах, но и русы не прут на рожон. С чего бы этот человек, с которым идет всего дюжина воинов, это проверили, так дерзил? А если в самом деле за ними движется, все пожирая на пути, большое войско? Двадцать лет тому русы ступили на землю дулебов, потому в племени дулебов сейчас не увидишь мужчин старше двадцати пяти. Остальные полегли в сече, а молодых девок русы увели и продали в рабство иудеям-рахдонитам, а те отвезли их вовсе в заморские страны. Ему тогда было восемь весен, его тоже едва не отдали на продажу, да один рус сжалился над плачущей матерью, отпустил мальчика. Все остальные в племени – моложе.

Ингвар обвел гордым взором деревянные башни, стены, терема, конюшни, сараи. И вождь увидел через глаза руса, как все это вспыхнет под градом стрел с горящей паклей. Как падут под двуручными мечами русов молодые дулебы, как заплачут женщины, как свяжут и уведут молодняк на продажу. На этот раз племя могут вырубить в корень. Князь Олег, если верить слухам, жесток.

И с великим трудом, наступая себе тяжелой подошвой на горло, вождь прохрипел:

– У нас нет споров с князем русов.

Ингвар покосился на замерших Павку, Бояна, Окуня. Даже побелели, бедолаги. Знали бы, что он сам весь белый, но глубоко внутри, где никто не видит, а сердце трясется, как овечий хвост. Но этот вождь оценивает только размер кулаков и длину мечей. Такие люди вежливую речь понимают лишь как знак слабости. Заговори с ним как с равным, сразу отрубленными головами русов украсят свои ограды!

– Великим князем Новой Руси, – сказал Ингвар надменно. Он стоял, а вождь сидел, но Ингвар использовал и это в свою пользу, смотрел свысока с брезгливой жалостью, как на калеку. – Тем самым, которому ты платишь дань.

Массивное лицо вождя налилось дурной кровью. Он приподнялся, рот открылся для грозного наказа... копья уже начали впиваться сильнее, кололи в грудь и бока, как вдруг вождь шумно выдохнул воздух, сел. Багровое лицо очень медленно начало бледнеть. Он все еще оставался устрашающе раздутым, но красные огоньки в глазах погасли.

Ингвар зевнул, небрежным мановением руки послал дружинников вперед. Он чувствовал их напряжение, но в его дружине трусов не осталось, воеводе верят, и сейчас с гомоном пошли из терема вождя. Тот зыркнул вслед люто, поспешно гаркнул что-то двоим воинам, и те, оставив оружие, бросились следом.

Ингвар вопросительно поднял брови. Вождь объяснил нехотя:

– Покажут твоим людям, где расположиться на ночлег.

– Клопов нет? – спросил Ингвар.

– Только комары, – буркнул вождь.

– А муравьи?

– Муравьи? – переспросил вождь озадаченно. – Муравьев вроде бы нет.

– Странно, – промолвил Ингвар задумчиво. – Я слышал от князя Олега, что муравьи даже Ящера пробуют утащить в свою нору.

Он посмотрел на вождя пустым взором, как на колоду для рубки мяса, повернулся с небрежностью, на хмурых бородачей обращая внимания не больше, чем на доски в заборе, вышел.

Единственный способ уцелеть, напомнил себе еще раз, – это идти напролом. Говорить и делать вид, что огромное войско вот-вот пойдет через земли дулебов. И от их поведения зависит: остаться им жить или же исчезнуть. Второй раз Олег не оставит за спиной мятежное племя!

Поверят, сказал себе без особой уверенности. Ну кто подумает, что он рискует жизнью и головой людей, только бы догнать одну-единственную женщину?

Глава 8

Изба, которую им выделили на ночь, Павке показалась просто лучшей во всей веси. Новенькая, с большими окнами, под правой стеной бежит веселый ручей, чистый и светлый. Рядом с избой сарай, настолько просторный, что можно было разместить и коней. Русы с облегчением вздохнули. Павка и Боян тут же вызвались ночевать с конями. Боян чувствовал вину, упустил полонянку, а Павка просто жалел друга, да и коней любил.

– Расстарался, бирюк лесной, – сказал он, кивая в спину вождю. – Петушится, а у самого поджилки трясутся! Еще бы и девок в такую хатку прислал...

– Он поступил как вождь, – не согласился Ингвар. – Бирюк бы сразу в драку, а этот проглотил обиду. Чуть не удавился, но проглотил. Значит, не зря его выбрали.

– Выходит, и девок пришлет? – обрадовался Павка.

– Вряд ли.

– Жаль... А то бы! Нас сколько, тринадцать? Нам бы четырнадцать девственниц на эту ночку.

– Зачем? – не понял Ингвар.

– Пустили б им кровь по ляжкам.

– Нет, зачем четырнадцать?

Павка облизнулся:

– Ну, каждому по девке, кроме тебя и Бояна. Тебе о судьбах Новой Руси думать надо всю ночь, не отвлекаться, у Бояна тринадцать коней для потехи, развлекайся вволю, а мне надобно не меньше трех.

– Ну ты и зверюга, – поразился Ингвар.

– Да нет, две бы комаров с моей задницы стогнали. Там у меня кожа нежная, ровно у младенца. Не зря Боян присматривается, а глаза у него становятся какие-то задумчивые... Вон как у тебя сейчас.

Ингвар отмахнулся, ушел. Павка с его беззаботной болтовней не рассеял недоброго предчувствия. Он, Ингвар, не родился в лесу, но воевал в нем всю жизнь, и, когда за плечами не огромное войско, а малая дружина, куда важнее видеть безопасной дорогу к отступлению, чем к возможной победе.

А эта новенькая изба стоит последней, самой крайней. Дальше, в полусотне шагов, высится крепостная стена с двумя мощными башнями. На ней не меньше троих стражей, а когда русы только подъезжали к терему, Ингвар рассмотрел на башне десятка два вооруженного народу. Башня выше избы, оттуда легко бить стрелами по окнам. И нечего радоваться, что окна широкие.

– Отдохнуть по очереди, – сказал он негромко Окуню.

Глаза Окуня расширились:

– Ждешь беды?

Ингвар кивнул:

– Оглянись.

Если прямо за избой была крепостная стена с двумя сторожевыми башнями, то сзади, по обе стороны той дороги, где их провели, стояли мрачные амбары, конюшни, склады. Дорога узка, но отступать можно только по ней. Однако если на крыши вывести стрелков... или даже простых мужиков и баб с камнями и кипятком, то перебьют половину дружины раньше, чем те достигнут ворот.

А там полягут остальные.

– Пуганая ворона куста боится, – заметил Окунь, – но, по чести говоря, мне тоже не по себе. Похоже на ловушку. Ты им предложи, что останемся вон в том сарае. Нам ведь только

переночевать, а утром уедем. Стоит ли нести грязь и пыль в такую чистенькую избу? Для них это прямо княжеский терем!

Павка возмутился:

– Ингвар! Пошто обижать людей? Нам там снеди наготовили. Авось все-таки баб молодых подложат. Мы ж витязи хоть куда! От нас порода только улучшится. А чтобы ее не подпортить, я и ваших девок возьму на себя.

Измученные нелепой скачкой через лес дружинники зароптали. Ингвар поймал и насмешливые взгляды. Похоже, начнут еще смотреть как на труса, ставшего воеводой лишь благодаря беспредельной преданности великому князю!

Он вспыхнул:

– Добро. Но когда вас будут привязывать за ноги к вершинкам, не жалуйтесь! Кто стремится лечь в постель помягче, просыпается на жестком.

Не оглядываясь, прошел во вторую комнатку. Ее оставили для воеводы. Окунь пошел следом, спросил в спину:

– Как ты ее найдешь?

Ингвар нахмурился, но Окунь спрашивал без иронии, без намека на безнадежность искать иголку в стоге сена, к которому не дадут и приблизиться. В голосе молодого, но не по годам рассудительного дружинника было лишь страстное и почтительное желание учиться у более знающего, опытного, умелого.

Ингвар ощутил себя как на краю пропасти. Окунь смотрит с обожанием, уверен, что воевода уже знает, как поступить, ему всегда все удастся, все у него получается. А когда женится, то черти ему будут детей качать, чтобы по ночам не плакали.

– К успеху ведет много дорог, – ответил Ингвар многозначительно. – Бывают среди них и ложные. Но проигрывает тот, кто выбирает только одну. Олег говаривал, что, если не помогла львиная шкура...

Он повернулся к углу, где стояло его ложе. Там копошилась, как ящерица, что торопливо роет нору, сенная девка. Она суетливо стряхивала пыль с ложа, заменяла простыни, стелила новое одеяло, взбивала подушки.

– Эй, иди-ка сюда.

Девка обмерла, ворох одеял вывалился из ослабевших рук. Медленно обернулась к русам, розовощекое лицо, покрытое веснушками, медленно бледнело.

Ингвар поморщился:

– Не бойся. Я по другому делу. Здесь у вас находится моя сбежавшая пленница. Если я не смогу получить ее добром, то возьму силой. А это большие неприятности для дулебов.

Окунь, слушавший с таким почтением, что раскрыл рот и глупо вытаращил глаза, теперь закрыл рот, пожевал губами.

– Ингвар, она даже не понимает, о чем ты.

Девку трясло, растопыренными глазами уставилась в лицо грозного руса, поглядывала на его руки, такие хищные, что сейчас схватят, сорвут одежду, будут мять больно и свирепо.

Ингвар поморщился:

– Я должен был это сказать. А теперь смотри.

Он вложил ей в безжизненную ладонь золотую монету. Девка наконец оторвала взор от грозного лица, уставилась на монету. Таких отродясь не видывала. С кругляшки золота на нее смотрел горбоносый мужик, голова в венце из листьев, а вокруг головы, как слепни, вьются по кругу закорючки.

– Если узнаешь что-то о ней, – сказал Ингвар отдельно, – то я добавлю еще две. Но если не узнаешь... то эта монета все равно твоя. Поняла?

Девка смотрела расширенными глазами. Зрачки от страха стали белыми. Окунь оглядел ее, пощупал грудь, пышную, крупную, предложил сочувствующе:

– Надо ее помять, тогда придет в себя. Ее затем и прислали, чтобы ты потешил плоть. А теперь не понимает, что тебе еще восхотелось.

Ингвар оглядел девку, пышную, краснощекую, молодую. На миг ощутил желание, еще вчера бы без колебаний швырнул ее на ложе, с наслаждением бы насытил свою звериную половину, но сейчас что-то погасило эту искру. Без натуги, ясным голосом и без сожаления бросил:

– Сам тещь. Настоящий воевода избегает сластолюбия, как зверь ловчих ям.

– Ну, – сказал Окунь, – слава богам, я еще не воевода!

Он повернул девку, задрал подол, наклонил, а Ингвар сел на лавку, с облегчением стянул сапоги. Ступни были красные, как у гуся лапы, распухли. Сапог на стыке с голенищем протерся, протекает. Скорее бы в Киев, там у него три пары в запасе.

Со стороны ложа послышался долгий вздох облегчения. Окунь слез, поддергивая портки, сапоги так и не снимал, а девка все еще не двигалась, пока Окунь дружески не похлопал по заднице:

– Все, больше не нужна. А нашему воеводе нужна та девка, о которой он говорил. Поняла?

Девка соскочила резво, опустила подол. В глазах уже не было страха, даже сочувствующе улыбнулась грустному Ингвару. Окуню показала язык. Тот ободряюще погладил по толстой ляжке. Схватив какое-то тряпье, исчезла.

– Думаешь, получится? – поинтересовался Окунь. – Я что, свое получил... Впервые в жизни удалось опередить Павку! Хоть и на дармовщину. Девку-то присылали тебе.

– Не получится, – ответил Ингвар отстраненным голосом, мысли его были далеко, – попытаем другую тропку. Не найдем – протопчем. К победе много путей.

– Еще больше – к поражению, – напомнил Окунь.

Ужинали скудно. Дулебы, рискуя вызвать недовольство, на столы поставили кислые щи да пареную репу. Русы, на что уж проголодались, роптали. Щи хлебал только неразборчивый Боян, да и тот заметил, что щи – это помой от борща русов.

Ингвар готовился ко сну, когда в дверь постучали. Насторожившись, он кивнул Окуню – будь наготове, открыл дверь, держа за спиной длинный нож.

Из темноты послышался торопливый шепот:

– Это я, Ганка, сенная девка.

– Входи, – пригласил Ингвар.

Девка неслышно скользнула в комнату, обмерла, увидев воеводу русов с обнаженным ножом. А Окунь широко улыбнулся:

– А у меня как раз снова зачесалось в том же месте.

– Я... я... узнала... – пролепетала Ганка.

– Говори, – потребовал Ингвар.

Окунь убрал меч, широко улыбнулся:

– Меня не бойся, красавица. Аль я был груб?

Девка несмело улыбнулась, вряд ли кто называл раньше красавицей, но Окунь умел быть сладким на язык, а Ингвару сказала поспешно:

– Беглянка за два дома влево. Я вызнала, что она упростила дулебов дать ей ночлег. Утром отправят обратно. Сопровождать будут трое дулебских витязей.

Ингвар протянул ей на ладони две золотые монеты:

– Сделай из них серьги. Думаю, таких нет даже у жены вашего князя!

Утром вождь дулебов был еще мрачнее, чем вчера вечером. Зыряка исподлобья, пробасил неприятным голосом:

– Великий князь в самом деле собирается к нам на полюдь?

– Как и ко всем, – ответил Ингвар настороженно.

– Но он не дерет шкуры с полян, уличей, рашкинцев...

– Они уже в Новой Руси, – объяснил Ингвар. Он посматривал украдкой по сторонам. Дулебы могли уже за ночь получить помощь из других весей. Всего-то надо две-три дюжины для короткого боя. – А дулебы – нет. Потому вы обложены данью. Как чужаки. Войдете в состав Новой Руси...

Вождь отшатнулся:

– Ни за что!

– Тогда останетесь покоренным врагом, – закончил Ингвар жестко. – За вами будет глаз да глаз. Думаете, сумеете подняться? Да ежели утаите хоть один беличий хвост... все войско русов будет здесь через три дня. Не ради хвоста. Непослушание Олег карает сразу и люто. И вам лучше бы войти в Новую Русь.

– Нет, – отрезал вождь. – У нас есть свой князь. Мы не волим посадника Олега.

Ингвар пожал плечами:

– Дело ваше. Меня интересует, нашли мою беглянку?

– Нет, – заявил вождь. Он не смотрел воеводе русов в глаза, но голос был твердым. – Я спросил стражей на воротах. Никто из чужих не входил. У нас мышь не проскользнет незамеченной!

Ингвар пристально посмотрел ему в глаза:

– И никто не выходил?

– Нет, – еще резче ответил вождь.

– Даже охотники? – поинтересовался Ингвар.

Вождь ощутил, что допустил промах:

– Ну, охотники, бортники, рыбаки – не в счет. А из чужих никто не входил, никто не выходил.

– Ладно, – сказал Ингвар медленно и многозначительно, – спасибо за прием, за ласку. Ты – вождь. Знаешь, что от твоих решений зависят жизни людей. Правильно решишь – будут жить, ошибешься... или совершишь – их смерть будет на твоей душе. Верно?

– Верно, – подтвердил вождь настороженно.

– Вот и хорошо, – сказал Ингвар почти ласково. – Такое бремя у вождей, сам знаешь.

Вождь, нахмурившись, смотрел в удаляющуюся спину громадного воеводы русов. И по мере того как заморские захватчики седлали коней, чувство страха и неуверенности становилось сильнее. Где-то он допустил ошибку. Этот рус намекнул достаточно прозрачно. Только что не указал пальцем. Но где он ошибся?

И только когда русы выезжали за ворота, он заметил, что их всего десять человек.

Ольха покинула терем приютившего ее боярина с первым проблеском света. Ее тайком вывели за ворота, только тогда дулебы подвели ей и троим воинам коней. Крепкие, мрачные, суровые, они выглядели бывальыми ратниками, и она с благодарностью подумала, что если раньше древляне и дрались с дулебами, то ненависть к русам объединила оба племени.

– В добрый путь, – сказал боярин. – Не хватятся! Русы – тупые, как их сапоги.

– Пусть боги отблагодарят вас, – ответила Ольга искренне.

Конь под ней был неказистый, но с упругими мышцами, длинноногий, с живыми огненными глазами. Он уже нетерпеливо долбил землю, мол, он создан для скачки, а тут снова стой, слушай... Дулебы уже взобрались в седла, угрюмо посматривали по сторонам.

Ольха чуть тронула коня каблуками. Тот оскорбленно дернулся, могла бы и поводьями, рванулся с места, как выпущенная из лука стрела. Ольга охнула, ее отшвырнуло встречным ветром, едва удержалась в седле, долго тщетно ловила поводья. Над головой и по обе стороны

тропинки мелькали деревья и кусты, сливались в сплошную зеленую стену. Копыта стучали глухо, земля после ночного дождика оставалась рыхлой, гасила звуки.

Дулебы нагнали ее уже на второй версте. Двое пошли впереди, третий упорно держался за спиной гостью, защищал от неожиданностей сзади. Ольга чувствовала себя защищенно. Мужики крепкие, рослые, отважные, хотя и не такие гиганты, как Ингвар, воевода киевский.

Неожиданное тепло разлилось по ее телу, когда вспомнила, как он смотрел на нее. Если бы судьба не свела их врагами!

Она счастливо неслась сквозь лес по широкой дороге между толстых дубов. Впереди в стене деревьев появилась щель, быстро расширялась. Там был простор, свет, ибо ночь уже отступила, лишь в лесу еще гнездилась под широкими ветвями, опустившимися до самой земли, кусты окутывала как темное облако, а там утро блистало победно, торжествуя, в щель виднелся краешек облака, пугающе алый в еще сером утреннем мире, дрожащем от сырости и холода.

Внезапно сзади щелкнуло, она услышала хрип. Затем донесся странный глухой стук, будто что-то тяжелое упало на землю. Оглянулась, кровь застыла в жилах. Пальцы онемели, разогретый в ладони повод выскользнул, больно хлестнул по лицу.

Воин, что скакал задним, свалился с седла. Нога его запуталась в стремях. Конь, испугавшись, начал убыстрять бег. Дулеба волочило лицом вниз, раскинутые руки бессильно загребали землю. В спине торчало древко короткого копья.

В страхе она посмотрела вперед, но и там лишь один остался в седле. Он приник головой к гриве, та окрасилась красным. Ветром срывало капли крови и рассеивало позади в воздухе. Ольга с ужасом ощутила на губах соленое. Лошадь второго мчалась, высоко запрокидывая голову, чтобы не запутаться ногами в поводьях, что сгребал по земле грязь. Седло было пустым.

Еще не поняв, что случилось, она чудом поймала повод и ударила коня в бока. Тот зарычал как зверь и рванулся вперед. Она пронеслась мимо раненого, голова дулеба была рассечена, вырвалась на простор дороги, за которой блистал рассвет...

– Стой!

Ее будто ударили по лицу хлыстом. Она сразу узнала ненавистный говор руса, хотя еще не поняла, кому принадлежит. У всех русов голоса сильные и вызывающе властные. Конь рванулся еще быстрее, завизжал от ярости, а затем будто налетел на скалу. Ольху мотнуло в седле, снова чудом удержалась, но выронила поводья. Конь бросил задом, затем взвился на дыбы, яростно забил в воздухе копытами. Ольга ощутила, что отделилась от седла.

Сильные руки подхватили у самой земли. Она увидела смеющееся лицо руса, который всегда был близ Ингвара. Он поставил ее на ноги, покрасневшийся, запыхавшийся.

– Ну вы и неслись! Я уж, грешным делом, боялся, что проскочите!

Ольха оглянулась, упавшее сердце замерло вовсе. Еще двое вышли из зарослей, деловито добились раненых, шарили в их сумках и одежде, снимали ножи, браслеты. Они устроили засаду на повороте, поняла Ольга, когда любой конник замедляет скачку. Двое ударили почти в упор дротиками, а один даже затаился на ветке, под которой она с дулебами пронеслась так опрометчиво. И где дулеба буквально сам ударился лбом о подставленный топор.

– С тобой всего трое? – допытывался рус. – А нам сказали, что поедут пятеро. Мы б тогда вовсе одного послали. Я бы сам пошел, пусть остальные отсыплются.

Это было явное хвастовство. Как ни сильны русы, подумала она с бессильной яростью, только внезапность помогла победить так легко. Но молодой дружинник ликовал, раздвигал плечи, выпячивал грудь, и Ольга опустила голову, сказала безнадежно:

– Да, я вижу... от Ингвара не уйдешь.

– Вот-вот! – подтвердил он довольно.

– Ладно уж... А что теперь?

– Теперь дождемся Ингвара, – объяснил он словоохотливо. Огляделся. – Да прямо здесь! Ну, только в сторонке от трупов. А то мухи, мыши набегут.

С поляны, которую он выбрал для отдыха, хорошо была видна дорога. Когда поедет Ингвар с оставшимися дружинниками, только слепой не заметит. Двое других, Боян и Окунь, привели коней, расседлали и пустили пастись. Ольга с горечью подумала о павших дулебах. Их трупы даже не оттащили с дороги.

Все трое развели костер. Солнце только-только окрасило далекий виднокрай, воздух оставался холодным, как лезвие меча. По рукам пошел бурдюк с медовухой, прямо на траву выкладывались ломти хлеба и сыра. В сумке у дулебов нашелся огромный кус мяса, две жареные утки, крупный гусь, и дружинники совсем повеселели. Даже пожелали, чтобы боги взяли дулебов на поля Вечной Охоты.

Глава 9

Ольха украдкой всматривалась в лица пленивших ее людей. Все равно в них нет злости, а на нее посматривают даже с сочувствием. Как на красивого теленка, подумала она со злостью, которого пришла пора резать на мясо.

Тот самый рус, молодой и самый веселый, она часто слышала его смех и шуточки, принес ей бурдюк с хмельным медом.

– Хочешь хлебнуть?

– Нет, – ответила она едва слышно.

– Меня зовут Павка, – сказал он жизнерадостно, ничуть не смутившись. – Если по-вашему, по-славянски, то Мизгирь. Можешь звать меня и так, мне все равно. Уже все русы говорят и по-вашему, а дети наши и вовсе полянский язык родным сочтут... Это отец мой вашу речь не выучит, годы не те. Хоть сюда еще раньше меня пришел. Еще с Аскольдом.

– А как зовут твоего отца? – поинтересовалась она тем же замирающим голосом.

– Корчага, – ответил он довольный, что пленница не отказывается от общения.

– Хорошее имя, – признала она равнодушно. – Древлянское. У нас тоже каждый десятый либо Корчагин, либо Корчной, а то и вовсе Корчевский или Корчевич. Все пошли от Корча или Корчаги, что забрел в наш лес лет сто тому.

Павка обрадовался:

– Вот здорово! А наш прадед тоже пришел на остров лет сто назад. Может быть, родные братья? Княгиня, только свистни, я всегда сородичам в помощь!

Его позвали к костру. Он подмигнул Ольхе, убежал. Ольга сидела, прислонившись к дереву, жалкая, понурившаяся. Павка быстро отхлебнул пару раз, на Ольху и оттуда посматривал с сочувствием. Наконец снова оказался возле, предложил жизнерадостно:

– Золотоволоска, не плачь... Хошь, я покажу тебе своего страшилку?

Ольха на этот раз огрызнулась:

– Пошел прочь, дурак.

Снова застыла в своем безнадежном горе. Павка сходил к своим, принес ей утиную лапку, зажаренную в ароматных листьях, разогретую над костром. Ольга отказалась. Павка сказал просяще:

– Ты такая печальная... Давай я все-таки покажу тебе своего страшилку?

– Сгинь, – отрезала она.

Павка в самом деле сгинул к бурдюку, чьи бока усилиями Бояна и Окуня заметно опали, как у отелившейся коровы. Друзья что-то сипло пели на своем языке. Ольга слышала только протяжный сильный рев, от которого мурашки бежали по коже. Русы песню ревели тоскливую, словно жизнь у них была совсем собачья.

Солнце окрасило верхушки деревьев, когда Павка подошел снова. Вид был веселый.

– Сейчас подъедет Ингвар с остальными сонными курами. Да ты не убивайся уж так...

Эх, ты как хошь, а я все-таки покажу тебе своего страшилку!

Ольха взорвалась от ярости и унижения:

– Если ты... если осмелишься... если только начнешь спускать портки, то я... я тебя разорву!

Челюсть Павки отвисла. Выпученными глазами смотрел на древлянскую княгиню, потом вдруг его румяное лицо залила густая краска. Он пролепетал смущенно:

– Боги... Что ты подумала?

Ольха сама растерялась, очень уж у руса вид был необычный. Павка торопливо шарил в карманах портков, суетился, приговаривал что-то негодующе, наконец выудил нечто зеленое, как молодая лягушка, бросил ей, будто боялся даже прикоснуться к ее руке.

В ее ладонях оказалась вырезанная из камня фигурка. Ольга не могла удержаться от улыбки. Зеленый камень, невиданный в ее краях, позволил передать мельчайшие морщинки, а резал страшилку волхв-умелец долго и любовно. Человек это был или мелкий бог, но был он настолько ужасен, с такой широкой пастью, где можно пересчитать все зубы, достаточно острые, Ольга щупала пальцем, она ощутила отвращение, восторг и жалость одновременно.

– Кто это? – спросила она с неловкостью, не поднимая глаз.

Павка тоже не смотрел ей в лицо, все еще смущенный, а голос был нарочито небрежным:

– Мы его кличем страшилкой. Откуда-то из дальних стран завезли в Царьград. Ну а ромеев пограбили всласть, когда ходили мы походами в далекие края, у берега Эвксинского бросали якоря... Может, это ихний бог, а может, кто соседа изобразил.

– Соседа?

– Ну, таким он его видит.

Ольга повертела так и эдак, любовалась редкой работой. Резал из камня великий умелец, на лице маленького страшилки видны как морщинки, так и остроконечные волчьи уши, короткие рожки, а из ощеренной пасти торчат четыре клыка. Остальные зубы человечьи, их можно пересчитать. Даже на крохотных лапках различимы коготки, а мелкие насечки так искусно изображают густую шерсть, что Ольга почти чувствовала ее под пальцами. Никогда ничего подобного не видела. Понятно, подумала внезапно со щемящим чувством потери, из дерева, пусть самого крепкого, такое чудо и не сотворить, не вырезать!

Павку позвали, он сунул страшилку в карман, подмигнул и вернулся к друзьям. Ольга нетерпеливо дожидалась, когда он наклонится над углями. Наконец все трое с веселыми возгласами принялись разрывать последнего дулебского гуся, а она неслышно отступила за дерево, попятилась, скользнула за кусты. Она видела вершинки старых деревьев и, собрав все силы, бросилась к ним.

Тут же со стороны дороги донесся победный стук множества копыт, ржанье. Кто-то пел звонким молодым голосом. Прежде чем проскользнуть между огромными стволами, она успела увидеть скачущих коней. Впереди мчался на вороном жеребце Ингвар, собранный, как зверь перед прыжком. Ольга видела, как он в нетерпении наклонился вперед, будто готовился схватить ее в свои хищные лапы.

– Умойся, – прошипела она злобно.

Стена деревьев осталась за спиной, дальше распахнулось небольшое пространство, а потом – чутье не подвело! – навстречу мчались завалы, валежины, выворотни. Она неслась как молодой олень, перепрыгивала ямы и пни, издали чуяла трухлявые валежины, на которые становиться опасно, подныривала под зависшие на ветках гигантские стволы, где не протиснуться всаднику, и бежала, бежала, бежала...

Ингвар увидел, как впереди на дорогу выбежал Павка. Двое дулебов лежали у обочины, третьего бросили прямо поперек тропы. Конь прошел по краю, Ингвар пригнулся, над головой пронеслась толстая ветка с ободранной корой. Явно Павка отсюда рубил или метал, он любит такие места.

– Ингвар! – крикнул Павка весело. – Их было всего трое!

– Ну и что?

– Даже погреться не успели!

– Где пленница?

Павка посерьезнел:

– Княгиня? Горюет. Только возрадовалась свободе... и тут ты – хищник.

– Веди, – велел Ингвар.

Не покидая седла, он повернул коня, выехал на полянку. Боян и Окунь помахали ему от костра гусиными лапами, но Ингвар, не замечая их, шарил взглядом по поляне. Только одно дерево посреди поляны, раскидистый дуб, ветви чуть ли не до земли. Дупло с кулак размером.

Он обернулся к Павке, у того вдруг стало серое лицо. И по мере того как Ингвар, раздуваясь от гнева, смотрел на Павку, тот из серого стал желтым, как мертвец, а потом и вовсе побелел. В два прыжка оказался у дуба, дважды обежал, зачем-то заглянул в дупло и даже под вылезшие из земли корни.

Ингвар развернулся в седле с такой скоростью, будто поскользнулся на льду.

– Искать! Эти вороны, Ящер их заберет, ее потеряли!

Дружинники, ничего не спрашивая, в диком галопе пустили коней в разные стороны. Павка тоже со всех ног понесся к своему коню. Боян и Окунь, выронив остатки гуся, бросились через поляну.

Ингвар ощутил, как мир померк, по всему телу стегнула боль. В страхе привстал на стременах, огляделся, стараясь стряхнуть пелену с глаз. Справа ручей, за ним широкий заливной луг, слева редколесье, назад дороги нет, там дулебский град, догонят, а вот там вершинки стоят чересчур густо. Если убегать, то лишь в места, куда на конях не пробраться. И где рожденная в лесу древлянка чувствует себя как белка на дереве, как рус в океане.

– Без нее не возвращаться! – закричал он страшно. Пелена перед глазами внезапно налилась алым, закрыла лес, небо и землю. Он прокричал, срывая голос: – Сам вас разметаю лошаадьми!

Его трясло от бешенства, едва не пошла пена. Он ночь не спал, не мог дождаться рассвета. Коня гнал так, что тот едва не заплакал, а сам предвкушал, как увидит ее, как гордо соскочит на землю... нет, еще с седла окинет ее горделивым взором победителя, усмехнется небрежненько. Как даже подумать могла, что минует его длинной руки?

Стена деревьев надвинулась стремительно. Под стук копыт едва успел пригнуться, острым суком задело по бритой голове. Ощутил боль, затем увидел красные капли, ветром их расплескало по щеке и унесло прочь. Конь с храпом проломился сквозь кусты, перепрыгнул валежины, на полном скаку с трудом, едва не завалившись на бок, обогнул гигантский выворотень.

Внезапно сердце Ингвара подпрыгнуло, словно пыталось в одиночку перескочить завал. Поперек пути лежало, упревшись в землю обломками толстых ветвей, огромное дерево. Неповрежденные ветки торчали вверх и в стороны. А между землей и деревом пламенел клочок ткани!

Ингвар соскочил на ходу, упал на колени, подполз под ствол. Едва коснулся пальцами лоскутка, как ноздри дрогнули от едва слышного запаха. Все тот же терновник, дикий своевольный запах. Запах, который шел от ее волос, ее одежды.

Пальцы с непривычной бережностью сняли ткань. Он почти увидел, как древлянка с разбега упала под опасно нависший ствол. Стоит только обломиться хоть одной ветке, остальные не выдержат... Страх ударил в грудь с такой силой, что он ощутил резкую боль. Ветки уже подрагивают, гнутся, а тяжелый ствол, способный раздавить в лепешку пару дюжих медведей, в любой момент может рухнуть на землю! Уф, все-таки, судя по следам, проползла под стволом сквозь завесу веток, извиваясь, как ящерица.

Еще раз кольнуло в сердце, когда заметил на остром суку капельку свежей крови. Поцарапалась, дурочка, а вдруг даже поранилась? У нее кожа такая нежная, шелковистая на ощупь, незащищенная. Ее может повредить листок, упавший с дерева!

Он посмотрел на свои мускулистые руки почти с ненавистью. Кожа – как у черепахи панцирь, сухожилия – просмоленные канаты! Выругался в бессилии. Все-таки лес не для женщин. Даже рожденных в самой дремучей чаще.

Павка подъехал, когда Ингвар свистел, заложив четыре пальца в рот, подзывал коня. Дружинник держался ниже травы, тише болотной воды. Стыд и срам были на лице, а глаз не подымал вовсе. Когда заговорил, голос вибрировал, как лист на осеннем ветру:

– Там сплошные завалы. Еще с прошлой войны остались!

– Что тебе мешает еще? – свистящим от бешенства голосом спросил Ингвар.

– Да нет, ничего! Просто обогнем, только и делов.

– След потеряем.

– Вряд ли она свернет. Отсюда, ежели по прямой, как ворона летит, не больше сорока верст до земель древлян.

– Ворона только в степи летает по прямой, – напомнил Ингвар раздраженно.

Лес наполнялся голосами, храпом испуганных коней. Их заставляли опускаться на колени, проползать под зависшими на ветвях деревьями, переступать валежины, осторожно обходить трухлявые пни, под которыми могли оказаться ямы.

Наконец Боян сказал со вздохом:

– Все. Дальше не пройти.

– Надо возвращаться, – сказал Павка с надеждой.

– Другого пути нет, – сказал еще кто-то.

– Есть, – отрезал Ингвар.

– Куда? – спросил Павка отчаянно.

Ингвар ответил так, как и боялся услышать от него Павка:

– Вперед!

Человек пройдет везде... если ему припечет.

Но что припекло их воеводе?

Когда даже Ингвар потемнел, как грозовая туча, начал все чаще останавливаться, посматривать назад, Павка вдруг завопил обрадованно:

– След!.. Человечий!

Боян бросил на друга косой взгляд. Павка запоздало понял, что тот заметил тоже, но смолчал, надеясь, что воевода вот-вот даст приказ повернуть обратно. Оттиск каблука был едва заметен, древлянка и здесь старалась бежать, рискуя вывихнуть лодыжки, либо по стволам упавших деревьев, либо прыгала по выступающим из земли корням, либо неслась, как молодой олененок, по толстому ковру прошлогодних листьев. С коня могли бы не заметить, но, к счастью, сами брели пешими, склонялись под нависающими ветвями, едва-едва носами не вспахивали землю.

«Понимает, – подумал Ингвар злорадно и в то же время с тревогой, – понимает, что я могу не оставить погоню. Не зря ее выбрали княгиней взамен погибшего отца. Будь девкой, как другие, поставили бы во главе племени умелого воеводу или мудрого волхва».

Павка и Боян помалкивали, чуяли вину, держались тихие, как мыши под полом, но Окунь наконец сказал встревоженно:

– Она бежит на север? Тогда придется хоть краешком, но пройти через земли дрягвы.

– И что же? – резко спросил Ингвар. Он знал, что скажет дружинник.

– Ни один еще не возвращался живым из их земель. Никто даже не знает, каким богам кланяются. Говорят, пожирают своих пленников живыми.

– Ты хочешь попасть к ним в полон?

– Нет, но...

– Так и не болтай лишнего. Мы должны ее догнать и доставить в Киев.

– Но у нас ее два младших брата! Что может баба?

– Эта может много.

Окунь хмыкнул, приотстал. Ингвар косился на дружинника, желая понять, как он оценивает странные действия воеводы. Похоже, Окунь все-таки считает ее женщиной. Настоящей женщиной. Такие не раз правили и в их племени, даже водили дружины. Просто Окунь ищет повод вернуться в Киев. Насточертело таскаться в тяжелом доспехе по дремучим лесам, не видя синего неба, не видя раздольного Днепра, так похожего на их родное море.

Когда след потерялся снова, Боян воспрянул духом, но воевода был неумолим. Ясно, идут правильно. Если ускорить шаг, то могут догнать уже сегодня. Как ни шуфра древлянка, но мужчины, обученные бегать с утра до вечера в тяжелом доспехе и с оружием в руках, все же передвигаются быстрее.

Иногда казалось, что выходят на свежепротопанные дорожки, но это оказывались звериные тропы. Лес опускался, шел в низину, наконец услышали свежий запах воды. Чуть позже деревья разошлись в стороны, впереди блеснула небольшая речка.

Навстречу катился туман. Плотные, как снежная лавина, клубы наваливались на кусты, зависали на них лохмотьями, пригибали траву, катились, как комья снега. Верхушки деревьев торчали, как погребенные под снегом.

Ингвар сошел вниз почти наугад, деревьев там не стало, повеяло еще большей сыростью. Через десяток шагов увидел впереди воду. Туман плыл над рекой, не соприкасаясь, даже приподнимался, боясь намокнуть еще больше. Его сплющивало о берег, уплотняло, он сгустками перекачивался через камни и полузатонувшие бревна, дальше вламывался в лес, оставляя за собой сыр, крупные и мелкие капли на листьях. За ним следом все блестело, даже цветы и выступившие из земли камешки.

Деревья опускались к самой воде. Дно было песчаное, ровное, в прозрачной воде мелькали серебристые рыбки. Ингвар хотел было пустить коней прямо по речке, вода редко где выше колена, а можно и вовсе мчаться по краю, там едва покрывает копыта, но русло впереди уже грозно перегораживали упавшие стволы сосен. То ли сами рухнули, то ли рука человека помогла. Чертовы лесные люди! Сами же белого света не видят из-за своих завалов. Окунь, посоветовавшись со следопытами, снова догнал Ингвара:

– В двух верстах начинается болото. А где болото, там и дряговичи.

– А обойти?

– Придется, только и справа и слева верст по десять...

Ингвар выругался. До ночи не обойти. А эта змея с серыми глазами может знать тропки через болото.

– Спроси, нет ли дорог через болото? Слишком велико, чтобы быть одной лоханью гнилой воды.

Окунь развел руками:

– Уже спрашивал. Дороги есть, но их знают только сами дряговичи. Болото в самом деле не сплошняком. С берега видны островки с кустами, даже с березками. Но Павка и Боян могут указать только начало дорог! Их видно.

– А потом?

– Дрягович считает шаги. Двадцать шагов, к примеру, прямо, три влево, опять сорок прямо... Кто ошибался, того упыри на дне жабам кормят.

– Жабы не раки, мертвых не едят.

– Воевода... Ты спятил, если думаешь лезть в болото!

Ингвар процедил:

– Мне это говорили часто. Но я еще топчу зеленый ряст.

В глазах дружинника он читал осуждение. Под отчаягами лед трещит-трещит, но когда-то и ломится. Впрочем, Ингвар не сомневался, что Окунь и в болото пойдет без страха. Этот изгой свою жизнь не ценил, головой часто рисковал вовсе за так, болото и болотники его не пугают. А в Киев рвется лишь потому, что там тепло, пьянка, драки, бабы...

Впереди был просвет, он пустил коня в галоп, рискуя сломать ноги. Воздух в лесу был сырой, холодный. Эта сероглазая змея убежала в чем была, сейчас мерзнет, сейчас ей холодно. Так ей и надо, паскуде. Пусть мерзнет! Пусть замерзнет так, чтобы кожа пошла гусиными пупырышками. На ее нежной коже это будет отвратительно. И пусть проголодается так, чтобы желудок начал грызть ребра.

Только бы не схватила хворь, подумал он с мучительной тоской. Боги, проследите за дурой, не дайте ей заболеть. Пусть мерзнет, голодает, пусть от страха пустит лужу, но только бы не заболела. У него нет с собой хороших лекарей. А костоправ, что едет с дружиной, годится только медведю кости ломать, а не трогать ее нежное тело!

Да, сказал он себе убеждающе, она нужна ему сравнительно здоровой. Даже не для князя Олега. А чтобы ее тонкие кости хрустнули под его железными пальцами. Чтобы испуг метнулся в ее глазах, когда его пальцы ухватят и сдавят ее горло.

Он стиснул зубы, едва успел пригнуться. Толстая ветка вынырнула неожиданно, едва не вышибла из седла. Сзади раздался стук, сдавленный крик, проклятия. Ингвар хмуро оскалил зубы. Окунь чересчур размечтался о теплых киевских бабах. Теперь пусть догоняет коня пешком. Растрясет телеса малость... Впрочем, придется в самом деле замедлить скачку, а то потеряет весь отряд.

Он начал придерживать коня. Вскоре громкий топот и ругань возвестили о том, что Окунь все-таки поймал своего коня. Когда он догнал Ингвара, на лбу пламенел кровоподтек, конь виновато опускал голову. Окунь, хмурый сильнее обычного, с отвращением покосился на гнилое болото, но в голосе было облегчение:

– Надо вертаться. Дальше, как я понимаю, болото.

– У тебя нет другой песни? Или смени хотя бы припев.

Ингвар повел носом. Упал с коня прямо коленями на землю, приблизил лицо к траве. Ноздри уловили знакомый запах. Едва слышный, собака бы не учуяла, но он ощутил, словно попал в теплую воду. Хотелось упасть, подгрести эту траву к лицу, уткнуться в нее. Что усталость делает даже с таким неумолимым, каким он знал себя!

Он заставил себя подняться, словно разрывал невидимые веревки, приковывающие к земле. Окунь смотрел непонимающе. Ингвар поймал встревоженные взгляды его людей. Думают, захворал?

– Вперед, – велел он хрипло.

Среди зеленых деревьев все чаще стали попадаться сушины. Причем почерневшие, с покрытой слизью ноздреватой корой. А те, что кору потеряли, стояли как черные камни, изъеденные ветрами. Воздух постепенно приобретал запах гнили. Перепревшие листья под копытами сменились темным мохнатым ковром.

Глава 10

Павка, что ехал впереди, внезапно присвистнул, вскинул ладонь. Дружинники придержали коней. Ингвар пустил Ракшана вперед. Деревья впереди расступались, там наметился просвет, оттуда тянуло тиной, гниющими болотными растениями, ряской, лягушачьей икрой. Конь неуверенно прядал ушами, но, повинувшись хозяину, ступал вперед.

От деревьев вдаль тянулось умирающее озеро. Нет, уже болото. Широкие мясистые листья кувшинок покрывали поверхность почти целиком. Версты на две вширь и на пять, если не больше, в длину. Деревья на той стороне выглядели каргалистыми. Ингвар не был уверен, что там уже берег, а не отдельные островки грязи, за которыми снова тянется болото.

Солнечные лучи заливали болото, как любимое детище. В середине каждого листа кувшинки сидела на редкость раскормленная лягуха, и все с ожиданием смотрели на Ингвара, будто им объявили о нем дня за три и пообещали от него по вкусному толстому червяку.

– Болото, – объяснил Павка с таким видом, будто Ингвар уверял, что перед ними горы. – Жаль, утопла девка... Вертаемся?

– Размечтался, – огрызнулся Ингвар. – Я тебя скорее утоплю.

Он спрыгнул, пошел пригнувшись. След вел в воду, дальше были помяты и притоплены листья, а ил все еще не осел. Ингвар проследил взглядом, выругался, скрывая дрожь в голосе. По спине бежали мурашки страха. Он боялся темной воды болота. В детстве прыгал с высоких скал в бушующее море, нырял в холодной воде на дно и поднимал гладкие обкатанные камешки, но там море, прозрачная вода, а здесь темное загадочное болото, укрытое мясистыми листьями, вода теплая и неподвижная, колдовская, нехорошая.

Навстречу поплыл туман, редкий, как дулебский кисель. Сильнее запахло гнилой водой, дохлой рыбой, затхлой тиной и ряской.

– Никуда не денешься, – попытожил Окунь. – Надо вертаться.

Ингвар, уже и сам колеблясь, обводил взглядом край болота. Внезапно в глаза бросился неясный след в воде. Он прыгнул вперед, словно его выбросило катапультной.

В самом деле, с болотистой земли сквозь мутную воду на него смотрел отпечаток ступни. Его уже слегка размыло, но сквозь толщу воды в палец глубиной его было видно тому, кто очень захотел бы увидеть.

Окунь подъехал, голос был скептическим:

– Это может быть след любого из дряговичей.

– Это ее, – сказал Ингвар. Сердце заколотилось чаще, а во рту стало сухо. Он чувствовал внезапное возбуждение, словно перед битвой или когда на охоте догонял оленя. Ну почти такое же, а в оттенках Ингвар предпочитал не копать. – Это ее след!

– Как ты отличаешь? – удивился Окунь. – Ну и глаз у тебя!

Ингвар смолчал. Не объяснять же, что не столько глаз или память виной. Просто он, как дурак, достаточно долго таращил глаза на ее ноги, на ее безукоризненные ступни. Если потребуется, он с закрытыми глазами вылепит из глины точное подобие. Или даже если не потребуется.

– В болото, – велел он.

– Воевода...

– Где прошла она, там пройдем и мы.

Окунь шумно почесал затылок:

– Она легкая, как коза, а как с нашими задницами?

Взгляд Ингвара зацепился за примятый стебель. Кувшинка чуть притоплена, будто на ней посидела лягушка непомерных размеров. В белых лепестках виднелись капельки мутной воды.

Лягушка, сказал он себе. Царевна-лягушка. Втоптала кувшинку в дно, та едва выплыла к поверхности, а сама скакнула на берег, а там, как змея, проползла по траве, юркнула в кусты, а дальше уже зайчиком-зайчиком от злых волков-русов.

Оглядевшись, велел негромко:

– Коней оставить. Павка, Боян – со мной. Остальные – сзади.

И пошел по берегу, всматриваясь в примятую траву. Павка что-то бурчал возбужденное, но Ингвар знал только одно – найти и стиснуть пальцы на нежном горле беглянки. Ну, пусть не задавить совсем, это урон для их дела, но увидеть, как ее ясные глаза затуманятся страхом, увидеть в них мольбу о пощаде... Ради этого стоит пройти по вонючему болоту и покормить пиявок своей кровью!

Он уже видел мысленно, как она вошла в спокойную воду, нарочито примяла на берегу траву, а в воде – мясистые листья, прошла дальше, оставляя мутный след ила, а потом нырнула, проплыла под водой по дуге обратно, вышла на берег всего в десятке шагов. На этот раз ступала так, чтобы и травинки не примять. Дескать, глупые русы, незнакомые с лесом, след потеряют. Решат, что утонула, только бы не попасть в руки захватчикам, как чаще всего поступали молодые славянки.

Эта мысль кольнула непрошеной болью. Только бы эта дура в самом деле не... Впрочем, не настолько же дура? Княгиня должна быть умнее, чем просто женщина.

Сзади бурчали, наконец Павка спросил раздраженно:

– Воевода... Ежели за каждой блохой гоняться, то много от нас толку будет! Что скажет Олег?

– Не знаю, – буркнул Ингвар.

– Врешь, знаешь. Да и все знаем.

– Помалкивай, коли знаешь. Мне отвечать, не тебе.

– Да жаль просто. Мне любую тварь жалко, коли в петлю лезет. Такой уж я жалостливый. Так бы и прибил раньше, чтобы не мучилась. Аль тебя лучше обухом меж ушей?

Смачное чавканье под ногами заглушало монотонный голос лазутчика. Сапоги погружались по щиколотку в жидкую грязь, та держала сапоги так цепко, будто из-под земли в подошвы вцеплялись десятки пар рук мертвецов. Подошвы трещали, на каждом сапоге налипало по пуду вязкой грязи. Вязкой, дурно пахнущей и с едким запахом. Еще немного, и от сапог останутся одни лохмотья.

Постепенно стали попадаться стебли травы, а вскоре продирались сквозь плотные заросли камыша. Впереди шли поочередно Павка и Боян. Бурчали, но шли, а воеводу впереди себя не пускали. Боян, что шел впереди, раздвинул зеленые заросли, присвистнул. Ингвар, насторожившись, как можно более неслышно подошел, выглянул. То, что увидел, послало вдоль спины холодок страха. Над болотом висел редкий туман, но в сотне шагов впереди выступали как призраки деревянные дома на высоких столбах. Они были соединены между собой прочными мостками, уходили вдаль, где угадывались еще такие же дома.

Деревня дрягвы! Племя, которое живет только среди болот. Неуязвимое племя, потому что к ним не подобраться незамеченным. Ни войной, ни даже осадой не взять такую весь! Тайные тропки ведомы только жителям, остальных поглотит топь, трясина. Осады не страшатся, ибо в болоте вдоволь рыбы, к тому же необъятное болото не окружить настолько, чтобы кто-то не выскользнул за припасами. А еще дряговичи единственные из славян, кто в бою применяет отравленные ядом тухлых рыб стрелы. Сердце Ингвара, как и у большинства русов, взвеселялось при виде блеска мечей, но, как большинство сильных и здоровых мужчин, он панически боялся темной силы яда.

Он в злом бессилии стиснул кулаки. Ему выпало идти в страшное болото! Ему, у которого в крови плещется горько-соленая вода чистого северного моря!

– Ингвар, – сказал Павка предостерегающе, – не смотри туда так.

– Как?

– Как смотришь. Глаза как у рака при виде дохлой лягушки. Я туда не полезу! Клянусь всеми богами, не полезу.

– А кто у меня лучший лазутчик? – спросил Ингвар, не поворачивая головы.

– Так лазутчик же, а не плавутчик. А то еще скажи – грязеползальщик. Тут подобраться невозможно!

– Ночью?

– Ночью и сама дрягва боится своего болота. Смотри, какие пузыри поднимаются! И кто их пускает?

Ингвар посерел, видя, как серебрястые пузыри размером с орехи целой россыпью устремились к поверхности. А когда лопались, пошел гадостный запах, словно огромный подводный зверь переел дрягвы, теперь мается животом. Или же ему скормили в жертву старых и больных.

– Вартовых не видно, – сказал он негромко, держа голос ровным, изгоняя из него страх. Дружинники бывают чуткими, как кони и собаки, быстро ощутят его состояние, сами перепугаются до икотки. – На таком болоте можно жить без стражи.

– Да? А как добраться до тех домов?

– Как и они, – сказал Ингвар.

– Да они оттуда и не выходят!

– Но как-то же селились?

Павка пробурчал подозрительно:

– Думаешь, дно не поменялось за эти годы?

Но повеселел, ибо болота – не моря, с годами мелеют, высыхают. А Ингвар уже подобрал длинный шест, словно нарочито брошенный в этом месте. Павка с недоверием смотрел, как воевода двинулся, раздвигая камыши, в темную страшную воду. Толстые листья водяных растений, настолько широкие и мясистые, словно и не листья вовсе, заколыхались, а со дна потревоженно пошло вверх беззвучное и страшное желтое облако. Толстые, как хомяки, лягушки злобно бросались в тухлую воду, поднимая брызг столько, будто падали бревна. Впереди, в десятке шагов, из воды высывались черные слизкие корни дерева-выворотня, похожие на длинные пальцы мертвяка. Оттуда тоже что-то следило за ними с тупой нечеловеческой злобой.

Павка почувствовал, как волосы на загривке зашевелились, встали дыбом. В одержимости воеводы есть нечто не людское. Разве ж можно даже во имя Новой Руси, пусть своей новой родины, класть ни за что голову?

Вода в болоте была отвратительно теплая. Павка и Боян еще не забыли чистых волн северного моря, ледяной воды, от которой кожа вздувается пупырышками, а потом становится ярко-красной, как у свежесваренных раков. Та вода бодрила, заставляла кровь быстрее двигаться по жилам, на любой глубине видно, на что ступают ноги: круглый камень или спину морского зверя. А здесь двигаешься через взбаламученную воду, сжимаешься в страхе, а твои ноги что-то трогает, ощупывает, под ступнями шевелятся то ли корни, то ли обитатели дна...

Не только Павка и Боян, но и остальные русы покрылись холодным потом, взмокли от страха, сотни раз успели умереть, когда наконец от деревни раздался предостерегающий крик. Из домов на помост выбежали мужчины, полуголые, разрисованные цветной глиной. В их руках были зазубренные остроги, при виде которых застыл на месте даже Ингвар. Ими хорошо бить крупную рыбу, не сорвется, но в теле человека застрянет, такую невозможно выдернуть обратно, и в любом случае оставляют гниющие, долго не заживающие раны.

– Всем стоять! – донесся крик.

Ингвар поднял руку, но дружинники за его спиной и так уже остановились. Ингвар заставил себя шагнуть дальше. Вода доходила до груди, а когда приходилось отодвигать с пути мясистые листья, он содрогался от мысли, что лягушки прыгнут ему на голову.

Мужчины выставили перед собой рогатины. Женские лица Ингвар заметил в окнах. Все взоры были прикованы к рукояти исполинского меча, что выглядывала из-за плеча, таких мечей дряговичи не видели, но руки Ингвар держал распростертыми в стороны. Он даже пытался растянуть губы в улыбке, но сам ощутил, что лучше бы этого не делал.

Когда до помоста оставалось не больше двух десятков шагов, один из мужчин коротко размахнулся. Ингвар остановился как вкопанный. Острога описала длинную дугу, без плеска и хруста пронзила широкий лист и беззвучно ушла в глубину. Ингвар смотрел исподлобья: отполированный кончик дерева торчал из воды перед ним в полушаге. Если бы не остановился, зазубренное острие пропорол бы ему грудь. Или на это и рассчитывали?

– Я с миром! – крикнул он. – Позволено мне будет войти в вашу деревню?

– Кто ты? – последовал вопрос.

– Ингвар, воевода князя киевского, – ответил он зычно, – мы едем мимо, с вами ссоры у нас нет.

– Тогда почему ты здесь?

Голос был грозный, недружелюбный. Ингвар ответил несколько резче:

– Возможно, ты уже слышал о киевском князе. Не мог не слышать. У нас нет с вами вражды... пока нет. Но у меня сбежала пленница. Следы ее ведут к вам.

Его рассматривали настороженно. Ингвар вычленил из толпы лохматых мужчин широкого в плечах мужика, который вел с ним разговор. Остальные теснились рядом, трясли грязными бородами, люто скалили желтые порченые зубы. Вождь, если это был вождь, выглядел широким, грузным, налитым силой, в глубоких глазницах поблескивали маленькие глаза.

– Рус, ты умеешь видеть следы на воде?

Голос был насмешливым. Его воины услужливо захохотали. Ингвар ответил серьезно:

– Если умеете вы, то почему не научиться нам?

Вождь сказал резко:

– У нас нет твоей пленницы. Уходи!

– Но...

– Уходи, – повторил вождь.

Мужчины за его спиной вскинули над головами остроги. Сердце Ингвара застыло. Если хоть один швырнет, то ему в воде по плечи не увернуться. Разве что нырнуть, но уж лучше острием остроги в лоб, чем с головой под грязную воду.

Он заставил себя улыбнуться:

– Ладно, уйду... Но раз уж я добрался до ваших домов, то я хотел бы побывать у вас в гостях. Или вы не чтите Сварога?

Удар попал в цель. Все боги славян жестоко наказывали тех, кто пренебрегает священным долгом гостеприимства. А кто отказывался принимать гостей неоднократно, того вообще изгоняли из общины, чтобы не навлек гнев богов и на них. Гостя следовало накормить, напоить, в баньку сводить, на чистое ложе уложить, а уж затем можно было спрашивать имя да каких кровей, какого роду-племени, откуда бредет. Но и тогда, если гость не желал отвечать, настаивать не полагалось.

После некоторого колебания старшой махнул рукой:

– Будь гостем. Опустите ему лестницу!

Ингвар выждал, когда с помоста плюхнулись осклизлые бревна, скрепленные черными перекладинами. Верх придерживали двое худых, но жилистых мужиков. Ингвар с отвращением взялся обеими руками за скользкие жерди. Ощущение было таким, будто раздавил в каждой ладони по жирной пиявке.

От старшого сильно пахло рыбой, еще сильнее, чем от стен, пола и грязного тряпья по углам. Волосы слиплись как на голове, так и в бороде. Волосы на груди тоже были грязными,

засаленными, в них запуталась рыба чешуя. Лохмотья рубахи засалились до такой степени, что прежний цвет уже наверняка не смог бы вспомнить и сам.

Когда Ингвар распрямился, мужики помрачнели. К этому он привык, никому из мужчин не нравится, когда перед ним стоит мужчина ростом повыше. А он почти всегда бывал здесь выше на голову, среди местных племен, да и среди рослых русов был тоже не последним.

– Меня зовут Карп, – сказал вождь кисло, – я – войт нашей веси.

– Ингвар, воевода князя киевского.

– Будь гостем, – повторил Карп нехотя, – тебя проводят в дом, где накормят.

Ингвар кивнул, его голубые глаза цепко прощупывали стены, помост, оглядывали лица и одежду дрягвы. Ноздри дрогнули, вонь стоит сильная, хоть топор вешай, но не чудится ли ему аромат свежих лесных цветов? Терновника? Или чары этой колдуньи уже начинают его преследовать всюду?

Сквозь редяющий туман видел высокие мостки, уводящие вдаль. Не к таким же покрытым мохом и плесенью избушкам, а на свободное от жилья пространство. Там среди толстых бревен торчал столб с вырезанным жутким ликом. Рот древлянского бога был вымазан кровью. В воде вокруг столба Ингвар с холодком заметил движение. Какие-то мелкие животные что-то терзали под водой, в то время как верхушку столба облепили тучи мух. Что-то в облике древлянского покровителя племени показалось знакомым. Ингвар не успел додумать до конца, как войт повторил уже настойчивее:

– Изволь зайти внутрь.

В самом большом помещении на стенах висели копья с резными рукоятями, остроги, дротики всех видов. Наконечники были узкие и широкие, булатные и бронзовые, треть белела рыбьей костью, но от чего плечи Ингвара сами собой передернулись, так это от загнутых назад зазубрин на лезвиях. Такие уже не вытащить из плоти. Разве что вместе с мясом, кишками.

– Это и есть княжеский дворец? – спросил он бодро, стараясь не выказывать насмешку слишком уж явно.

Войт взглянул остро:

– Княжий терем... в стольном граде. А тут малая весь. Здесь старшой я. Если ты забыл, то я здесь войт, а зовут меня Карп.

– А кто у вас князь? – спросил Ингвар.

Он сел за стол, невесело смотрел, как постелили скатерть, достаточно чистую, расшитую диковинными цветами. Беглянку могут тем временем увести подальше. Все избушки соединены мостками, дабы ножки не мочить... Правда, Павка дело знает. Людей расставит в нужных местах и за переходами проследит особо. Только бы их самих в болоте пиявки не пожрали. Или что-нибудь похуже.

– Князь? – удивился войт. – Да рази с кем воюем?

– Прости, – сказал Ингвар.

Все ясно, сказал себе тревожно. Здесь князя выбирают только в случае войны. Это еще хуже, ибо так заведено не в племенах, даже больших и сильных, а в объединении племен. Пусть даже самых крохотных. Власть не наследуется. Князя захватишь в плен, пусть переловишь даже весь род, тут же изберут другого.

– Сколько вас? – спросил он.

– Нас? – переспросил войт. – Гм... ну, сколько капель воды в болоте.

Сколько жаб, подумал Ингвар раздраженно, но переспросил вежливо:

– Я говорю о племенах.

– А... восемнадцать.

– Ваше не самое главное?

Он надеялся, что войт обидится, они-де самые-самые, что даст повод пройтись по их мелкости, но войт, показывая, что уже вышел из детски драчливого возраста, оскалил зубы в понимающей усмешке:

– А здесь даже не племя. Тут всего один род. Малый такой род из малого племени. Мы можем выставить к вечеру не больше пяти сотен ратников. Правда, к утру уже наберем тыщи три... А дня за два и восемь наскребем.

Ингвар ощутил недобрый холодок. С дрягвой Олегу придется повозиться. Приступом их не взять – сверху будут бить бредущих по горло в воде, измором тоже трудно – рыбу прямо под домами ловят, да и всего войска русов не хватит окружить такие исполинские болота. Разве что зимой пройти по замерзшему льду?

Войт звучно хлопнул в ладони. Раздался смачный шлепок, словно ударил одной мокрой деревяшкой о другую. Ингвару даже почудилось, что брызнула мутная болотная вода.

Глава 11

В дверях, шаркая подошвами, появились отроки с блюдами в руках. Сгорбленные, неопрятные, с длинными жирными волосами на плечах, Ингвар сразу подозрительно уставился одному на грязные пальцы. Худой, в лохмотьях, лицо в крупных, с орех, чирьях, он указательный палец почти весь погрузил в ухо. «Животные, – подумал Ингвар с отвращением. – Показывают мне, что не обожгусь, остыло в самый раз. Что за дурные у славян обычаи!»

Он без охоты похлебал, отметил невольно, что варили из свежей рыбы, а не снулой. Из снулой уха намного хуже, ее только собакам на корм, почти так же плоха, как и замороженная, ту вовсе есть нельзя.

Войт сидел напротив, каждое блюдо пробовал, выказывая, что не отравлено. Но так чавкал, ронял куски, ковырялся кривыми ногтями в зубах, рыгал, что Ингвар лучше рискнул бы в самом деле отравиться.

Потом уху убрали, тут же из двери пошли гуськом с деревянными плоскими блюдами. Комната сразу наполнилась запахами жареного сома, запеченных в листьях карасей. Перед Ингваром подержали поднос с крупной зажаренной рыбиной, которую Ингвар никогда не видел. Во рту торчало яблоко, а по бокам пристроили печенных в духовке окуньков. Все истекало пахучим соком, пузырилось.

Ингвар кивнул, одобряя, блюдо опустили перед ним на стол, и только тогда увидел, что изъеденный чирьями отрок держит указательный палец в пышущем паром боку рыбины. Вогнал туда весь, терпит, аж перекопился...

Он скрипнул зубами, едва не врезал в лоб так, чтобы все чирьи ссыпались, но сдержался. Он в гостях, в чужое капище со своими богами не ходят. Правда, рыбу ковырял уже без прежней охоты.

Рыба речная, не озерная, судя по мясу. Тем более не болотная. Но, наверное, и ее сюда заносит, иначе бы не подали на стол. Ведь все, что подано здесь, все неспроста!

С особым торжеством внесли и поставили перед ним широкое блюдо с парующей горкой мелких черных штучек, похожих на изъеденные черной гнилью корешки дуба. Ингвар стиснул челюсти, удерживая тошноту. Жареные пиявки! Толстые, насосавшиеся крови, откормленные, жирные.

– Благодарствую, – кивнул он, силясь улыбнуться. – Вот на что ваши жертвы идут?

Войт оскалил зубы. Взгляд его оценивающе пробежал по крупной фигуре руса. На таком можно откормить пиявок на хорошую пьянку всем племенем. Если те не обломают зубы о дубленную ветрами, зноем и стужей шкуру. И не отравятся соленой кровью. Говорят, что у русов вместо крови течет морская вода пополам с огнем.

Ингвар бросал пиявок в рот горстью. Он представил себе, что это мелкие кровяные колбаски, такие едал у полян, и даже ощутил удовольствие от их хруста, запаха спекшейся крови, дразнящего необычного сока.

Хороши были раки: их подали горячими, пышущими вкусным паром, все крупные, как кони, жирные, раздобревшие на мертвечине. Кровь пленных идет пиявкам, понял Ингвар, мясо объедают раки, но хозяйственная дрягва явно и кости приспособила хотя бы для свистулек. Да и рыболовные сети сплетены, отсюда видно, из женских волос.

Он придирчиво просмотрел раков, боялся недоваренных. Это дрягва жрет все, как скот, но шейки раков, слава богам, поджаты. Поджаты плотно, значит, отобрали лучших. К тому же раков сварили черноватых, самых вкусных, хотя Ингвар, честно говоря, на вкус их не отличал от зеленых.

Ел он торопливо, хватая с каждого блюда по горсти. Чтобы выказать внимание, мычал от удовольствия, похваливал, блюда по его знаку уносили, но на смену появлялись новые, и

он начал стервенеть, вспоминая рассказы о гостеприимстве славян. Даже простые бояре, когда кичились богатством и достатком, подавали к столу по сотне перемен, а у князей гостю предлагали по две-три сотни. У Аскольда, как он слышал, перемен знатым гостям бывало по семьсот-восемьсот блюд!

Запить принесли какую-то бурду, мутную и липкую. Похоже на смесь давленных пиявок с рыбьим соком. А то и жабым.

Он старался не представлять, как да из чего делали питье. Военская жизнь приучила, что можно есть все, что движается, ползает, летает или плавает. Кто перебирал едой, тот уже не топчет зеленый ряст.

Последним пришел отрок с унылой харей, принес пойло, от которого шел едва уловимый запах кваса. И снова указательный палец был по репицу погружен в темную жидкость.

Ингвар процедил сдержанно:

– Это было не обязательно.

Отрок не понял, Ингвар кивнул на палец. Тот вытарашил глаза, вынул палец: распухший, красный, истекающий желтым гноем из лопнувшего нарыва.

– Как не обязательно? Мне легче, когда держу в теплом!

Едва сдерживая тошноту, Ингвар предложил:

– Так засунь себе в задницу! Там тоже тепло.

– А я так и делал, – удивился отрок. – Между ухой и сомом.

Войт кивал понимающе, удивлялся тупости руса. А еще стал воеводой. Наверное, в родстве с великим князем.

Чувствуя, что роняет себя, Ингвар хмуро доел пиявок, раков, вареные листья кувшинок в жабьем соку и месиво из лягушачьей икры, рыбьих плавников и молодой ряски.

Могли бы и жареного кабанчика подать, подумал он, ведь ходят же в леса! Но все подается с намеком, во всем скрытый смысл. Мол, даже не выходя в лес, мы обеспечены всем. Любую осаду выдержим. Правы, сволочи. Окружить такое болото не хватит всех войск. Будут выходить тайными тропами, бить зверей, покупать или выменивать муку и зерно. Война с ними затянется... ежели не придумать что-то хлесткое, быстрое, неожиданное.

Когда подкатили к столу бочонок с брагой, Ингвар с облегчением поднялся:

– Благодарствую. Но я в походе.

– Князь не велит? – хмыкнул войт.

– Перун, – развел руками Ингвар с сокрушенным видом. – Да и не выберусь из болота пьяным.

Войт самодовольно улыбался. Ингвар вышел из помещения, изображая осоловелого от еды гостя, затем свернул не вправо, а влево, побрел под стеной по шаткому помосту. На встревоженные возгласы позади не обращал внимания.

Наконец войт догнал, ухватил за плечо:

– Не сюда!

– Да? – удивился Ингвар, он шумно потянул ноздрями. – То-то вроде бы я здесь не бывал.

Войт усмехнулся презрительно, а Ингвар снова шумно втянул воздух, обернулся, внезапно вломился в низенькую дверцу. Войт с криком бросился следом.

В полумраке Ингвар увидел в каморке застывшую под стеной женскую фигуру. Женщина вздрогнула от треска сорванной с петель двери, выпрямилась. Ингвар быстро шагнул к ней, крепко ухватил за руку. Ольга попыталась выдернуть, но он с такой силой сжал ее кисть, что слышал, как хрустнули косточки.

Войт закричал:

– Что... Почему?..

– Вот моя беглянка, – заявил Ингвар. – Это моя женщина. Я беру ее обратно.

Войт отступил, дверной проем закрыли низкорослые мужики, но остроги в их руках были острые и с нехорошими зубьями. По знаку войта местная стража вдвинулась в комнату, острия почти касались груди воеводы.

– Берешь? – переспросил войт.

– Беру, – ответил Ингвар с торжеством. – Даже несмотря на эти копы. Меня зовут Ингвар, я воевода великого князя Олега. И стою я намного дороже этой женщины. Подумай, стоит ли из-за нее драться с великим князем?

В напряжении ждал ответа. Войт стар, из-за женщины не станет ссориться даже с тем, кого не страшится. Однако войт, к его изумлению и страху, лишь пожал плечами:

– Из-за женщины стоит драться даже с богами.

– Но не за такую, – сказал Ингвар.

Войт оглядел Ольху с головы до ног, раздел взглядом, неторопливо одел и покачал головой:

– Тогда за какую?

Ольха пыталась вывернуться. Ингвару пришлось напрячься, чтобы удержать при себе.

– Не знаю, – огрызнулся он. – Твое последнее слово?

Войт отступил к стене, давая место воинам с острогами. Голос его был будничным:

– Убейте дурака.

Ингвар похолодел, мысли металась, как вспугнутые мухи в выдолбленной тыкве. Никогда раньше не думал с такой скоростью, не искал так отчаянно выхода. И когда острия качнулись в его сторону, вскрикнул:

– Погодите! Не хотите отдать так, по законному праву мужчины, то я... куплю ее!

Две остроги все же остановились, только упершись остриями в грудь. Он чувствовал, как лопнула кожа, кольнуло, потекли теплые струйки крови. Войт покачал головой. В глазах было сомнение:

– И что можешь предложить такое, что все равно не снимем с тебя мертвого?

Ингвар дернулся, войт прав снова, но мысли обгоняли одна другую, он поймал одну за хвост, яркую, как всплеск молнии в ночи.

– Но там остались мои люди! У одного из них есть кое-что важное для вас. Ты можешь получить это... за неважную женщину.

Ольха злобно зашипела. Войт задумался, колебался. Острия качались перед лицом Ингвара. Прямо перед ним стоял мужик, злобно шерился, а острогу старался прижать к лицу Ингвара поближе к глазам. Ингвар стукнулся затылком о стену, затаил дыхание. Ольга все дергалась, и острие расцарапало ему щеку.

– Я должен посмотреть, – сказал наконец войт, колеблясь.

Ольха вскрикнула негодуя:

– Ты слушаешься этого руса?

– Молчи, женщина, – сказал Ингвар услужливо, – когда говорят мужчины.

Войт кивнул самодовольно. Вон даже дикому русу понятно, что женщина должна знать свое место. Ольга сразу возненавидела этого тупого болотника, способного продать человека неизвестно даже за что. Он не умнее жаб, что заполонили болото, пахнет тиной и пиявками, а от зубов остались только гнилые пеньки.

Снаружи Ингвар вздохнул полной грудью. Болотный дух все же лучше, чем спертая затхлость внутри домов дрягвы. Там вовсе не продохнуть от напиравших поглазеть, от всей враждебной толпы. Почти у всех в руках остроги, на поясах ножи с рукоятями из толстых рыбьих костей, а чехлы покрыты рыбьей шкурой. С такими ни дружить, ни воевать не хочется.

Его дружинники стояли в двух десятках шагов по грудь в воде. Теперь они собрались здесь все десять, не считая тех, кто остался на берегу с лошадьми. В руках Павки и Бояна были

луки, а рядом дружинники держали наготове пучки стрел с намотанной на хвосты паклей. Еще у двоих в руках полыхали, несмотря на ясный день, смоляные факелы.

Додумались, подумал Ингвар с гордостью. Хороших он подобрал себе воинов. Сами принимают решения. Погибни он, и без него доведет дело до конца.

Странно, эта грустная мысль наполнила не унынием, а радостью. Все верно, для русов интересы и благополучие племени испокон веков выше счастья любого человека.

– Павка! – крикнул он. – Неси ту великую драгоценность, которую великий князь отовез у багдадского кагана!

Павка лишь мгновение смотрел расширенными глазами. Он никогда не бывал в Багдаде и даже не знал, что это такое, но Ингвара понимать научился давно. Тут же передал лук соседу, подпернул перевязь с мечом за спиной, пошел к дому, что поднялся над водой на столбах, как взъерошенный пес над невесть откуда взявшейся под ним лужей.

В его сторону сразу нацелились остроги, луки с наложенными стрелами. Павка брел с непроницаемым лицом, но глаза его обыскивали лицо воеводы. Ингвар свесился вниз, протянул руку. Павка подошел, задрал голову. Лестницы не опустили. Павка вздохнул, он размок и начал мерзнуть даже в этой прогретой воде, выудил в мешке страшилку, посмотрел на Ингвара вопрошающе – угадал ли? – и швырнул вверх.

Ингвар поймал, подержал на ладонях. На его суровом лице появилось благоговейное выражение. Голос дрогнул, Ингвар судорожно сглотнул и проговорил медленно и торжественно:

– Вот великий бог, который правит великим и мудрым народом Индии, страны чудес!

Карп вытянул голову. За его плечами послышались ахи, вздохи, дальше пошло восторженное перешептывание, а вокруг Ингвара наступила благоговейная тишина. Карп даже повернул голову, бросил короткий взгляд на столб своего болотного бога.

Ингвар уловил голоса, убегающие волнами в толпу сгрудившихся мужчин и женщин:

– Наш бог!

– Только в божественном камне...

– Говорили ж волхвы!

– И вправду есть за морями, за горами наш народ.

– Индия, грит... А где эта Индия?

Руки войта тряслись. Он принял драгоценность в обе ладони и не мог оторвать от нее жадно-восторженного взора. Ингвар видел в глазах Ольхи восхитительную ненависть и растущее отчаяние.

– Индия? – прошептал Карп.

– Да, – кивнул Ингвар. – Ты разве слышал о ней?

– Волхвы сказывали. Мол, тыщи лет тому наши пращуры ушли в великий поход встречать солнцу. Там нашли страну обетованную...

Ингвар, сохраняя серьезное лицо, кивнул:

– Этот бог, говорят, там стоит выше самой высокой сосны. А высечен целиком из драгоценного камня. Не то нефрит, не то алатырь-камень. Прямо целую гору взяли и секли. Есть еще статуи целиком из золота, серебра, меди... Тоже с горы размером. А это вроде оберегов, каждый носит на шее. Вон дырочки для веревочки. Наверное, лыковой.

Войт осматривал бережно, суровые складки на грубом лице разгладились. Толстые корявые пальцы касались нефрита так нежно, будто страшилка был из крыльев бабочки.

– Бери женщину, – прошептал он, глаза его были прикованы к фигурке из зеленого камня. – Хоть что бери... Хошь, еще дюжину дам?

Грудь Ингвара поднялась и опустилась. Сведенные напряжением мышцы впервые расслабились. Все это время он ощущал, как остроги входят в его плоть, рвут мясо, дробят кости, и кровь начинала медленнее течь в его жилах.

Он в задумчивости посмотрел на бледную древлянку. Она ответила ему яростным взглядом.

– Дюжину, говоришь? Хорошо бы... Впрочем, нам с этой хлопот хватило. Спасибо, не надо.

– Говоришь, – спросил Карп с надеждой, – там, далеко за лесами, за горами, – наш народ?

– За лесами, за горами, за морями, – уточнил Ингвар. Ему даже стало жаль этого старого воина, так внезапно выказавшего смятение, недостойное мужчин. – Огромная страна! Неслыханные города, невиданные звери, самоходные повозки из чистого золота и яхонтов... Это и понятно. Всяк, кто встал с печи и хотя бы обошел вокруг хаты, уже умнее того, кто так и не слез с печи. А ваш народ забрался так далеко. Наверняка проходили другие земли, тоже богатые. Но у него хватило духа дойти до края мира! И все, что там имеют, они получили по заслугам.

Он внезапно ухватил Ольху, швырнул ее с помоста. Павка запоздало растопырил руки. Там был визг, а брызги гнилой воды взлетели до помоста. Ингвар соскользнул по столбу, теплая вода с готовностью поднялась до груди. Под ногами что-то шевельнулось, попыталось вывернуться. Ингвар с гадливым чувством поспешил выйти из-под навеса. Гадят и мочатся прямо с помоста, а вода в болотах совсем не проточная.

Он догнал Ольху уже на берегу. Ее выводили из болота, держа за руки, Павка и Боян. Павка с восхищением покрутил головой:

– Здорово ты ее...

А Боян вовсе раскрыл рот.

– Но как ты учуял?

Ольха тоже косилась круглым глазом, как рассерженная птица. Ингвар хмурился, как-то униженно признаться, что все его чувства были обострены до предела не из-за опасности, а из страха не найти эту женщину. И потому ему сперва почудилось, что среди плотной вони из гниющих рыбьих внутренностей и нечистот снизу донесся едва слышный аромат лесных цветов, а потом уверился, что она где-то рядом, тайно слушает, а то и видит его, ее преследователя.

Да, тогда его взгляд упал на плетеную стену. Она могла затаиться там, прильнуть к щелочке! Оставалось только притвориться, что пьян и путает правую и левую руку.

– Ты в самом деле осталась бы в этом болоте? – спросил он со злой насмешкой.

– Зачем? – отпарировала она. – Я знаю обратно дорогу.

– Так бы тебя и отпустили! Если великого князя не страшатся, то что им далекие древляне?

Она промолчала, не желая соглашаться с лютым врагом. Иначе недалеко и до признания, что она, поняв, что ей грозит, не так уж и старалась затаиться. И не одно любопытство заставило ее прильнуть к щелочке, рассматривать его, такого надменного, сурового, непривычно высокого среди мелкорослой дрягвы. Ей даже показалось, что на нем все еще следы волн северного моря, хотя, по некоторым слухам, он родился уже здесь, вдали от родных мест.

Глава 12

Выйдя на берег, он вернулся к завалу, где двое ждали с конями, посадил ее на Ракшана впереди себя. Слишком измученная, чтобы сопротивляться, Ольга лишь закусил губу. Ничего, дикая жизнь в лесу научила и затаиваться. Она сумеет ударить, сумеет стереть победную ухмылку с ненавистной рожи!

– Вперед! – велел Ингвар звучным голосом. – Нас заждались в Киеве!

Кони сразу перешли в галоп. Павка по своей привычке понесся впереди, остальные дружинники скакали в хвосте, прикрывая воеводу с пленницей. Ингвар ощутил, как худенькое тело в его руках начало вздрагивать. В схватке коса расплелась, волосы закрывали ее лицо, теперь он понимал, что Ольга позволила ей расплестись намеренно. За таким занавесом беззвучно плачет, сотрясаясь от рыданий.

«Ящер меня возьми, – подумал он бессильно. – Сама же виновата, змея подколотная». Не сопротивлялась бы, люди не погибли бы ни с ее стороны, ни с его. И осталась бы... Да, забрали бы заложниками только ее младших братьев. Так, на всякий случай. А она правила бы почти как и раньше, всего лишь признав Олега верховным князем примученных к дани племен, князем над князьями.

Руки его начали сближаться. Он с великим трудом заставил себя скакать, как будто не слышит ее молчаливого плача. Кожа горела как в огне, так хотелось прижать ее к груди, погладить по голове, успокоить.

Скорее бы Киев, взмолился он. Никогда не жаждал так очутиться в городе. Сдать ее князю Олегу, пусть сам расхлебывает. А она наконец-то убедится, что Киев – не такое уж и кровавое место. И что там вовсе не враги.

Он вспомнил ее лицо, ее глаза. Да, ей долго не придется ждать, когда кто-то возьмет ее в жены. Отбоя не будет! Возьмут и будут счастливы. Даже не ради ее земель, а ради ее самой. И каждый вечер она будет кому-то снимать сапоги, стелить постель...

Он скривился и сам не понял, почему одна только мысль, что она станет чьей-то женой, подняла волосы на затылке, а по коже пробежали мерзкие пупырышки, будто после ядовитой многоножки. Да, она приживется в Киеве, потому что назад дороги не будет. Он сам отрезал ей все дороги.

– Плачь, – сказал он сочувствующе, – плачь сейчас. Мне мама говорила, что лучше выплакаться сразу.

Ее голос был едва слышен:

– Кто сказал, что я плачу?

– Мне показалось.

– Пусть не кажется... Женщины нашего племени не плачут в руках врага. Княгиня не будет плакать тем более.

Он чувствовал, как она глубоко вздохнула, стараясь выровнять дыхание и прекратить тихий безнадежный плач. Она враг, беспощадный враг, но он чувствовал уважение к ее стойкости. Если бы родилась мужчиной, она бы водила дружины в походы. Возможно, сама бы огнем и мечом соединяла племена в одно крепкое государство.

– Скоро Киев, – сказал он. – Ты увидишь другую жизнь.

Ее голос стал тверже, он почувствовал в нем мощь, словно она вложила в него всю жизнь:

– Сварог, взгляни на землю!.. Перун, мой бог, я ли не приносила тебе кровавые жертвы? Меня хотят отдать под власть коварного пришельца из-за моря, ненавистного князя русов Олега! Помоги, а я клянусь, что не успокоюсь, пока не убью и не брошу собакам его кровавого пса – Ингвара Северного.

Его потрясла не сама клятва, а та страстность, с какой она ее произнесла. С холодком по спине понял, что древлянская княгиня в самом деле не успокоится, пока не выполнит клятву. Неважно, дала ее богам, родителям или себе.

Он ехал молча, покачиваясь в седле в такт шагов Ракшана. Чувствовал себя так, будто его окунули в прорубь и там оставили. С ним едет его смерть, а он бережно держит ее в руках.

Дорога иногда выныривала на опушку, и тогда слева тянулись распаханые поля, виднелись избышки. Потом кони снова мчались, почти задевая боками деревья. Ингвар видел следы рубки деревьев, хворост весь выбран, здесь в лес ходят как в свой задний двор.

Он насторожился, ладонь опустил на рукоять меча, что торчала слева у седла, но коня не придерживал. Впереди между деревьями молодой здоровенный парень в рубахе до коленей тащил двухколесную тележку. В ней сидели, держась за борта, седой как лунь старик и такая же старая женщина. Ольхе было достаточно беглого взгляда, чтобы понять все.

Ингвар загородил дорогу, раздраженно смотрел на парня, потом на стариков. Такое лицо у него становилось, когда чего-то не понимал. Старики были очень похожи, так бывает даже не у брата с сестрой, у них с годами сходство теряется, а у мужа и жены, проживших вместе многие годы, вырастивших детей и поднявших внуков.

Старики прервали неспешный разговор, смотрели на воеводу русов без страха и любопытства. Лица у них были в мелких морщинках, как печеные яблоки, глаза выцвели от старости.

Ингвар бросил озадаченно:

– Эй, ответствуй! Куда везешь таких немощных? Они не годны на сборе ягод, там и малец уморится. Им и сучья собирать трудно. Аль бортничать? Но их пчелы забьют.

Парень смотрел исподлобья:

– Воевода, мы дань платим исправно. Чего тебе еще?

– Да я просто любопытствую.

– Мы дань платим, – повторил парень упрямо. – А в наши обычаи тебе лезть незачем. Там не будет прибыли.

В его словах прозвучала затаенная угроза. Ингвар чуть подал коня вперед, тот напер на парня грудь. Да, с чужими богами лучше не спорить. Прибыли не будет, а беду накликаешь легко.

– Я просто любопытствую, – повторил он сухо. – Ты можешь везти их дальше. Но почему, если я все верно понял, не дождался зимы? Сейчас корму хватит на всех.

– Они так захотели, – объяснил парень. – Летом в эту пору повстречались, в эту пору и хотят уйти. Вместе, как и жили.

Он наклонился, подхватил оглобли. Ингвар молча смотрел, как уперся в землю ногами, двуколка потащилась дальше, скрылась за деревьями. Старики молча смотрели только друг на друга.

Ингвар зло хлестнул коня. Тот взыграл, несправедливо обиженный. Кожа на скулах Ингвара натянулась, желваки заиграли. Процедил у Ольхи над ухом с ненавистью:

– Проклятая земля! Проклятый народ!

Ольха проводила долгим взглядом стариков. Те и сейчас смотрели друг на друга любяще, неотрывно. Не знают, встретятся ли еще в другой жизни, где окажутся: в вирии или в подземном мире Ящера, удастся ли снова быть вместе, и потому вбирают взглядами друг друга всецело.

Дурак этот воевода русов, подумала она неприязненно. В зимнюю бескормицу, когда из сушеков выметают последние крохи, почти в каждой веси стариков сажают на санки, везут в лес и оставляют там на растерзание диким зверям. Это правильный обычай, чтобы выжили молодые. Иначе хлеба может не хватить детям, а без них погибнет род, погибнет и племя.

Старики сами напоминают взрослым детям, чтобы те отвезли их в лес. А те еще оттягивают разлуку, пока совсем не становится голодно, хоть щепки грызи!

Кони шли ровным неспешным галопом. Ингвар молчал, всадники скакали молча. Измученная, она чувствовала, как ее тело расслабляется, теряет власть. Несколько раз заставляла себя держаться, не спать, нельзя выказывать слабость перед врагом, лютым врагом, самым худшим из них – кровавым псом Ингваром...

Ингвар чувствовал, как ее твердое как камень тело становится мягче. Она расслабилась, уже засыпая, вздохнула горестно и поерзала в его руках, устраиваясь поудобнее.

Ветерок трепал ее золотые волосы, они щекотали ему лицо. Знакомый запах душистого сена и терновника наполнял ему ноздри. Во сне злое выражение ушло с ее нахмуренного лица. Брови удивленно поднялись, пухлые губы чуть раздвинулись, обнажая ровные белые зубы. Ресницы были длинные, пушистые, загнутые, скулы гордо приподняты. Однако чистое невинное лицо было настолько беззащитным, что у него остановилось сердце.

Проклятая жизнь, подумал свирепо. Проклятое время, замешенное на крови, убийствах и предательстве. Он родился с мечом в руке, в седле провел больше времени, чем в постели, а небо над головой видел чаще, чем потолок. Он сражался и убивал, но где-то же должны быть островки, где чисто и мирно, где цветут троянды и поют соловьи? Именно в таких местах должны жить вот такие нежные, но они тоже знают только смерть и убийства!

Поклялась Перуном, мелькнуло злое. Ладно, он знает, что ему на роду написана смерть на поле боя. Что ж, примет от ее руки. Двум смертям не бывать, а одной не миновать, как бы ни исхитрялся.

Но печалью наполнила сердце не сама мысль о кровавой смерти, а то, что может прийти от ее руки. От руки той, кого везет в жены для одного из именитых бояр великого князя.

Он начал придерживать коня. Солнце уже закатилось, а в лесу сумерки падают на голову, как удар топора. Он посматривал по сторонам: узреть бы полянку под раскидистым дубом на случай дождя, а впереди на дороге его уже поджидал Павка.

– Ну что, – буркнул Ингвар, – опять подумываешь, как отпустить ее?

– Воевода, – обиделся Павка, – неча старым глаза колоть! Кто ж знал, что эта змея окажется такой хитрой? Она ж такая хитрющая, такая коварная, что прямо... прямо тебе пара.

– Ладно, что хотел?

– Воевода, у нас не твои волчьи глазищи! Ворошило отстал, его конь хромает. Да и мы голову сломим в потемках.

Ингвар сам видел, что не успевают достичь Киева до темноты. Если бы эта змея не пыталась улизнуть, уже были бы в тепле, обнимался бы с друзьями, ему совали бы кубки с вином, а веселые девки вешались бы на шею.

– Разжечь костер на ближайшей полянке, – велел он. – Ночь коротка, переждем. На расвете будем в городе.

Павка исчез впереди, а когда Ингвар с пленницей выехали на поляну, трое дружинников, стоя на четвереньках, словно кланялись огню, усердно раздували искры. Павка сам притащил, отдуваясь, огромную сухую лесину.

– На всю ночь хватит, – объявил гордо. – А то собирают щепочки... Что за молодежь пошла?

Ингвар спрыгнул с коня, снял Ольху. Ее передернуло, от ненавистных рук кровавого пса по ее телу прокатился нехороший жар, поднялся к голове, где густая кровь прилила к щекам, а когда достиг ног, те ослабели.

Ингвар пытался ее поддержать, но она брезгливо отстранилась, едва не упала. Дружинники спешили, за кустами расседывали коней, спутывали ноги и отпускали пастись. Кто-то уже снял мешок со снедью, развязывал перед костром.

Павка наконец разжег огонь, а Ингвар сам освежевал забитого по дороге кабанчика, насадил на вертел. Тем временем Боян выстругал и забил в землю колья с рогатинками. Ингвар положил на них вертел. Поворачивать вертел выпало Окуню, другие уже расселись вокруг огня и, роняя слюни, смотрели, как сквозь толстую кожу начинают выступать капли жира. Те разбухали, распространяя сводящий с ума аромат, срывались на горящие угли, откуда навстречу выстреливали сизые дымки.

Наконец полянку начал заполнять ароматный запах жареного мяса. Боян застонал, шумно сглотнул слюну. Окунь ухмыльнулся, покачал головой. Запах становился мощнее, победнее.

– Пора! – не выдержал Боян.

– Не прожарился, – сказал Окунь непреклонно.

– Уже подгорает!

– Только снаружи. А внутри еще сырой.

– Настоящие мужчины едят с кровью. А слюнтяи с расшатанными зубами могут есть траву!

Сумерки сгущались быстро, а пламя костра казалось все ярче. Далеко на дороге раздался предостерегающий крик. Зазвенело железо, голоса были грубые, раздраженные. Ингвар настожился, а его люди взялись за рукояти мечей.

Наконец из-за поворота вынырнул Павка на своем неказистом, но быстром коне. Бок о бок с ним ехал Влад. Ольхе показалось, что вид у подвойского пристыженный. Еще издали он поднял ладонь в приветствии:

– Ингвар! У меня с собой сотня витязей.

– Что случилось? – бросил Ингвар резко.

Влад спрыгнул с коня:

– Типичи. Они послали большое войско к броду. Могут перехватить тебя. Я узнал от одного из... словом, развязал кое-кому язык. Потому я отпустил войско в Киев, а сам с малым отрядом остался тебя предупредить.

Русы встревоженно и в то же время с облегчением зашумели. Влад поступил мудро. Могли бы попасть как кур в ошип. Хоть типичи вояки хреновые, но ежели их десять к одному...

– Где твои люди? – спросил Ингвар.

– К ночи стянутся сюда, – ответил Влад. – Я не знал, какой точно дорогой поедешь, потому поставил по десятку на разных тропах. Сейчас их соберут.

Он говорил торопливо, искательно. Дружинники все еще не снимали ладоней с рукоятей мечей. С Владом что-то стряслось, все привыкли к его обычно рассудительной речи. Ингвар хмурился, слушал невнимательно. Наконец спросил отрывисто:

– А как младшие братья этой... зверяки?

И все увидели, как опустил голову Влад. С трудом выдавил:

– Упустил. Ты даже не представляешь, что это за звереныши!

Ольха вскрикнула радостно, а Ингвар, покосившись на нее, переспросил:

– Я не представляю? Ну-ну. Как это случилось?

– Просто сбежали на первом же привале. Да так хитро, что я не сумел отыскать даже следы. Похоже, им кто-то помог. Наверное, за нами шли древляне. Ночью могли воспользоваться случаем. Так что теперь у тебя только княгиня. Но она не сбежит, это точно.

– Почему так уверен?

Влад несмело улыбнулся:

– От тебя никто не сбежит, не укроется.

Он слышал за спиной сдержанный смех дружинников, видел странную усмешку воеводы. Это пугало, он ждал взрыва гнева, но Ингвар все молчал, и колени Влада начали подрагивать. Он поднял взгляд на грозное лицо воеводы. Ожидал увидеть перекошенное яростью, но тот смотрел со снисходительной насмешкой.

– Это я-то не знаю? – повторил он медленно, будто прислушиваясь к чему-то. – Ладно, собирай людей. Переночуем, а утром спустимся по реке чуть ниже. Зайдем им со спины.

– Самих сбросим в воду? – понял Влад.

– Почему нет? – повторил Ингвар. – Ударим дружно, мы нахрапом сильны как никто. Побегут при первом же ударе.

Влад с сомнением покрутил головой. Глаза все еще были тревожными.

– А ежели не побегут?

– Побегут, – уверил Ингвар. – Представь себе, ждут, как двенадцать воинов повезут одну пленницу. Пусть даже двенадцать хорошо вооруженных богатырей. И кони у них просто звери. К этому они готовы. Но если вместо двенадцати из леса внезапно с боевым кличем, от которого кровь стынет в жилах, вырвется целая волна... несколько десятков? И неизвестно, сколько еще там сзади?

Влад кивнул, соглашаясь, наконец спросил ломким просительным голосом:

– Ингвар... ты здорово сердисься?

– Из-за детей?

– Да.

– Честно говоря, совсем нет.

Влад вытаращил глаза. Ингвар усмехнулся:

– Ольга тоже сбегала дважды. Так что яблочко от яблони... Это у них в крови, наверное. Да так убегала, что чуть-чуть я сам не отказался искать дальше! А доволен я, что все-таки довел дело до конца. А если бы послушал своих дурней?

Влад вздохнул с немалым облегчением. Посмотрел на Ольгу, что сидела у костра в окружении дружинников, посоветовал с беспокойством:

– Все-таки свяжи по рукам и ногам. Так спокойнее.

– Думаешь, не сделаю? – спросил Ингвар серьезно. – Пусть назовут меня трусом, но хочу послезавтра быть в Киеве, а не кормить пиявок. Если честно, то и сейчас не спускаю с нее глаз.

Глава 13

Ночь спустилась темная, беззвездная. От костра веяло живым теплом, угольки потрескивали по-домашнему уютно. Когда подбрасывали в огонь новую охапку хвороста, из темноты выступала пугающе грозная стена деревьев, затем там снова все погружалось в спасительную тьму.

Ингвар сидел рядом с Ольхой. Ей руки были крепко связаны за спиной, чтобы не перегрызла, даже на ноги надели конские путы. Она едва не плакала от стыда и унижения. С такими же путами за деревьями бродили кони, щипали траву и обдирали листья с кустов, фыркали, роняли каштаны.

Она почувствовала, что рус хочет ей сказать что-то, еще до того, как шелохнул губами.

– Мы сейчас ложимся спать. Я советую сходить в кусты.

Голос его был едва слышен, и она поблагодарила богов, что дружинники не обращают на них внимания, заканчивают ужин. И никто не увидел, как краска бросилась ей в лицо.

– Я еще не хочу, – ответила она сердитым шепотом.

– Напрасно, – ответил он все так же тихо. – Среди ночи из-за тебя я вставать не буду. Да еще и поднимать людей.

– Почему надо вставать и тебе?

– А что, отпустить в темный лес одну?

– А что я могу со связанными руками и ногами?

– Если я и дурак, то не настолько. За нами тоже могут идти древляне. Или дулебы. Тут же разрежут путы и помогут скрыться.

Она поникла головой. Он угадал, она надеялась, что и ей помогут, если уже помогли Мстиславику и Твердику. Без слов поднялась, спросила глухо:

– Я могу хоть сама выбрать, где мне укрыться на время?

Он кивнул:

– Можешь. Но мои люди пройдут чуть дальше. Эй, Павка, Боян, Окунь! Вы ее уже упустили дважды. Хотите попробовать еще?

Голос воеводы был зловещим. Дружинники, побелев, схватили голыми руками из костра горящие головни, углубились в лес. Влад, покачав головой, поднял с десятков своих людей, они тоже с факелами и обнаженными мечами углубились в чащу, заглядывали под темные кусты, тыкали копьями в заросли папоротника и терна.

Плача от унижения, Ольга скрылась в кустах ненадолго, на это время с нее сняли путы. Ей казалось, что ее видят десятки глаз, хотя выбрала самый густой куст и влезла в самую серединку, где оказался муравейник со злющими кусачими зверями, и выбралась оттуда раньше, чем намеревалась.

Ингвар тут же самолично связал ей руки. На этот раз спереди, ноги связывать не стал. Ольга дивилась, глотая слезы, в мозгу начали появляться новые планы, вспыхнула надежда. Ингвар бросил в двух шагах от костра на землю конскую попону, сказал буднично:

– Ложись.

Ольха легла послушно. В сторонке ложились дружинники, некоторые уже спали. Она заметила, что на поляне поместились не все, многие спят за деревьями в темноте. Впрочем, если не смотреть в сторону костра, глаза быстро ко тьме привыкнут. Можно пробираться в темном лесу, не наступая русам на голову.

Ингвар стянул через голову кольчугу, оставшись в простой рубашке. Ворот был распахнут. Ольга невольно обратила внимание на широкие мышцы груди, покрытые густыми черными волосами.

– Доброй ночи, – сказал он.

Она не успела послать к Ящеру, как он опустился рядом на попону. Она в ужасе отвернулась. Он удовлетворенно хрюкнул, обхватил ее и подтащил к себе. Ее сердце колотилось с такой силой, что едва слышала, как он сказал:

– Ложечкой.

– Что? – вскрикнула она.

– Ложечкой, говорю, заснем, – пробормотал он ей в ухо. – Ты там не мечтай ни о чем... Я устал и буду спать. Но вырваться не мечтай тоже, я сплю чутко, как волк.

Сердце колотилось бешено, кровь шумела в жилах. Она дышала часто, и при каждом вздохе ее грудь касалась его руки. Он подгрел ее под живот, держал крепко, а другую руку подsunул ей под голову. Ее ухо лежало на сгибе его локтя, он мог бы согнуть руку и тогда взял бы ее за... нет, он не посмеет взять ее за грудь! Хотя может сомкнуть руки, чтобы она не выскользнула...

Однако он не двигался, дышал ровно и мощно. Ее напряженное тело, едва не сведенное судорогой, начало расслабляться. Ложечкой, подумала она смятенно. Вот уж поистине лежат как две ложки, одна в другой. Все ее выпуклости укладываются в выемки его крупного тела, и можно бы удивиться, насколько точно она лежит в его объятиях. Как будто ее создавали для его рук!

Она чувствовала, что попала в самую жестокую и нежнейшую тюрьму. Сквозь платье на спине чувствовала мышцы его груди, поясницей ощущала мускулы его рельефного живота. От его тела шел жар, и озноб начал покидать ее так быстро, что она не заметила, как взамен по телу разлилась теплая волна. Она ощутила себя плавающей в теплой прогретой воде лесного озера, где тихо и покойно. Ее тело расслаблялось все больше, теплота достигла ее сердца, она ощутила, как губы невольно раздвинулись в улыбке...

Она все еще улыбалась, когда луч солнца пробился сквозь листву, коснулся ее лица. Пухлые, разогретые во сне губы раздвинулись в счастливой улыбке еще шире. Яркие блики пробивались даже сквозь плотно сомкнутые веки. Она поморщилась, легонько чихнула и тут только ощутила, почему ей так покойно и защищенно. Она лежала согнувшись, как ребенок в утробе, колени едва ли не у подбородка, а спиной вжималась во что-то теплое, как печка, сильные руки держали ее крепко, не давая холодному воздуху вклиниться между ними. Она с ужасом ощутила, что ее голова лежит щекой на его руке, а другой рукой он держит ее за живот, и его ладонь почти касается ее разогретой груди.

Яростно завозившись, она освободилась, хотела вскочить, но сильная рука удержала. Обернувшись, увидела смеющееся лицо и самые пронзительно синие глаза, какие только можно было вообразить. У нее даже дух захватило, но тут же страх и гнев взяли верх. Она вскрикнула:

– Что...

Голос сорвался на писк, она закашлялась от холодного утреннего воздуха.

– Как спалось? – спросил он. И, не дождавшись ответа, заметил насмешливо: – Вижу, все в порядке. Я проснулся не в луже, чего боялся.

Она проглотила колкий ответ. Только сейчас ощутила, как горячо и тяжело в самом низу живота. Возможно, ночью он ощутил своей ладонью, как раздулся ее мочевого пузырь?

– Сейчас тоже пошлешь меня сторожить?

Он оглянулся, голос был задумчивым:

– Нет. Но не задерживайся. Иначе тебя можем потревожить на самом интересном месте.

От костра подошел, потягиваясь, Павка. Он ежился от утренней сырости, чуб на выбритой голове торчал смешно и нелепо. Руки держал под мышками, плечи торчком. Кивнул Ольхе без всякой вражды:

– Как почивалось, княгиня?.. Ингвар, ты не думаешь о граде рутуллов?

– Какие рутуллы? – буркнул Ингвар. – Не по дороге!

– Как раз по дороге, – возразил Павка, и Ольга в который раз подумала, что либо Ингвар – слабый дурак, либо люди его больно своевольны. Перечат почему зря. Но Ингвар не слаб, почему не пригнет их к земле, не заставит говорить уважительно?

– Зачем нам они?

– Влад сказал, типичи послали большое войско. В сторону брода, где нам переходить реку.

Ингвар, морщась, зло пытался развязать узлы на руках Ольги. За ночь их стянуло еще больше, покрыло росой, пальцы скользили. Разозлившись, он перерезал ножом. Ольга поспешила к кустам, даже не растирала распухшие за ночь кисти.

– Потому мы должны пойти через лес рутуллов?

– Точно, – подтвердил Павка довольно. – Конечно, мы справились бы с типичами... Что нам лапотное войско с рогатинами? Но какой резон свой же скот бить зазря? А так постоят на берегу, хлебалами пошелкают, воды попьют, как лоси рогатые, разойдутся несолоно хлебавши... Мы же за это время рутуллов примучим!

Ольга слышала громкий голос Павки и внезапно поняла: град рутуллов им не взять, а при ней признаться киевский воевода не хочет. Для мужиков очень важно перед бабами распускать хвосты, аки петухи горластые.

Больше не слышала, удалившись за дальние кусты. Правда, еще дальше дружинники седлали коней, но она нырнула под склонившиеся прямо к земле ветки, даже в спешке не проверив, нет ли там муравейника.

А у костра Ингвар сказал нехотя:

– Негоже нам уклоняться от боя. Хоть с типичами, хоть еще с кем. Мы одолеем!

Павка пожал плечами:

– Как хошь... Только я по весне на торгу с одной Любавой словцом перекинулся. Девка сладкая, как ягода! Вся – сплошная ягода! Даже не ягода, а ягодица. Она дочка рутулльского воеводы, а терем его крайний от крепостной стены.

Он повернулся уходить, Ингвар зло оскалил зубы:

– Погодь! Ты с ней, говоришь, словцом только перекинулся? А она не забрюхатела от твоего словца?

– Да вроде не должна, – сказал Павка с сомнением. – Хотя кто их, баб, поймет. Это я у своей псины знаю, когда течка... Думаю, что я смог бы к ней пробраться. Да не к суке, к Любаве. К моей суке и во время течки не всякому кобелю... Словом, если ночка будет темная...

Ингвар сказал саркастически:

– И что? Будем ждать, пока натешешься, а потом явишься хвастаться?

– Ингвар, – сказал Павка с укором, – разве раньше не рисковали? Что за жизнь для мужчин, ежели без риска? Все равно что девке без румян.

Они свернули с прямой дороги к Киеву, поняла Ольга. Березняк сменился сосняком, между деревьями было пусто, валежины встречались редко. Кони шли споро, бодро вскидывали мордами, всхрапывали, кусались на ходу. Ольга хранила угрюмое молчание, на редкие вопросы Ингвара лишь щерила зубы.

Павка часто исчезал впереди, возвращался всякий раз с обещанием вот-вот показать их стольный град, мол, уже второй день едут по землям рутуллов. Ингвар хмурился, но однажды все-таки Павка вернулся с криком:

– Стойте! Привал!

– Уже близко? – спросил Ингвар быстро.

– Да. Не стоит, чтобы нас узрели со стен.

Они расположились в густой дубраве, а костры Ингвар велел развести в ямах, чтобы не выдать их блеском огня. Едва успели набрать сушняка, как начали сгущаться сумерки. В лесу они наступают внезапно, даже русы к этому привыкли, загодя расседлали коней, вбили рогатины над кострами. Ингвар придирчиво проверил, чтобы ямы были по колено, не мельче.

Павка сушняк не таскал, ямы не рыл, за дичью не гонялся. Разлегся нагло под деревом, жрал на виду у всех, посмеивался, а обозленному Бояну серьезно ответил, что ему надобно силу копить, на подвиг идет во вражеский стан. Боян ушел, недовольно сопя, а Павке со всех сторон посыпались советы, как лучше совершить свой подвиг, а ежели их застанет мать Любавы, то повторить подвиг и с нею, а вдруг прибежит собака, то и с собакой тоже, чтобы на его стороне была, русов отличала...

С наступлением темноты Павка исчез. Ольга поймала себя на том, что всматривается в звездное небо. Луна светила ярко, заливая весь мир внизу светящимся ядом, самое время упырей, нежити и вурдалаков. Луна – солнце мертвых, Павке придется туго, ибо все зло вылезло из-под земли, бродит в поисках теплой крови...

Ее плечи передернулись. Тут же послышался голос:

– Зябко?

Этот воевода не спускает с нее глаз. Ну просто редкий трус. Она связана уже не веревкой, а ремнем, в довершение ко всему привязана и к дереву. И все-таки он трясется от страха, что она убежит!

Она пренебрежительно повела плечами, когда он набросил на них теплую душегрейку. Она ощутила его запах, что накопился в умело выделанной коже. Почему-то пахнуло морем, таким она представила этот горько-солончатый запах, так как, кроме своей малой речки, другой воды не видела. Не сразу сообразила, что это просто крепкий пот немывтого мужского тела.

– Иди к костру, – велел он сухо.

– Зачем? – спросила она надменно. – Если ты собираешься надругаться над моей женской честью... в тепле да еще на свету, тебе придется меня тащить силой.

Он стиснул зубы с такой силой, что скрежетнуло, будто сдвинулись жернова. Мгновение смотрел ей в лицо, бешено раздувая ноздри, глаза блестели, как у волка. Развернулся так, что плащом ее стегнуло, как бичом, ушел. Она видела, как сел перед костром, красное пламя бросало на резко очерченное лицо странно трепещущие блики.

Павка явился почти под утро. С ним была располневшая женщина. Когда приподняла капюшон, Ольга увидела молодое лицо с полными сочными губами. Щечки были пухленькие, с милыми задорными ямочками. А когда сбросила капюшон вовсе, Ольга в багровом свете костра с ревнивой ноткой отметила крупные навывкате глаза, томные и как бы покрытые поволокой, на которые западают все мужики.

Павка сказал гордо:

– Моя любовь, Любава. А это наш воевода Ингвар.

Любава медленно поклонилась молодому воеводе, дав возможность заглянуть в глубокий вырез платья, откуда тугие груди отчаянно старались выкарабкаться на свободу. Распрямлялась она еще медленнее, чувствуя на своей оголенной части груди жадные мужские взоры.

За спиной Ингвара завистливо вздохнул Боян:

– Всегда везет этому бесу.

– Ингвар, – сказал Павка, – я уже поговорил с Любавой. Она берется завтра в ночь опустить веревку со стены.

Ингвар спросил настороженно:

– А что потом?

– Поднимемся по одному. Потом сразу в терем к Любаве. Она напоит челядь бражкой с сонным зельем. Будет тихо. Нас не увидят. Накопимся в тереме побольше, потом ударим разом!

Ингвар с сомнением покачал головой, испытующе смотрел на молодую девку. Она томно прижалась к Павке, тот покровительственно похлопывал ее по кокетливо вздернутому заду.

– Попробовать стоит, – сказал он наконец. – Нам бы забросить хотя бы десяток без шума... а там можно ударить по воротам, распахнуть для остальных. Ладно, девка. Что ты хочешь за такую услугу?

Любава прижалась к Павке, томно взглянула в его смеющееся красивое лицо. Ольга предполагала, что именно попросит у воеводы, но Любава снова повернула голову к Ингвару. Голос ее был игривым:

– То, что русы носят на левой руке.

Ольга перевела взгляд на руки Ингвара. У него на левой руке был золотой браслет, знак боярина, у его дружинников браслеты были из серебра – широкие, массивные, у иных украшенные рубинами, изумрудами, топазами.

– Добро, – сказал Ингвар с пренебрежением. Его синие глаза обшаривали ее лицо. – Что еще?

– Ничего, – ответила Любава, она, как кошка, прижалась грудью к локтю Павки. – Конечно, чтобы меня не отдали на расправу им... ну, нашим.

Павка вздохнул, а Ингвар, видя его разочарование, широко улыбнулся:

– Добро. В том тебе мое слово! Укажи место, где будет веревка. Павка, отведи ее обратно, пока не хватились. Уже светает!

Ольга снова попыталась заснуть, укрывшись одеялом из удивительно тонкой нежной ткани. На душе была горечь. Вот как русы захватывают крепости, кремли, детинцы. Когда силой не взять, идут на хитрости. Если бы не предательство, что бы они сделали?

Уже засыпая, услышала смешок Бояна:

– А Павка говорил, что у девки брови – два крыла, стан же тоньше камыша... Брови – да, но в стане больше копну напоминает.

– Славяне таких любят больше, – ответил Окунь рассудительно. – У них даже о больных говорят: «худой», а когда кто выздоравливает, то, дескать, «поправился».

– Павка не славянин!

– Все мы потихоньку ославяниваемся.

Засыпая, она услышала два горестных вздоха, а перед внутренним взором уже начали возникать сперва смутные видения, потом все более отчетливые картинки, наливались цветом и яркостью. Вот она сокрушила и победила всех, а проклятого кровавого пса взяла в полон, на белом коне вернулась в славный град Искоростень. Русов вышвырнули за море, как и приходивших ранее варягов. А кровавого пса со связанными руками и на цепи привела в свой град... Нет, лучше с веревкой на шее, так унизительнее.

Конечно, казнить слишком просто. Он над ней поиздевался всласть, теперь ее очередь. Раз он пес, то пусть и сидит на цепи. Во дворе княжеского терема. Пусть все видят и... Нет, со злости кто-нибудь зарубит или проткнет копьем, ее месть умрет ненасыщенной. Его надо приковать прямо в тереме. Поближе к ее покоям, а то и вовсе возле ее двери. И убрать подальше все, чем может лишиться себя жизни. Он слишком горд, чтобы жить в плену. Тем более в плену древлянки, которую ненавидит просто люто... Она все время чувствует его подозрительный и ненавидящий взор, куда бы ни шла, что бы ни делала.

А то и вовсе приковать в ее покоях. Чтобы видел, как она ложится спать в роскошную постель, укрывается мягкими шкурами. А ему бросить собачью подстилку и поставить собачью миску. И пусть видит, как она раздевается на ночь, видит ее нежное тело, пусть исходит слюной...

Уже на грани погружения в глубокий сон, когда грезы плыли сами, без ее участия, она увидела его лицо, пронзительно синие глаза, ощутила его могучие руки, он склонялся над ней и жадно смотрел в лицо... И дальше произошло настолько отвратительное, настолько недопустимое между нею, древлянкой княгиней, и подлым пришельцем из-за моря, что она вздрогнула во сне, ее руки дернулись, словно пытались отстранить чужака, но грезы уже ей не подчинялись.

Ингвар подошел к пленнице. Она лежала скрючившись, поджав ноги, маленькая и жалобная. И хотя знал, что она ростом выше большинства славянских женщин, а в своем племени едва ли не самая крупная, ему показалась маленькой и беззащитной.

На лице ее застыло выражение страха, но губы улыбались, а пальцы дергались, словно она то ли отталкивала что-то, то ли притягивала к себе.

– Будь проклят день, – прошептал он едва слышно, – когда тебя увидел! Будь проклято племя, где ты родилась... Будь проклята вся эта жизнь.

Он осторожно опустился на колени, разрезал веревку. Если бы эта древлянка знала, какая это пытка – лечь рядом, держать ее в руках, чувствовать ее тепло, слышать ее мерное детское дыхание! Держать в руках, но оставаться камнем, деревом, мертвецом. Всю ночь бороться со сладостными видениями, что заполнили его сны!

Если бы она знала, если бы она только знала, что за грезы мучают его в ночи!

Глава 14

Она ощутила, что не желает просыпаться. Так бывало в далеком детстве, когда засыпала на руках родителей. Потом пришли пуховые постели, перины из лебяжьего пуха, но в грезах она нередко возвращалась ко времени, когда лежала калачиком, вся уместившись на жестких, как бревна, но таких теплых, надежных и уютных руках отца!

Что-то пощекотало нос, она чихнула, открыла глаза. Непонимающе смотрела на черный странный лес, что расплывался перед глазами, приподняла голову в недоумении. И с ужасом увидела, что черный лес – волосы на обнаженной груди мужчины и что она, спасаясь от утреннего холода, целиком заползла во сне на Ингвара, распластав его на спине, как лягушку. Она лежала на нем, вовсе не касаясь земли, а он еще и придерживал ее огромной рукой, другую небрежно забросив за голову.

Она вздрогнула, начала сползать осторожно, стараясь не разбудить. Его веки подрагивали, она со страхом и стыдом ощутила, что он вовсе не спит, трудно спать вот так, она чувствует... о боги!.. она чувствует своими коленями, что ему в самом деле трудно спать вот так, сдерживая свое звериное естество.

Кое-как сползла, замерла рядом. В голове и сердце была буря, там ослепляюще блистали молнии, а гром грохотал так обвиняюще, что она содрогалась, морщилась, боялась раскрыть глаза.

Ингвар глубоко вздохнул, глаза все еще не открывал. Она пугливо повернула голову, быстро окинула его взглядом. Он по-прежнему лежал на спине, широкий и с распахнутой на груди рубашкой, в черных волосках прыгал солнечный лучик, стрелял крохотными искорками. На поляне догорал костер, лежали три конские попоны, но голоса дружинников слышались издалека.

Воевода вздохнул снова, медленно забросил и другую руку за голову. Скривился чуть, и она поняла, что ему спать было неудобно, если он, конечно, спал. Она представила себе, как она лежала на нем, как ее грудь прижималась к его твердой, как вырезанной из дерева, широкой груди, как она непроизвольно обхватывала его за шею... и как вообще во сне заползла на него, как умащивалась, чтобы не свалиться, как хваталась за него... боги, за что хваталась, как прикасалась к его мужскому телу своими ладонями?

Ее осыпало жаром, она плотно-плотно зажмурилась, стараясь уйти из этого позорного мира, – надо же так влипнуть, – старалась изгнать видение, как лежала на нем, цеплялась, чтобы не свалиться, а он тоже поддерживал... понятно, боялся, что сбежит в ночи, но она, как могла она, княгиня, которая никогда не должна терять над собой власти?

Она приподнялась, села. Руки ее были свободны, как и ноги. Обрывки веревки лежали в двух шагах. Сзади зашевелился Ингвар. Ольга не поворачивалась, боялась своих полыхающих щек. Слышала, как он медленно встал, охнул, а потом его злой голос хлестнул ее, как плетью:

– Одень на ноги путы!

Не поворачиваясь, она взяла ремни, с отвращением надела на ноги. Тот же злой голос предупредил:

– Если пикнешь чуть громче обычного, тебе завяжут рот.

– Зачем? – спросила она тихо, все еще стоя к нему спиной.

– Днем в лес могут зайти рутулы. Я не хочу, чтобы нас нашли раньше времени.

Он ушел в ту сторону, где кони фыркали и с хрустом жевали сочную лесную траву. Ольга взглядом отыскивала самые густые заросли, направилась к ним.

День тянулся в тревожном ожидании. Дружинники точили мечи, топоры, проверяли доспехи. В глубокой яме принесли жертву Войдану, а печень и почки кабана разбросали по

кустам. В воздухе стоял запах свежeproлитой крови, тревожил, заставлял сердце биться чаще. Все жилы в теле напрягались, требовали боя. Ольхе для предосторожности снова пригрозили завязать рот, чтобы криками не привлекла местных охотников или баб, собирающих ягоды.

Боян обнаружил вблизи широкий ручей, а в двух местах, где раньше явно были гигантские деревья, образовались широкие и глубокие ямы, через которые вода бежала быстро и весело.

Окунь где-то подобрал дохлую лягушку, привязал суровой ниткой, опустил в воду. Ольга с отвращением смотрела, как отважные русы ловят раков. Ждут, когда рак вцепится в легкую добычу, вытаскивают на берег. Еще и веточкой сгребают в кучку, чтобы не расползлись.

Ингвар приблизился, буркнул:

– Можешь искупаться.

Ольха смерила взглядом берег:

– Там отмели нет, сразу глубина. А я со связанными руками... Что ж, может быть, так и лучше.

Она поднялась, Ингвар вспыхнул, ухватил ее за руки:

– погоди!

Его нож молниеносно возник в ладони. Ольга ощутила рывок, ее кисти рук разбросало в стороны. Ингвар стряхнул обрезки веревок, но придержал за рукав. Лицо стало подозрительным.

– Постой... А вдруг умеешь плавать?

– А что, – ответила она надменно, – плавать могут только русы?

– Да нет... Хотя лягушки плавают и в болоте.

– Ты можешь пустить меня плавать на длинной веревке.

Он задумался, глаза были ошупывающими.

– Веревку перегрызешь враз. Вон у тебя зубы как у щуки. Самому влезть, что ли... Сто-рожь-то надо.

– Вода холодная, – сказала она с презрением. – И ох какая мокрая!

Боян услышал, хохотнул:

– Как коня на веревке! Ингвар, ты ж коня купал, а это тебе не просто конь, а конягиня! Ты ее не просто купать должен, а еще и скребком потереть, копыта посмотреть.

Ольха неспешно вошла в воду. Дно понижалось быстро, уже в двух шагах вода поднялась до подбородка. Ингвар тоже ступил в воду, смотрел подозрительно, готовый кинуться в любое мгновение.

Ольха шагнула вправо, берег там был обрывистым. Бросив презрительный взгляд на воеводу, резко опустила под воду. В подводной части берега чернели норки. Ольга сунула два пальца в ближайшую, наткнулась на клешню, ловко перехватила удобнее и, вынырнув с шумом, швырнула рака на берег. Окунь с воплем отскочил, а Ольга снова скрылась под водой.

Почти в каждой норке сидел матерый рак. Она натаскала их больше дюжины, не сходя с места. Затем отошла на другой конец водяной ямы и, стоя в воде по пояс, стянула платье через голову, с облегчением и наслаждением принялась тереть, выполаскивать, освобождаться от пота и грязи, накопившихся за дни полона. Мужчинам не понять, как это важно: не пахнуть потом, надеть чистое!

Ингвар ощутил в груди боль, судорожно слотнул, глядя на ее обнаженную спину. Она была загорелой, в отличие от многих женских спин, которые видывал, а под чистой гладкой кожей играли мускулы. В ней было здоровье и сила. Пышные волосы, теперь намокшие, были собраны на затылке, не мешая ему жадно смотреть на ее гордо выпрямленную спину.

Ольга натянула платье, повернулась и медленно пошла обратно к берегу, где с луком в руках стоял Окунь, а Боян не замечал, что раки расползаются. Ингвара она старалась не замечать, услышала только восторженный вздох Окуня, а Боян присвистнул изумленно. Мокрое

платье плотно облепило ее стан, а высокая грудь от холодной воды поднялась, застыла, кончики заострились и едва не протыкали тонкую ткань.

Сбоку захлюпала вода. Ингвар тащился следом, мокрый до макушки. «Сторожил, – поняла она с горькой насмешкой. – Заходил поглубже, отрезал дорогу. Дурак, я могла бы прыгнуть мимо под водой. Только потом куда? Окунь лук со стрелами не выпускает из рук, а он влет бьет за сорок шагов голубя. Да и скорый на ноги Боян глаз не отводит».

Затрещали кусты. Прибежал запыхавшийся дружинник:

– Воевода! Двое рутуллов бредут в нашу сторону!

– Кто? – спросил Ингвар, не отводя глаз от Ольхи.

– Похожи на охотников.

– Охотников не скоро хватятся.

– Есть, – ответил дружинник понимающе. – Ножом по горлу и под дерновое одеяльце?

Ингвар не успел ответить, как Ольга вскрикнула негодуя:

– А невиноватых за что?

– За любопытство, – отрезал Ингвар. – Чтоб так далеко не забредали... Впрочем, так лучших выбьем, а править будем теми, кто с печи не слезает. Ладно, свяжите их покрепче. И пасти заткните. Отпустим, когда возьмем град.

Дружинник убежал, бросив на Ольху уважительно удивленный взгляд. Ингвару редко кто перечил, а тут он еще и переменял решение ей в угоду! Вот тебе и полонянка.

Ингвар вроде бы ушел тоже, ей так показалось, она старалась держать его краем глаза, Боян и Окунь ловили оставшихся раков, рассуждали, как их лучше варить. Раки в этой яме водились только черноватые, самые лакомые.

Ольха попыталась выдернуть колючку, запутавшуюся в волосах, поморщилась. Стиснула зубы – надо терпеть, она в мужском мире, здесь другие законы.

И тут же что-то упало ей на колени. Она вскочила со сдавленным криком, глаза были расширены в испуге. Сзади раздался сдержанный смех. Оглянулась в ярости, Ингвар стоял на пригорке, на губах играла его обычная злая ухмылка. Ольга посмотрела себе под ноги. В траве блестел костяной гребень.

– Он совсем не похож на змею, – сказал он серьезным голосом.

– Скотина!

Первым ее движением было отшвырнуть ногой гребень, но решила, что со спутанными волосами будет выглядеть еще хуже. Ей безразлично, что он о ней подумает, он всего лишь рус, но сама почувствует себя больной или увечной.

Небрежно подобрала изделие из кости. Довольно изящное, в другое время рассмотрела бы с удовольствием, но сейчас ее любопытство доставило бы радость только ему. Ольга отошла в сторону, села на траву. Солнце окутывало ее теплом, целовало обнаженные плечи. Выпрямившись, она принялась медленно расчесывать массу волос, распутывать свалявшиеся за ночь комки, вынимала колючки и мелкие травинки.

Ингвар сидел на пригорке, строго приглядывал за пленницей. Она все еще полна дикой жизни, он обязан не спускать с нее глаз. И его взгляд по долгу службы скользил по ее прямой спине, задерживался на полной круглой груди, что вызываяще натягивает тонкую ткань из шерсти, с удивлением смотрел на тонкие запястья, чересчур изящные для женщины-воина. Вычесываясь, она запрокидывала голову, выгибалась, и ее грудь еще туже натягивала ткань. Тонкое платье не могло скрыть ее длинных крепких ног, тонких в лодыжках, с едва заметными мышцами под светло-коричневой от солнца кожей.

Она расчесывалась долго и старательно, и он видел, как от такого пустяка улучшалось ее настроение. Волосы уже блестели, когда она с облегченным вздохом трянула головой. Целый водопад волос, разбрасывая капли воды, обрушился на ее плечи, растекая по спине. Затем

ее взгляд смягчился, стал мечтательным. Она подтянула колени к груди, обхватила руками и положила на них голову.

Несколько капель с ее волос упали на его обнаженную по локоть руку. Тайком, сам не понимая, что делает, он коснулся прозрачных капель губами. Сердце сладко зануло. Он жадно слизнул, чувствуя, как от языка по всему телу пошло нежное покалывание, сменившееся сладкой, непривычной для воина истомой.

Он не помнил, сколько так они сидели. Затем она повернула голову, глаза ее потемнели. Ему показалось даже, что по нежному лицу пробежала гримаса отвращения.

– Откуда у мужчин гребень? – спросила она едко. Нарочито медленно окинула взглядом его выбритую голову с единственным клоком волос. – Или расчесываете эти мышинные хвосты?

Ей показалось, что кровь бросилась ему в лицо. Но его кожу настолько прокалило солнце, что она не была уверена, было ли так на самом деле. А ответил он с неподражаемой грубостью русов:

– Мы? При чем здесь мы? У наших коней неплохие гривы. А какие хвосты!

– Скотина! – вскрикнула она снова и отшвырнула гребень.

Он бросил с жестокой насмешкой:

– Ты бы видела, какие гребни у наших женщин!

Короткое перемирие кончилось, пора было возвращаться в стан.

Пришел вечер, в небе зажглись звезды. Ингвар с угрюмым видом сидел возле костра. Красные блики играли на суровом лице, превращая в такое же создание ночи, как лешие, упыри или чугайстыри. Обнаженный меч держал на коленях. Красно-оранжевые блики прыгали по лезвию, и меч, казалось, жил своей жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.